

В.В. Зябриков

За Родину и Славу

Вторая война за Силезию
(1744-1745)

Виталий Зябриков

**За Родину и Славу. Вторая
война за Силезию (1744-1745)**

«Автор»

2023

Зябриков В.

За Родину и Славу. Вторая война за Силезию (1744-1745) /
В. Зябриков — «Автор», 2023

Середина XVIII века в Европе была отмечена сильнейшим кризисом, который трансформировал систему международных отношений на континенте. Одним из результатов нескольких тяжёлых военных конфликтов стало ослабление в Германии позиций Австрии и становление прусской державы, как нового важного фактора европейской системы государств. Работа посвящена одному из этапов этого конфликта, получившего название Второй Силезской войны (1744-45), по итогам которой прусскому королю Фридриху II удалось отстоять провинцию Силезию. Основной акцент сделан на описании и анализе военных операций и сражений. Вместе с тем, значительное место уделено политическому контексту. Освещены события, происходившие как при союзных Пруссии дворах (Франция, Бавария), так и при дворах противников (Австрия, Саксония) и нейтральных государств (Великобритания, Россия). Книга написана на основе широкого круга источников и литературы, и будет интересна как специалистам, так и любителям военной и политической истории XVIII века.

© Зябриков В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Введение	5
Часть I	9
Глава I. Дипломатия льва	9
Глава II. Юпитер Европы	18
Глава III. Секрет королевы	29
Глава IV. Тучи сгущаются	41
Глава V. Решение короля Фридриха	59
Часть II	77
Глава I. Перед вторжением	77
Глава II. Король поднимает щит	93
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Виталий Зябриков

За Родину и Славу. Вторая война за Силезию (1744–1745)

Введение

Среди военных конфликтов, которыми была так богата эпоха «Старого порядка», войне за Австрийское наследство (1740-48) принадлежит особое место. Кризис 1740-х годов оказал значительное влияние на систему международных отношений в Европе, претерпевшей в своей основе кардинальные изменения, и полностью изменил внешнеполитическую конфигурацию на континенте. Эти события, с лёгкой руки Альбера де Брольи получившие название «Дипломатическая революция XVIII века», связаны, прежде всего, со стремительным увеличением роли Пруссии в европейских делах и вхождением этого королевства в круг великих европейских держав. Тема «Дипломатической революции» хорошо изучена и является предметом множества исследований. Однако предшествующему периоду войны за Австрийское наследство в современных исследованиях уделено заметно меньше внимания. Войну за наследство последнего Габсбурга называют наиболее сложным конфликтом XVIII века (Anderson), а причудливое переплетение интересов участвующих сторон даже дало повод говорить о её аномальности (Lodge). Многогранность данного конфликта действительно делает его значительно более сложным, чем просто столкновение двух коалиций. По сути, война за Австрийское наследство служит общим определением для ряда конфликтов, некоторые из которых не имеют прямого отношения к самому наследству, как, например, англо-испанская война. Англо-французское соперничество, итальянские претензии Испании, старый антагонизм между Бурбонами и Габсбургами и ряд других противоречий нашли выход в конфликте 40-х годов XVIII века. Центральное место в этом ряду занимает новое противостояние Пруссии и Австрии, получившее по имени спорной провинции название Силезских войн. Важность этого конфликта объясняется тем, что именно прусский король Фридрих II нажал на спусковой крючок и привёл в движение лавину этих противоречий. Однако в современных исследованиях войнам первых лет правления короля Фридриха уделено значительно меньше внимания, чем, например, последующей Семилетней войне с её яркими военными событиями.

Во времена Реформации процесс обособления германских княжеств от центральной императорской власти получил мощный импульс, а Вестфальский мир оформил права князей на свою независимую внешнюю политику. Наиболее сильные германские князья получили возможность выстраивать собственные системы безопасности, параллельно стараясь закрепить достижения приобретением более высокого политического статуса. Саксония в 1697, Бавария в 1743, Брауншвейг-Люнебург в 1692 и 1714, Гессен-Кассель в 1720 годах представляют собой наиболее яркие примеры. Маркграф Бранденбургский, как один из влиятельнейших имперских князей, также получил королевский титул в 1701 году. Но, в отличие от курфюрстов Брауншвейг-Люнебурга и Саксонии, ставших королями Великобритании и Польши, корона Восточной Пруссии была искусственной и не придавала её обладателю никакого дополнительного политического веса. Тогда как его соседи-конкуренты в Германии, Ганновере и Саксонии могли на равных разговаривать с Веной, прусский король был вынужден довольствоваться подчинённым положением рядового германского князя. Корона без королевства, сильная армия и мощная экономика, но слабое политическое влияние – такое неопределённое положение было нестерпимым для молодого и амбициозного короля. Однако будет преувеличением считать, что прусский монарх хотел возвысить своё королевство до ранга ведущих европейских дер-

жав, таких как Франция или Англия. Для этого у Пруссии не было возможностей, и король полностью отдавал себе в этом отчёт. Его цель была скромнее – освободиться от габсбургского диктата, получить полную свободу действий и сделать Пруссию второй самостоятельной силой в Германии.

Но для достижения своей цели король избрал иные методы, чем его предшественники и соседи, находившиеся всё ещё в плену имперского сознания и действовавшие путём мирных и часто очень продолжительных переговоров. Он удивительно точно понял суть сложившейся тогда системы международных отношений, основанной на силе, а не на праве. Ярким тому подтверждением была судьба испанской монархии, которая была расчленена произвольным образом. Убеждённость, что лишь при помощи силы можно защитить интересы и безопасность своей страны, определила политические убеждения и методы молодого короля. В отличие от политики отца, его политика была до крайности прагматична. Армия, которая при Фридрихе Вильгельме замышлялась, как сила сдерживания, стала для его наследника инструментом экспансии – политики, которая, как писал король, присуща всем великим державам. Свою готовность к применению оружия король показал сразу после вступления на престол во время Гершталевского инцидента. Но первый серьёзный свой удар король нанёс спустя несколько месяцев в Силезии, когда быстрым занятием провинции поставил своих противников перед свершившимся фактом (Nürnberg). В результате двух лет напряжённой борьбы прусскому монарху удалось отстоять своё новое приобретение, что было закреплено условиями договора в Бреслау в июне 1742 года. Присоединение этой провинции существенно умножило ресурсы Прусского королевства и, что не менее важно, ограничило возможности габсбургской монархии.

Очевидно, что без учёта личных качеств короля Фридриха – полководца, дипломата и, наконец, человека – невозможно изучать этот период. Всё управление военными и политическими делами было сосредоточено в руках короля, который собственноручно руководил прусской политикой и возглавлял свою армию. Однако в задачи данной работы не входит оценка личности прусского короля. Здесь не будет дано ответа на животрепещущий вопрос, который занимал и продолжает занимать умы исследователей данного периода (Szabo) – было ли возвышение Пруссии закономерным явлением, обусловленным объективными предпосылками и гением прусского монарха или же это череда счастливых для короля-авантюриста случайностей? И, тем более, не ставится цель обвинить или оправдать короля, выставить его виновником или жертвой бурных событий 1740-60-х годов. Распространённая ранее точка зрения о «краже» (Macaulay) или «разбое» (Carlyle), возможно, покажется справедливой с моральной точки зрения, но в политике мораль и даже право часто имеют подчинённое значение. Это тем более справедливо для системы международных отношений XVIII века, основанной на идее равновесия сил, то есть, принципа, при котором сила ограничена лишь другой силой. И всякий раз, когда позволяли обстоятельства, моральные и даже правовые соображения отодвигались в сторону. Реюньоны Людовика XIV, захват Гибралтара и Менорки Англией, Лотарингии – Францией, разделы Польши – это лишь немногие из примеров в целой веренице подобных «краж».

В XIX веке исследователи уделяли большое внимание теме войны за Австрийское наследство и Силезским войнам. Особенно это касалось германских и австрийских исследователей. Австро-пруссский конфликт ещё сохранял свою актуальность, и историки неоднократно возвращались к его истокам и личности короля Фридриха, как его инициатора. Эта тема занимала «гигантов» исторической науки того времени – Леопольда фон Ранке, Иоганна Густава Дройзена, Рейнгольда Козера (Германия), Альфреда фон Арнета (Австрия), Альбера де Брольи (Франция), Томаса Карлайла (Великобритания). Для нашего повествования при этом важно, что, наряду с политическими процессами, данные исследователи большое место уделяли военным событиям. Два других фундаментальных труда имели своей непосредственной целью описание военных действий, кампаний и сражений эпохи Фридриха Великого и Марии-Терезии

Австрийской. Речь идёт о трудах «Die Kriege Friedrichs des Grossen» германского Большого Генерального штаба и «Kriege unter der Regierung der Kaiserin-Königin Maria Theresia», изданной по заданию начальника Императорско-Королевского Генерального штаба. Обе работы преследовали широкие цели, но начало Первой Мировой войны нарушило эти планы. Германское издание охватывает период Силезских войн и Семилетней войны до 1760 года, а австрийское вообще ограничивается описанием войны за Австрийское наследство («Oesterreichischer Erbfolge-Krieg»).

События бурного XX века оттеснили на второй план тему Силезских войн, хотя в 30-е годы личность короля Фридриха и войны, которые вела Пруссия в его правление, вновь стали привлекать интерес германских исследователей. Затем последовали десятилетия забвения. Хотя в этот период появлялись работы, посвящённые международным отношениям (Braubach, Mediger и др.), тема Силезских войн оказалась обойдённой вниманием исследователей. Военная история в обеих Германиях и Австрии переживала сложные времена, а внимание военных историков привлекали больше события XIX–XX веков.

В последние десятилетия наблюдается возрождение интереса к эпохе Старого Порядка и, в частности, к эпохе короля Фридриха II. В первую очередь, это касается изучения среды и контекста – внешней политики и международных отношений, армии и общества, налогов и государственных структур. В отношении военной истории интерес сместился от описания кампаний и сражений в сторону изучения систем найма и обучения, финансирования и логистики. Это, безусловно, интересные, важные и перспективные для изучения аспекты жизни армии и государства того времени, но, как пишет Браунинг, чтобы понять, почему была выиграна война, необходимо также знать, как развивались военные действия. Но как раз ходу военных действий в последнее время посвящено немного работ. Рид Браунинг в своём эссе «Новый взгляд на Силезские войны» (New Views on the Silesian Wars) дал подробный библиографический анализ данной темы. Статья появилась в 2005 году, и с тех пор этот список расширился (Showalter, Szabo, Querengässer и др.). Однако исследователи либо описывают военные действия общим планом, уделяя отдельным кампаниям лишь несколько страниц, либо, напротив, сосредоточив внимание на одном событии или сражении. С другой стороны, упомянутые ранее работы австрийского и германского генеральных штабов представляют собой большой массив информации, изобилующий мельчайшими подробностями и бесчисленными документальными свидетельствами. Эти издания до сих пор считаются самыми авторитетными описаниями Силезских войн, но временами излишняя подробность и тяжеловесность подачи материала усложняют их восприятие. Кроме того, некоторые содержащиеся в них данные уже стали предметом критики в более поздних работах, что является ещё одним доказательством, что точка в исследовании Силезских войн ещё не поставлена. Задачей данной работы является представить читателю описание кампаний и сражений Второй Силезской войны, избегая, по мере возможности, избыточных подробностей, и включив данные более поздних исследований. Также в конце каждого раздела будет дан обобщающий анализ кампании.

Ради целостности повествования пришлось пожертвовать некоторыми политическими или военными событиями. В первую очередь, это касается присоединения к прусским владениям Восточной Фрисландии в 1744 году, которое последовало в самый разгар подготовки к войне.

Несмотря на то, что главной задачей данной работы является описание военных событий, исследование конфликтов той эпохи требует более широкого подхода. Война в те времена была настолько обременительна, что ни одна, даже самая мощная держава, как Франция Людовика XIV, не могла долго вынести груз войны без катастрофических последствий. Это резко повышало ценность союзников, а значит, роль дипломатии. Случалось, что умелым дипломатическим ходом была выведена из борьбы целая страна или, наоборот, приобретён ценный союзник, вступление армии которого могло изменить ход войны. Это было время активных и

гибких дипломатических отношений, где в короткое время создавались, разрушались и вновь создавались коалиции, а недавние союзники становились врагами, чтобы вскоре вновь примириться. Поэтому перипетиям европейской политики в период 1743-45 годов на этих страницах также отведена значительная роль.

Часть I Мирные годы

Глава I. Дипломатия льва

Известие о подписании в июне 1742 года мирного договора в Бреслау, завершившего войну с Австрией¹, было встречено по всему прусскому королевству ликованием и празднествами. Перезвон колоколов и огни фейерверков возвещали о победе молодого короля Фридриха и прусского оружия, благодаря чему королевство приросло ещё одной провинцией – богатой и цветущей Силезией, жители которой праздновали это событие наравне с другими подданными прусской короны. Именно здесь, в силезском городе Яуэр (Jauer), 15 июня на одном из транспарантов появилась надпись «Frederico Magno», впервые и, быть может, преждевременно, наделившая молодого короля тем лестным эпитетом, с которым его имя навсегда войдёт в мировую историю. Сам монарх-победитель, дождавшись австрийской ратификации договора, под звуки фанфар и салютов выехал из Бреслау в Берлин. По дороге его встречали толпы восторженных подданных и иностранцев, желавших увидеть «покорителя Силезии». В те дни он писал своему другу Жордану (Jordan), что «возвращается домой с отрадой и что Отечеству не в чем его упрекнуть», приглашая его вернуться к их излюбленным философским прогулкам под липами Шарлоттенбурга или в уединении Ремюсберга². После опасностей и лишений военных походов, после крови и жестокостей сражений предаться идиллии и найти успокоение в беседах под мелодичное течение Шпрее или Рина.

Но отдых оказался слишком коротким. Всего пара дней, после чего неотложные государственные дела вновь вырвали короля из объятий муз. Первая и самая сложная задача была решена. Вена в официальном договоре признала передачу Силезии и Глаца. Но обстоятельства меняются, и вечных договоров не бывает, о чём король Фридрих, нарушивший за два года войны два договора³, знал, наверное, лучше других. Государственный интерес и забота о благе своих подданных, по собственному выражению прусского короля, для каждого государя должны быть выше любых обязательств⁴. Таким образом, для упрочения территориальных приобретений и предотвращения австрийской попытки реванша необходимо было заручиться гарантиями со стороны ведущих европейских держав. При этом лучшим вариантом было включение условий Бреславльского договора в статьи будущего общего мира, что обеспечивало бы их признание, как непосредственными участниками мирного договора, так и его гарантами. Однако летом 1742 года, пожар войны, утихнув на востоке, вспыхнул новым пламенем на западе континента, в результате чего всеобщее умиротворение в Европе стало казаться делом далёкой перспективы.

Прелиминарный в Бреслау и окончательный в Берлине мирные договоры июня – июля 1742 года, оформившие успех силезского предприятия прусского короля, не завершили начатой им войны, которая даже после выхода из конфликта самого его зачинателя продолжала

---

¹ В данной работе термины Австрия и Габсбурги и производные от них используются как синонимы. Равно как и термины Англия и Великобритания, Республика Соединённых Провинций и Голландия и Брауншвейг-Люнебург и Ганновер.

² Замок Рейнсберг (Rheinsberg) или Ремюсберг (Remusberg) – излюбленная резиденция короля Фридриха, где он жил долгое время ещё будучи кронпринцем.

³ Договор с Францией и Кляйн-Шнеллендорфскую конвенцию о перемирии с Австрией.

⁴ Из письма Жордану от 15 июня 1742 года из лагеря под Куттенбергом: «... для государя благо всей нации есть цель, достижение которой является его долгом; ради этой конечной цели он должен пожертвовать даже самим собой, не говоря уже о принятых на себя обязательствах, если они начнут угрожать благу его народа».

развиваться самостоятельно, вовлекая в военно-политический водоворот всё новые страны. Заключение прусско-французского договора в первых числах июня 1741 года и открытие Францией осенью военных действий вывело конфликт между Австрией и Пруссией на новую стадию эскалации и придало ему характер общеевропейской войны. К концу года, после взятия союзниками по антиавстрийской коалиции Праги и отступления короля Фридриха от Кляйн-Шнеллендорфской конвенции, раздел владений Габсбургского дома казался неизбежным. Однако возвращение стратегически важных территорий южной Богемии и катастрофа союзников под Линцем в самом начале 1742 года позволили австрийцам компенсировать потерю Праги. Курфюршество Бавария, родовое княжество новоизбранного императора Священной Римской империи Карла VII, оказалось в руках спасителя Вены австрийского фельдмаршала Кевенхюллера. В результате неудачного похода в Моравию, союзники окончательно потеряли инициативу, после чего стало очевидно, что Габсбургский дом, защищать который в это тяжёлое время выпало на долю молодой королеве Венгерской и эрцгерцогине Австрийской Марии-Терезии, сумел выстоять, а война затягивается. Это понимание полностью изменило внешнеполитическую картину. У победы всегда много друзей, тогда как удел поражения – одиночество. Так и сейчас, поражения франко-баварских войск и пошатнувшиеся позиции Франции в Европе придали мужества друзьям и союзникам Габсбургов в Германии и ободрили её врагов.

Первые и очень существенные изменения произошли в Англии, где общественное мнение было крайне возмущено позицией министерства по отношению к Австрии, а также неудачами в войне с Испанией. Заключение английским королём и курфюрстом Ганновера Георгом II конвенции о нейтралитете Ганновера⁵ и его согласие голосовать на выборах императора Священной Римской империи за французского кандидата Карла-Альбрехта Баварского английское общество восприняло как неслыханное унижение и очевидное доказательство зависимости английской политики от континентальных интересов короля Георга. Теперь все были настроены против всемогущего министра Роберта Уолпола (Walpole). На выборах в палату общин в декабре 1741 года его партия потерпела поражение, а сам Уолпол после жарких дебатов в феврале 1742 года вынужден был подать в отставку и удалиться в своё поместье. На смену длившейся 21 год «Робинократии» власть в английском министерстве перешла к оппозиционной группе вигов-патриотов во главе с лордами Пултенеем (Pulteney) и Картеретом (Carteret), видевших первую свою задачу в ослаблении Бурбонов и поддержке Австрии. Ещё в начале 1741 года, после занятия прусским королём Фридрихом Силезии, Картерет заявлял в парламенте о необходимости поддержать дело Марии-Терезии: «Если Австрийский дом падёт, мы вынуждены будем содержать в мирное время так много войск, что это нас погубит». Несколько позже, в январе 1744 года он произнесёт в палате лордов слова, которые можно считать основой не только его системы, но и всей английской внешней политики в Европе в последующие десятилетия. Он заявил, что Великобритания обязана постоянно поддерживать Габсбургов, как противовес Франции, «ибо если французский монарх случайно обнаружит, что он свободен от соперников на континенте, то решит, что завоевания его вне опасности, и сможет сократить численность гарнизонов, оставит крепости и распустит армию; но те сокровища, которые позволяют ему заполнять поля солдатами, вскоре дадут ему возможность осуществить планы гораздо более опасные для нашей страны... таким образом, милорды, мы должны ... оказы-

⁵ Конвенция о нейтралитете Ганновера была заключена 27 сентября 1741 года. Под угрозой вторжения в Брауншвейг-Люнебургское курфюршество французской армии Вестфалии и прусского корпуса князя Ангальт-Дессауского король Георг вынужден был уступить французским требованиям и отказаться от поддержки Марии-Терезии, а также передать свой голос, как курфюрста Брауншвейг-Люнебургского, на будущих выборах императора Священной Римской империи в пользу кандидатуры курфюрста Баварии Карла-Альбрехта. Часто датой заключения конвенции указывается 28 октября 1741 года. Данная дата является ошибочной и указана в работе М. де Коха (Koch) и Ф. Шёлля (Schoell) «Histoire abrégée des traités de paix...» (Т. II, Paris, 1817), тогда как другие исследователи независимо друг от друга называют другую дату – 27 сентября (Грюнхаген, Прибрам, Карлайл, Дройзен и друг.).

вать содействие Австрийскому дому, ибо он является единственной силой, которую можно положить на чашу весов, дабы перевесить мощь государей из династии Бурбонов». Опасения английских министров перед этой угрозой были вполне обоснованы, так как со времён Кромвеля Англия, из опасения военной диктатуры, содержала небольшие сухопутные силы, предпочитая сдерживать Францию при помощи наёмных войск континентальных союзников. И хотя в годы войны за Испанское наследство английская армия достигала внушительной численности в 70 000 человек, уже сразу после заключения мира она была настолько сильно сокращена, что для подавления якобинских бунтов в 1715 и 1719 годах пришлось перевозить на остров голландские войска. Поэтому, в условиях роста влияния Франции на континенте, главной задачей английской политики стало восстановление системы союзов, в которой Австрии отводилось главное место.

Лорд Картерет обладал выдающимися способностями, сочетая качества политика со знаниями учёного, полученные им за годы обучения в Оксфордском университете. Оттуда же, вместе со знаниями многих языков, истории и прочих наук, будущий госсекретарь вынес страсть к вину, отчего его министерство в народе прозвали «министерством пьяницы». Лорд Картерет был вигом старой школы, являлся сторонником продвижения английских интересов на континенте и мыслил категориями Большого Альянса. Будучи чрезвычайно честолюбивым, он последовательно добивался решения главной задачи – унижить Францию и Испанию и вернуть Англии место арбитра в Европе, приобретённое по итогам войны за Испанское наследство и окончательно утерянное в последние годы министерства Роберта Уолпола. Встав во главе британского министерства, Картерет убедил короля Георга денонсировать конвенцию о нейтралитете Ганновера, найдя формальный повод в том, что при заключении конвенции забыли упомянуть о сроках действия данного соглашения. Это деяние будущий премьер-министр герцог Ньюкаслский позже назовёт лучшим из того, что Картерет когда-либо сделал. Однако сам министр не собирался на этом останавливаться и последовательно осуществлял план по изоляции испанских и французских Бурбонов и формированию против них широкой европейской коалиции, подобной Большому альянсу конца XVIII века. По плану герцога Ньюкаслского, в коалицию, помимо Англии и Ганновера, должны были войти ближайший английский союзник Голландия, а также Австрия, Саксония, Пруссия, Сардиния и Россия. Помимо бурбонских монархий, это были самые сильные в военном отношении державы континента. По выражению лорда Картерета, его цель состояла в том, чтобы лишить корону Франции её союзников и объединить всю Европу для псовой охоты на неё. Были восстановлены отношения со Швецией, куда в ранге министра был направлен Гай Диккенс (Dickens), что позволило возобновить в Стокгольме совместную с Россией работу по ограничению французского влияния в этой стране. В Италии также предпринимались меры по изоляции Бурбонов, и здесь Великобритания, находившаяся в состоянии войны с Испанией, могла использовать не только дипломатические, но и военные средства. Аппенинский полуостров, хотя и представлял собой отдельный и почти изолированный театр военных действий, но являлся неотъемлемой частью единого дипломатического поля Европы и происходящие там события часто оказывали сильное влияние на внешнеполитические процессы в других частях Европы. Именно поэтому здесь представляется уместным подробнее рассказать о событиях, происходивших в это время по другую сторону Альпийских гор.

Итоги войны за Польский трон, основные события которой происходили далеко от границ Польши, не удовлетворили Мадрид, где внешняя политика со времени развития душевной болезни короля Филиппа V была подчинена династическим интересам Елизаветы Фарнезе. Слова французского посланника в Мадриде кардинала Реннского хорошо характеризуют сложившееся при мадридском дворе положение: «Здесь управляет один лишь ум, и это ум королевы Испании; никто не осмеливается предложить то, что против её желаний, и, таким образом, вся испанская монархия сводится к её единственной персоне...». Елизавета намеревалась

обеспечить обоим своим сыновьям, Дону Карлосу и Дону Филиппу, земельные владения в Италии за счёт Австрийской монархии. Благодаря заключённому кардиналом Флери (Fleury) миру, Дон Карлос действительно приобрёл Неаполитанское королевство, но Габсбурги смогли сохранить своё влияние на Аппенинах, получив родовые владения Дома Фарнезе герцогство Пармское и Пьяченцу. Кроме того, к Габсбургам также перешла Тоскана, Великим герцогом которой после смерти последнего Медичи стал супруг Марии-Терезии Австрийской и будущий император Франц-Стефан. Узнав о заключении мира между Версалем и Веной, Елизавета Фарнезе пришла в ярость, но изменить ничего не могла.

Таким образом, на Аппенинах был установлен баланс сил между Бурбонами и Габсбургами, что играло на руку ещё одному влиятельному игроку – Его Сардинскому Величеству Карлу Эммануилу. Во время войны за Польский трон король Сардинии в обмен на обещание Миланского герцогства выступил против Габсбургов, и был жестоко разочарован заключением мира без его согласия. Теперь, с началом войны за Австрийское наследство и выступлением Испании против Марии-Терезии и Прагматической санкции, баланс сил на полуострове мог сильно измениться. Карл-Эммануил и его министры опасались не Испании, которая, даже если бы ей удалось перевести войска в Италию, имела бы критические проблемы с их снабжением и пополнением. В Турине более всего опасались усиления Франции, а ещё точнее – Франции в союзе с Испанией. Испания собрала в Каталонии армию в 40 000 человек, но пока кардиналу в Версале удавалось сдерживать «партию войны», а на Средиземноморье господствовал английский флот, претензии Мадрида не могли быть реализованы.

Сардиния обладала сильной армией и контролировала альпийские проходы, ворота в Италию, что делало Его Сардинское Величество желанным союзником. Поэтому, получив предложения о союзе одновременно из Вены и Мадрида и сознавая заинтересованность в помощи Сардинского королевства как со стороны галлиспанцев⁶, так и со стороны австрийцев, «хозяин Альп» решил не торопиться с ответом, и пока лишь наблюдать за развитием событий. Король Карл-Эммануил не был альтруистом. Ни один государь, ни даже король Фридрих Прусский, как пишет Лодж (Lodge), не преследовал настолько открыто свои интересы. Как раз непостоянство сардинских королей во внешней политике, дало повод другому британскому историку Коксу (Coxe) говорить о «характерной алчности Савойского дома». Король не скрывал, что хочет получить земли в Ломбардии и выход к морю на лигурийском побережье. И теперь, несмотря на настоятельные призывы со стороны Великобритании отказаться от контактов с Бурбонами, Карл-Эммануил был готов принять сторону тех, кто предложит лучшие условия и снабдит их надёжными гарантиями. При этом в ситуации конца 1741 года, когда Австрия переживала тяжёлые времена, для него было предпочтительнее получить эти выгоды от Вены, чем от Мадрида. Это позволяло ему поддерживать равновесие между Бурбонами и Габсбургами в Италии, на чём основывалась политика Сардинского королевства. Ведя консультации одновременно с двумя сторонами, король Карл-Эммануил, по выражению Ранке, вёл себя подобно своим знаменитым предкам, средневековым кондотьяерам, будучи готов присоединиться к тем, кто больше предложит.

Но в конце 1741 года бóльшая часть австрийских войск была переведена из Италии в помощь фельдмаршалу Кевенхюллеру (Khevenhüller), который с их помощью провёл блестящую операцию по взятию Линца и оккупации Баварии. После этого испанские войска высадились в тосканских портах Президио, доставшихся Дону Карлосу вместе с короной Неаполя и Сицилии по результатам войны за Польский трон. В этот момент возникла действительная опасность изгнания австрийских войск из Италии, результатом чего стало бы резкое усиление испанских Бурбонов. Тогда земли Сардинского королевства были бы окружены бурбонскими владениями, что угрожало его самостоятельности и суверенитету. Исходя из этого, король

⁶ Данный термин широко использовался в то время для обозначения союза Франции и Испании.

Карл-Эммануил решил принять сторону Марии-Терезии и попытаться расстроить широкие планы испанской Ксантиппы, как остроумно назвал королеву Елизавету британский историк Карлайл (Carlyle). 1 февраля 1742 года в Турине австрийским министром графом Шуленбургом (Schulenburg) и сардинским министром маркизом д'Ормеа (d'Ormea) была заключена конвенция, которая, по выражению кардинала Флери, не имела аналогов в дипломатической истории и напоминала скорее контракт о приёме на работу, чем политическое соглашение. Согласно её статьям, король Сардинии обязывался помочь Марии-Терезии в обороне Ломбардии, Пармы и Пьяченцы и атаковать союзника Бурбонов герцога Моденского, пообещав на время действия соглашения не покушаться на австрийскую Ломбардию. Таким образом, Карл-Эммануил был вынужден помочь Марии-Терезии, пытаясь вернуть комфортное для себя состояние равновесия Бурбонов и Габсбургов в Италии.

Данное соглашение полностью соответствовало интересам Великобритании, которая выступила в роли посредника во время австро-сардинских переговоров. Более того, некоторые исследователи (Карлайл, Лодж, Кох) считают, что англичане намеренно отозвали свою эскадру из Западного Средиземноморья и позволили испанским транспортным кораблям беспрепятственно пересечь море. К середине января испанцы высадили в портах Президио и заливе Специи (Spezzia) около 25 000 солдат. Командование над этим корпусом принял победитель при Битонто (Bitonto) и покоритель Неаполя времён войны за Польский трон герцог Монтемар (Montemar), к которому присоединились около 20 000 неаполитанцев короля Карла⁷. После этого пожар войны в Италии вспыхнул ярким пламенем, а Карл-Эммануил, к полному удовлетворению Лондона, вынужден был прекратить свои колебания и поддержать Марию-Терезию против Испании.

Затем английский флот блестяще выполнил важнейшую задачу по выведению из войны Неаполитанского королевства. В одну августовскую ночь отряд кораблей из английской средиземноморской эскадры Мэтьюза (Mathews) под командованием коммодора Мартина (Martin) неожиданно появился на рейде Неаполя. Встав на якорь в зоне досягаемости до города корабельных орудий, коммодор приказал передать Его Неаполитанскому Величеству, что если в течение одного часа (по другим данным, двух часов) он не подпишет распоряжение о возвращении неаполитанских войск домой и не объявит о нейтралитете, его прекрасный средиземноморский город будет превращён в груды развалин. Королю Карлу, осаждаемому толпами испуганных горожан, ничего не оставалось, как принять этот ультиматум. Ещё сутки понадобились на подготовку необходимых приказов, а утром Мартин снялся с якоря и растворился в морских просторах. Молниеносная и изящная операция.

Наряду с Италией, где Лондону удалось ослабить Бурбонов и усилить Габсбургов, английское министерство с приходом лорда Картерета начало дипломатическую атаку против Франции в Германии. Также как и в Италии, основная задача здесь состояла в ослаблении антиавстрийской коалиции и формировании мощного антифранцузского союза. Необходимо было разрушить систему, с величайшим трудом выстроенную герцогом Бель-Илем (Belle-Isle), и на её обломках создать новую, но обращённую уже против Франции. Главное место в этой системе отводилось Австрии, на поддержку которой теперь были направлены большие силы и средства. Мария-Терезия имела все основания быть разочарованной в поддержке Англии после отказа короля Георга II ратифицировать субсидный договор от 24 июня 1741 года и давления, которое английская сторона оказывала на неё, требуя уступками оплатить заключение мира с королём Фридрихом. Даже одобренные парламентом 300 000 фунтов стерлингов выплачивались крайне скупно, а четверть из них вообще были изъяты королём Георгом⁸. На все требования о помощи

---

⁷ Уход английского флота был немедленно использован английской парламентской оппозицией как дополнительный повод для обвинений в сторону Уолпола, которого теперь считали способным даже отдать Испании Гибралтар. Таким образом, эти события также повлияли на решение об отставке Уолпола.

⁸ Здесь приведена версия Арнета, согласно которой в австрийскую казну поступило 220 000 из 300 000 фунтов стерлингов.

на основании договора от 1731 года, которым Великобритания гарантировала Прагматическую Санкцию, из Лондона отвечали, что сначала Вена должна примириться с прусским королём.

Приход лорда Картерета ознаменовал поворот в политике английского министерства и хотя английский посланник в Вене сэр Томас Робинсон (Robinson) по-прежнему настаивал на мире с Пруссией, теперь не было сомнений, что Англия поможет Австрии. 13 апреля 1742 года Парламент одобрил новые субсидии в размере 500 000 фунтов стерлингов. Впоследствии часть из них была передана Сардинскому королевству, но оставшиеся 300 000 фунтов стерлингов поступили как нельзя вовремя. В конце марта австрийский министр в Лондоне граф Васнер (Wasner) получил из Вены задание ускорить получение субсидий, так как средства на содержание армии и проведение военных операций подходили к концу. Ввиду тяжёлого финансового положения Австрийской монархии, половина из этих средств была направлена немедленно, а оставшиеся 150 000 фунтов стерлингов Вена получила после подписания соответствующего субсидного договора 6 июля 1741 года.

Однако ценой этой помощи должен был стать мир с Пруссией, после которого австрийские войска должны были быть переброшены на запад против главного соперника Великобритании – Франции. Мария-Терезия и её министры до последней возможности сопротивлялись этому давлению, пока поражение австрийской армии Карла Лотарингского у Часлава (Хотузица) не отняло последнюю надежду на удержание Силезии. Изменить ситуацию собственными силами не удалось, а продолжение войны было возможно лишь при помощи Англии. Но в Лондоне требовали отдать прусскому королю часть дорогого сердцу наследства отца. Одновременно англичане предлагали деньги на войну против Франции, не оставляя Австрии иного выбора, кроме как пытаться получить компенсацию за потерю Силезии за французский счёт. Мирный договор в Бреслау, подписанный при посредничестве английского посланника лорда Гиндфорда (Hyndford), называют триумфом английской дипломатии и нового министерства. Стремясь привлечь короля Фридриха к создаваемому им антифранцузскому союзу, лорд Картерет гарантировал австро-прусское соглашение Кёнсингтонским актом от 24 июня 1742 года, то есть ещё на этапе прелиминарного соглашения и до подписания мирного договора в Берлине (28 июля). Довольный своим успехом, лорд Картерет говорил, что как когда-то, будучи посланником в Швеции, подарил прусской короне Штеттин, так и теперь, уже став государственным секретарём, дарит ей Силезию. Мир в Бреслау, а именно это название вошло в обиход, хотя окончательный мирный договор был заключён месяцем позже в Берлине, стал поворотным пунктом в войне. Французская армия в Богемии была существенно ослаблена, саксонские войска также понесли тяжёлые потери в моравском походе, и прусская армия оставалась главной надеждой союзников. Поэтому после выхода из войны Пруссии военное положение в Богемии быстро изменилось в пользу Марии-Терезии, армия которой блокировала Прагу вместе с окружённой там армией Богемии во главе с маршалом Брольи (Broglie).

После выхода из войны Пруссии, коалицию, с большим трудом собранную за год до этого маршалом Бель-Илем, покинула Саксония. Понесшая большие потери саксонская армия была отведена для пополнения и переформирования к границам курфюршества. 23 апреля английский посланник в Дрездене сэр Томас Вильерс (Villiers), имя которого мы ещё не раз встретим на этих страницах, сообщил всемогущему министру Брюлю (Brühl) и духовному отцу королевской четы пастору Гуарини, что его монарх, Георг II, решил оказать активную поддержку Марии-Терезии Австрийской и гарантировать её владения. При этом в Лондоне рассчитывали на содействие Республики Соединённых Провинций, а также королей Пруссии и Польши. Эта новость была для Саксонии уничтожающей, так как армия в срочном порядке нуждалась в отдыхе и пополнении, и курфюршество было почти беззащитно перед вторжением из Ганновера и Бранденбурга. О продолжении войны с Австрией более никто не помышлял. Если

Другой австрийский историк Евгений Гуглиа (Guglia) утверждает, что австрийская сторона получила всю сумму целиком.

раньше короля Фридриха винили в гибели саксонской армии во время моравского похода и занятии предназначенной Саксонии Верхней Силезии, то теперь в Дрездене опасались, что он решит воспользоваться удобным случаем для расправы над бывшим союзником. Запутанное состояние дел в России вызывало сомнения в возможности оказания помощи со стороны русского двора.

23 июня 1742 года со стороны прусских дипломатов Бееса (Vees) и Аммона (Ammon), а также от англичанина Вильерса последовало официальное приглашение королю Августу присоединиться к мирному договору, при условии, что саксонские войска в течение шестнадцати дней покинут территорию Богемии. Однако дрезденский двор считал унижительным присоединение к заключённому Пруссией мирному договору, и настаивал на отдельном мирном договоре с Австрией. В нём саксонское министерство рассчитывало добиться компенсации от венского двора за понесённые на этой войне потери. Министры пытались заручиться поддержкой России и Англии, но эти попытки встречали закрытые двери. Из Петербурга в Дрезден был направлен ответ, что Россия вполне довольна достигнутым примирением и не хотела бы ввергать Австрийский дом в новые издержки. Лорд Картерет также отвечал, что не может более требовать уступок от Марии-Терезии, а лорд Гиндфорд, творец Бреславльского мира, заявил саксонскому министру Заулю (Saul), чтобы король Польши не питал на это надежд. В заключение Гиндфорд посоветовал: «Увеличьте Вашу армию, укрепите Бауцен, держитесь союза с нами и всё будет хорошо». Саксонский двор вынужден был подчиниться и 9 июля, через шестнадцать дней после оглашения в Дрездене условий мира в Бреслау, последний саксонский солдат покинул территорию Богемии. Переговоры в Вене и попытки графа Брюля добиться уступок от Марии-Терезии продолжались ещё два месяца, пока, наконец, 11 сентября 1742 стороны не заключили мирное соглашение. Оно последовало в виде обмена декларациями, подписанными собственноручно Его Польским Величеством и Королевой Венгерской. Саксонская сторона отказывалась от территориальных претензий на габсбургские земли и готова была заключить союз с Веной в обмен на обещание со стороны Марии-Терезии помочь в приобретении Эрфурта. Этой небольшой уступкой со стороны венского двора Саксония была обязана приближению к Богемии французской армии маршала Майлебуа (Maillebois), что вынуждало австрийское министерство торопиться с заключением мира.

Конец 1742 года ознаменовался ещё двумя крупными успехами английской дипломатии. 18 ноября в Вестминстерском дворце был подписан договор с Пруссией, а 23 декабря в Москве возобновлён оборонительный союз с Россией. Прежний договор с Россией, заключённый в апреле 1741 года российским министром графом Остерманом и английским посланником Финчем (Finch), не был ратифицирован российской стороной. Причиной тому был отказ Лондона отправить эскадру в Балтийское море в помощь русскому флоту во время войны со Швецией. Однако в начале правления новой императрицы Всероссийской Елизаветы I охлаждение отношений России с Францией вновь открыло путь к сближению между двумя странами. Российская сторона по-прежнему была заинтересована в появлении английской эскадры на Балтике, а в Лондоне хотели видеть Россию в числе своих союзников в войне против Франции. Ответ лорда Картерета на просьбу российского посланника Нарышкина об отправке кораблей наглядно демонстрирует цели Лондона при заключении данного договора: «Эта посылка зависит исключительно от Императрицы; если она изволит разделить наши взгляды, эти корабли будут готовы немедленно, как только она пожелает и, по правде говоря, истинные интересы России и Англии требуют полного согласия в энергичной и совместной защите дела королевы Венгрии». Для большей убедительности в необходимости защиты дела Марии-Терезии новому английскому посланнику Вейчу (Wiche) было поручено не жалеть денег на взятки, в чём тот

изрядно преуспел, сумев данным путём убедить в необходимости заключения договора влиятельного лейб-медика императрицы Лестока⁹.

В договоре стороны обязывались оказать друг другу помощь в случае нападения. Россия должна была выставить корпус в 12 000 человек, Великобритания – эскадру из 12 линейных кораблей. Предусматривалась также выплата денежной компенсации. В тайной статье значилось, что в случае нападения, помощь должна быть оказана даже во время текущих войн Англии с Испанией и России со Швецией. Таким образом, Россия получила мощного союзника на случай вмешательства в войну со Швецией других стран, к примеру, Дании или Пруссии, а Англия обеспечила себе 12-тысячный русский корпус для обороны Ганновера от возможной французской или прусской атаки¹⁰. В качестве дополнительной уступки и реверанса в сторону молодой правительницы английская сторона в данном договоре признавала за Елизаветой Петровной и её наследниками титул императрицы. Одним из следствий договора стало возобновление координации англо-русских усилий для противодействия французским планам в Швеции. Уже в декабре 1742 года новый английский посланник в Стокгольме Диккенс на тайной аудиенции развеял надежды шведов на помощь Англии в войне против России, заявив, что король Георг не намерен противодействовать планам императрицы Елизаветы передать шведский престол епископу Любекскому¹¹.

Переговоры с прусским королём проходили сложнее, но и здесь английской дипломатии удалось добиться успеха, пусть даже достигнутый результат не полностью соответствовал ожиданиям. По замыслу лорда Картерета широкая антибурбонская коалиция должна была включать в себя Пруссию. По крайней мере, необходимо было обеспечить её нейтралитет. Быстрая гарантия договора в Бреслау по Кёнсингтонскому акту 24 июня 1742 года вместе с обещанием обеспечить его признание и гарантии со стороны Республики Соединённых Провинций, призваны были привлечь короля Фридриха в лагерь противников Франции. Вступление Пруссии в войну на стороне своего бывшего противника Австрии против своего бывшего союзника Франции должно было обезопасить Лондон и Вену от неожиданностей со стороны прусского короля, верность которого союзным обязательствам вызывала сомнение. Кроме того, примирение Австрии с Саксонией, где к королю Фридриху испытывали большую неприязнь, и заключение договора с Россией должны были окончательно отвратить прусского короля от желания вновь развернуть оружие.

Особенные надежды возлагались на договор с Россией, так как король Фридрих, по свидетельству лорда Гиндфорда, «опасается России больше, чем Господа Бога, и пока этому ненасытному в своём честолюбии князю не подрезать крылья, он будет оставаться настолько опасным для свободы Германии и спокойствия Европы, как едва ли Франция». Английский посланник, хорошо знавший берлинский двор и короля Фридриха и, будем справедливы, испытывавший к нему явную антипатию, был уверен, что прусский король не останется безучастным наблюдателем и обязательно вмешается в войну. Было непонятно лишь, на чьей стороне. В этой связи, действия лондонского министерства, имевшие целью использовать энергию строптивного государя в своих интересах или, по меньшей мере, связать его обязательствами, выглядят вполне оправданными. Однако замысел лорда Картерета был исполнен лишь частично. В Берлине решительно отказались от войны с Францией и были согласны лишь на оборонительный союз, чем пришлось удовлетвориться английской стороне. Договор об оборонитель-

---

⁹ Лестоку, считавшемуся до той поры креатурой французского посланника маркиза де ла Шетарди (Chétardie) и получавшему содержание из Франции, стараниями Вейча был пожалован ежегодный пенсioen из Англии в размере 600 фунтов в год (около 2 500 рублей). В деле подписания договора, как сообщал Вейч в Лондон, «Лесток был мне весьма полезен».

¹⁰ Лорд Картерет в беседах с саксонскими посланниками в Лондоне заявлял, что союз с Россией, как часть большой коалиции, направлен не только против Франции, но и чтобы «держать в узде короля Пруссии и вынудить его умерить свои амбиции».

¹¹ Будущий король Швеции Адольф Фридрих (1751–1771).

ном союзе был подписан в Вестминстере 18 ноября 1742 года прусским резидентом Андрие (Andrie) и несколькими английскими министрами, в числе которых были лорд Картерет и глава Южного департамента¹² герцог Ньюкаслский. Стороны гарантировали владения друг друга и обязывались к взаимной поддержке¹³.

Таким образом, успешная дипломатическая подготовка обеспечила английскому кабинету благоприятные условия для начала континентальной войны с Францией. Ганноверские владения короля Георга теперь были надёжно защищены от французской атаки союзами с Россией и Пруссией, а возможное намерение короля Фридриха выступить на стороне Франции блокировалось угрозой столкновения его с мощной коалицией из Австрии, Саксонии, Ганновера и России. В тронной речи на открытии в конце ноября заседания Парламента король Георг триумфально объявил о заключении союзов с Россией и Пруссией, на что депутаты удовлетворённо ответили торжественным заверением, что одобряют новые субсидии, необходимые, чтобы «завершить начатую большую работу» и потребовали активных действий против Франции.

---

¹² В английском министерстве Южному департаменту были подведомственны Южная Англия, Уэльс, Ирландия, американские колонии, а также отношения с католическими и мусульманскими государствами. Северный департамент, главой которого после отставки Уолпола стал лорд Картерет, соответственно, отвечал за Северную Ирландию, Шотландию и за отношения с протестантскими странами Европы.

¹³ В Лондоне не испытывали иллюзий относительно верности прусского короля своим союзным обязательствам. Как написал лорд Картерет в секретном послании от 19 сентября 1742 года: «А потому и мы в отношении короля прусского действуем также: говорим, будто нисколько не сомневаемся в его верности союзу с нами, будто вполне уверены, что он сохранит строжайший нейтралитет в настоящей войне, как обещал при подписании оборонительного договора, который пожелал заключить с его величеством».

Глава II. Юпитер Европы

После выхода из войны Пруссии и Саксонии коалиция, созданная герцогом Бель-Илем, фактически прекратила своё существование. В Германии Версаль теперь мог рассчитывать лишь на новоизбранного императора Священной Римской империи Карла VII Баварского и на его дальнего родственника курфюрста Пфальцского, которые обладали слабыми военными возможностями и полностью зависели от французских субсидий. После отступления армии маршала Майлебуа обратно к Дунаю, окружённая в Праге армия Богемии, казалась, была обречена. Французским войскам и командующему герцогу Бель-Илю прочили скорый позор «кавдинского ярма», под которым когда-то прошли гордые римляне. Опасность грозила не только далёкой Праге, но даже самим провинциям Французского королевства, жители которых, ранее слышавшие раскаты военной грозы лишь издали, теперь могли наблюдать её тучи, приближавшиеся к самым их границам.

Наряду с активной дипломатической работой над вытеснением Бурбонов из Германии и Италии, министерство лорда Картерета предпринимало также военные усилия. По договорённости с венским двором 20 мая 1742 года, то есть, ещё перед заключением прелиминарий в Бреслау, первые два английских пехотных полка высадились в порту Остенде (Ostende) в Австрийских Нидерландах. Всего с мая по сентябрь 1742 года туда было перевезено 16 334 человека и 1 000 мешков с песком для осады Дюнкерка, который был первой целью англичан. 26 октября высадка была завершена переправой осадного парка. Пока Майлебуа стоял в Вестфалии, угрожая Ганноверу и Нидерландам, небольшие силы англичан в Остенде не представляли для Франции большой опасности. Но после его ухода на помощь армии Богемии¹⁴ угроза для Ганновера исчезла, и к английскому корпусу присоединились 16 000 ганноверцев и 6 000 гессенцев, находившихся на английском содержании. Командование над этой армией принял новоиспечённый фельдмаршал лорд Стайр (Stair), ученик герцога Мальборо и последовательный и рьяный противник Франции. В свои семьдесят лет он участвовал в третьей с ней войне и, помимо прочего, прославился тем, что в бытность его английским министром при французском дворе перед ним как-то раз опустил глаза сам Людовик XIV. 21 ноября 1742 года к армии Стайра присоединились австрийцы герцога Аренберга (Arenberg), расквартированные в Австрийских Нидерландах. Теперь союзники в Нидерландах уже располагали внушительными силами. После ухода Майлебуа между армией Стайра и Парижем не было французских войск, а для сбора новой армии Версалью требовалось несколько месяцев. Король Георг прибыл в расположение войск, чтобы принять участие в победоносном походе. Его штаб-квартира была роскошной. По свидетельству Андрие, ни один король Англии не выступал ещё в поход с таким блеском. Со дня на день Европа ждала известий о наступлении армии лорда Стайра на Париж и позорной капитуляции французской армии в Праге, которая стала почти неизбежной после отступления деблокирующей армии Майлебуа из Богемии.

У французского министерства не было ни денег, ни сил, чтобы противодействовать такому мощному натиску. Поэтому самое большее, на что могли тогда надеяться в Версале – это примирение на приемлемых условиях. После катастрофы в Богемии кардинал пытался умиротворить Англию, избегая вступать с ней в открытый конфликт. Следуя данной стратегии, французская сторона не отреагировала на пленение английской эскадрой французского батальона, перевозимого на судах в Монако. И это при том, что стороны не находились в состоянии войны. Был даже отдан приказ снабжать английские корабли продовольствием и водой в гаванях Прованса. В Лондоне Флери распорядился объявить о готовности совместно с Англией

---

¹⁴ План перевести армию Майлебуа из Вестфалии на спасение армии Богемии был предложен французским посланником в Гааге маркизом Фенелоном.

выступить миротворцем, но это предложение не встретило понимания со стороны английского министерства. Из Лондона пришёл отказ вступать в подобные переговоры без участия союзников. На вопрос французского посланника, действительно ли Англия хочет принудить Францию к позорному миру, лорд Картерет ответил, по обыкновению, открыто и прямо: «Конечно, это моя единственная цель с той поры, как я стал министром, и я надеюсь, что мне это удастся». Излюбленной шуткой английского министра в это время было сравнение Франции с ретивым конём, которого он стреножит, как только коня покинут силы.

Однако «кавдинского» позора в Праге не случилось, как не дождалось и наступления на Париж. Утром 16 декабря маршал Бель-Иль собрал всех, кто ещё мог передвигаться, и неожиданно вышел из Праги. Петляя, как лисица, по замёрзшей глуши, по очень плохим дорогам и при ещё худшей погоде, он сумел достичь Эгера, выведя из богемской западни остатки армии Богемии. Этот марш был воспет в Париже, а отступление Бель-Иля и армии Богемии называли деянием, подобным отступлению 10 000 греков Ксенофонта. Но, как выразился Карлайл, все отступления сравнивают с анабасисом этого греческого отряда, а марш Бель-Иля скорее напоминает отступление из России Великой Армии Наполеона.

План наступления на Париж, разработанный неутомимым лордом Стайром, также столкнулся с непреодолимыми трудностями. Первой и главной в их ряду была позиция Республики Соединённых Провинций, союз с которой в Англии рассматривали как краеугольный камень антифранцузской «старой системы». Республика Соединённых Провинций согласилась оказать финансовую помощь Марии-Терезии во время вторжения Фридриха Прусского в Силезию. Но когда в конфликт вмешалась Франция и над Европой вновь простёрлась тень большой войны, Генеральные Штаты заявили, что финансы Республики не выдержат таких масштабных военных усилий, и потому Республика будет соблюдать нейтралитет. Без тыловых баз и портов Республики, а также без её «барьерных крепостей»¹⁵, которые должны были бы служить этапными пунктами для союзной армии, осуществить задуманное Стайром вторжение во Францию не представлялось возможным. Лорд Стайр, совмещая, как часто случалось в ту эпоху, дипломатическую службу с военной, прибыл в Гаагу, где пытался побудить Генеральные Штаты к участию в разгорающемся конфликте. Он убеждал, что между его армией и Парижем нет неприятельских войск, что необходимо использовать момент после ухода Майлебуа и что судьба войны зависит от Голландии, которая должна решиться сейчас или никогда! Доказывал, что «Франция дышит на ладан; одно лишь решение Республики, и она вынуждена будет просить о пощаде». Таких выражений Европа не слышала со времён Людовика XIV. После ухода Майлебуа угроза непосредственного вторжения на территорию Республики на время исчезла, и Генеральные Штаты согласились частично выполнить требования Вены и Лондона о союзной помощи по Венскому договору от 1731 года, предоставив Марии-Терезии субсидии в размере 1 600 000 гульденов. В остальном, Генеральные Штаты, придерживаясь принципа, что война губительна для торговли, оставались глухи ко всем убеждениям.

Тем более что новости из Баварии, где имперские войска освободили Мюнхен от австрийцев и из Богемии, где Майлебуа в то время ещё двигался на выручку Праге, усилили влияние «партии мира». Известие об освобождении Мюнхена прозвучало подобно громовому раскату для друзей Марии-Терезии в Гааге, а король Георг, узнав об этом, распорядился распаковать свои экипажи, готовые к отправке на континент. Даже дипломатическое мастерство лорда Картерета, прибывшего в Гаагу в сентябре 1742 года, не смогло убедить Генеральные Штаты отказаться от нейтралитета. Французская дипломатия, представленная там опытным маркизом де

¹⁵ Ряд крепостей, городов и укреплённых пунктов в Австрийских Нидерландах, где Республика Соединённых Провинций, согласно Третьему барьерному договору от 15 ноября 1715 года, имела право содержать гарнизоны (12–16 000 чел.) для защиты своих южных рубежей от возможного вторжения со стороны Франции. В число «барьерных крепостей» входили Намюр (Namur), Турне (Tournai), Менин (Menin), Фурне (Furnes), Варнетон (Warneton), Ипр (Ypres) и форт Кнокке (Knokke). Крепость Дендермонде (Dendermonde) имела совместный австро-голландский гарнизон.

Фенелоном (Fénelon)¹⁶, в помощь которому был направлен аббат де ла Вилль (Ville), смогла отразить очередной натиск лорда Стайра. Французы предложили разместить до конца войны голландский гарнизон в Дюнкерке, укрепление которого вызывали опасения, как в Англии, так и в Голландии. И хотя после отступления Майлебуа из Богемии 25 декабря под влиянием оранжистской «партии войны» было принято решение о предоставлении Вене очередной субсидии в размере 1 500 000 гульденов, Республика по-прежнему была намерена отстаивать свой нейтралитет, а борьба политических партий в Голландии сильно затрудняла процесс принятия решений и их реализацию¹⁷. В марте 1743 года английским дипломатам и оранжистской партии удалось добиться принятия решения о поставке в союзную армию 20-тысячного контингента. Но двигаться он будет настолько медленно, что присоединится к армии уже после сражения при Дёттингене, а в 1745 году действия голландского контингента в сражении при Фонтенуа станут предметом насмешек и обвинений.

Отказавшись от предложения Стайра о наступлении в Северной Франции, признанного в Лондоне «химеричным и невыполнимым», король Георг и лорд Картерет решили принять австрийский план кампании и двинуть союзную армию в Германию для оказания помощи войскам Марии-Терезии в Баварии. Согласно этому плану, предложенному герцогом Аренбергом, наступление союзников на Майнц или Франкфурт должно было отрезать войска Брольи в Баварии от Франции, окружить их и вынудить к капитуляции. Общественное мнение в Англии требовало от своего правителя решительных действий. Ответ Парламента на тронную речь короля Георга, среди прочего, гласил: «Как только Франция отправит новую армию в Германию, лорд Стайр немедленно двинется туда». Из уважения к законам Священной Римской империи и для успокоения общественного мнения в Германии было решено объявить данные войска вспомогательными для Марии-Терезии Австрийской, тогда как Великобритания и Республика Соединённых Провинций формально устранились от участия в конфликте. Уже само название «Прагматическая армия» призвано было указать, в чью пользу она будет действовать.

Перед нами прямая аналогия с французскими армиями в Германии, которые также были объявлены вспомогательными для курфюрста Баварского Карла-Альбрехта, а позже для императора Карла VII. Обе стороны, и Великобритания, и Франция, избегали открытого участия в войне, что повлекло бы за собой тяжёлые экономические и политические последствия. В первую очередь это касалось Австрийских Нидерландов. Несмотря на то, что в Богемии французы и австрийцы убивали друг друга, здесь царило совершенное спокойствие, так как любая попытка французов расширить свои территории немедленно привела бы к вступлению в войну Республики Соединённых Провинций, открытию второго фронта в Нидерландах и повторению кошмара войны за Испанское наследство. Пока была возможность действовать ограниченными силами, не прибегая к широким военным приготовлениям, которые пошатнули бы внутреннюю стабильность и неизбежно вызвали бы дефицит финансов и удорожание кредита, стороны предпочитали сохранять видимость мирной жизни. Таким образом, после выхода из войны Пруссии и Саксонии в Германии сложилось необычное положение, когда в состоянии войны находились лишь император Карл VII, официально заявивший о своих претензиях на габсбургские земли, и его визави, Мария-Терезия Австрийская, наследница Карла VI Габсбурга и защитница Прагматической санкции. И когда в кампании 1743 года французы, австрийцы,

---

¹⁶ Французский генерал и дипломат, племянник знаменитого автора «Приключений Телемаха». Смертельно ранен в сражении при Року в 1746 году.

¹⁷ За тесный союз с Великобританией, войну с Францией и восстановление штатгальтерского правления выступала «оранжистская» партия во главе с братьями Бентинками (Bentinck). Диаметрально противоположных взглядов придерживались сторонники «Амстердаммеров», представлявшие интересы торговой олигархии и настаивавшие на необходимости умиротворения и достижения компромисса Францией. Умеренную позицию по отношению к этим двум крайностям занимал пенсинарий Голландии ван дер Гейм (Heim), который, при сохранении союза с Англией, был категорическим противником восстановления штатгальтерства и ратовал за скорейшее восстановление мира и сохранение добрососедских отношений с Францией.

англичане, ганноверцы и голландцы будут сражаться на полях Германии, их государства формально будут находиться в мире между собой.

В начале февраля король Георг отдал приказ о выступлении и Прагматическая армия, перейдя Маас, расположилась в землях герцогства Юлих (Julich) и Кёльнского архиепископства. После этого архиепископ Клеменс Август, родной брат и союзник императора Карла VII, был вынужден объявить нейтралитет и дать согласие на размещение войск короля Георга на своей территории, а позже заключить субсидный договор с Великобританией. После смерти в марте 1743 года архиепископа Майнцкого сторонникам императора Карла VII было нанесено ещё одно поражение. Архиепископская тиара и должность эрцканцлера, второго лица в Империи, досталась не младшему брату Карла VII, как надеялись Франция и император, а австрийскому ставленнику графу фон Остейну (Ostein), что сильно прибавило влияния прагматическому делу в Германии.

В мае-июне 1743 года франко-баварский союз терпел одну неудачу за другой. После освобождения Праги и коронации Марии-Терезии богемской короной, принц Карл Лотарингский, вновь принявший командование у своего брата Франца-Стефана¹⁸, стремительным наступлением с трёх направлений оккупировал Баварию. Император был вынужден бежать из Мюнхена и искать спасения у швабских патрициев в Аугсбурге¹⁹. Французская армия Баварии под командованием маршала Брольи спешно отступала к Рейну, а гарнизоны баварских крепостей сдавались один за другим. В этих условиях командующий имперскими войсками фельдмаршал Секендорф (Seckendorf) 27 июня 1743 года в Нидер-Шёнфельде (Nieder-Schönfeld) был вынужден подписать со своим бывшим сослуживцем и врагом фельдмаршалом Кевенхюллером конвенцию о нейтралитете. Согласно её статьям, имперские войска выводились в определённые округа и более не принимали участие в войне. В начале кампании Секендорф сравнил французскую армию со слабым тростником, который, ломаясь, ранил того, кто на него опирался. Теперь события подтверждали это его библейское пророчество.

В тот же день на берегу Майна у селения Дёттинген произошло сражение, которое должно было выявить победителя на западе Германии после того, как на юге, в Баварии, французы уже потерпели сокрушительное поражение. План командующего новой французской армией маршала де Ноайля (Noailles) по окружению Прагматической армии был хорошо задуман, но скверно исполнен, и ценой этого стало новое поражение французской армии, после которого Ноайль вынужден был отступить за Рейн. Энергичный лорд Стайр настаивал на преследовании, чтобы отрезать французов от Рейна, но король Георг решительно отказал. Короля в этом поддержали лорд Картерет и фельдмаршал Нейпперг (Neipperg), который после силезской кампании 1741 года был переведён в Нидерланды на помощь герцогу Аренбергу. «Я не хочу этого, – холодно отвечал король Стайру, – крови пролито достаточно». Прагматическая армия оставалась у Ганау (Hanau) до конца августа, ожидая подхода голландского корпуса в 20 000 человек, который медленно двигался по большой дуге через Падерборн (Paderborn). В августе Прагматическая армия перешла к Вормсу, где к ней, наконец, присоединились голландцы. После этого союзники двинулись на Шпейер (Speier), откуда, сетуя на сильную оборону французов и плохую погоду, отступили обратно за Рейн и Маас на зимние квартиры.

---

¹⁸ Супруг Марии-Терезии Великий Герцог Тосканский Франц-Стефан несколько раз в ходе этой войны пробовал свои силы в качестве главнокомандующего австрийской армии, но каждый раз уступал это место своему младшему брату Карлу.

¹⁹ Аугсбург, будучи имперским городом, пользовался правами нейтралитета, но Карл VII вынужден был покинуть также и его, не в силах терпеть празднества и кутежи, устроенные по поводу его поражений напротив его резиденции австрийскими офицерами (Менцель, Беренклау и ряд других), и переехать во Франкфурт. Эти скитания немедленно стали причиной новой волны насмешек в адрес главы империи, получившего прозвище «блуждающий кайзер».

Король Георг II Английский (1683–1760). Юпитер Европы.

Военные последствия Дёттингенской победы не соответствовали ожиданиям ни в Англии, ни в Австрии, где также предвкушали скорую победу над Францией. Но политические результаты кампании в Германии были значительны. Король Георг и его министр Картерет находились в зените славы. Их действия возносили до небес и сравнивали с деяниями герцога Мальборо и принца Евгения Савойского. Как раньше герцог Мальборо и принц Евгений, они привели поход к победному завершению и находились в центре Германии, от них зависели судьбы Европы, а король Георг, по выражению Карлайла, сделался её Юпитером. Лорд Картерет оставался самой влиятельной фигурой в окружении английского короля, и его

политика переговоров возобладала над политикой силы лорда Стайра²⁰. На несколько месяцев после сражения при Дёттингене штаб-квартира короля Георга в Ганау и затем в Вормсе, стала центром притяжения для дипломатов со всей Европы. Здесь же произошло важнейшее дипломатическое событие года – подписание Вормского трактата. Лорд Картерет был почти всемогущ. Он влиял на судьбы королей и императоров, князей и курфюрстов, и, в том числе, на судьбу Марии-Терезии Австрийской, которая зависела от английских денег, английского флота в Италии и Прагматической армии короля Георга. И, конечно, к нему за посредничеством должен был обратиться несчастный коронованный изгнанник император Карл VII Виттельсбах, в попытке найти способ вернуть себе родную Баварию. В феврале 1743 года, ещё до занятия Баварии австрийцами, министру императора в Лондоне барону Хаслангу (Haslang) удалось добиться от лорда Картерета согласия выслушать мирные предложения императора Карла VII, которые, помимо прочего, содержали условие передачи императору двух богемских округов, Передней Австрии либо Австрийских Нидерландов. Эти условия покажутся завышенными, но император в это время чувствовал себя хозяином положения в Баварии, а французы уверенно контролировали линию Дуная.

Но лорд Картерет отверг эти условия, назвав их «безумными и невыполнимыми» и «выкованными во Франции», заметив, между прочим, что Англия не потерпит, чтобы Нидерланды принадлежали другой стороне, кроме как Австрии, и потратит последнюю гинею для их обороны. Тогда Хасланг предложил другой план, предусматривающий секуляризацию некоторых имперских духовных территорий, среди которых епископства Пассау, Фрайзинг, Аугсбург и архиепископство Зальцбург. Барон прибавил, что этот план исходит не от его сеньора, а от другого государя, но это мало помогло Карлу VII, так как лорд Картерет передал этот проект в Вену, где он был немедленно опубликован и использован для дискредитации императора среди имперских сословий, как нарушителя конституции Империи. Против Карла VII поднялась настоящая буря негодования, особенно, в духовных владениях Южной Германии, которые должны были стать первыми жертвами данного плана. И без того небольшой авторитет императора, считавшегося в Империи французской марионеткой, после этого превратился почти в ничто. Император Карл VII, лишившийся своих владений, от которого отвернулись светские, а теперь ненавидели и духовные имперские чины, полностью зависел от того, как его судьбой распорядятся в Версале²¹.

После катастрофы в Баварии император сделал ещё одну попытку достичь примирения, пойдя на существенные уступки, которых требовало тяжёлое военное положение. Теперь интересы императора в английской штаб-квартире представлял Вильгельм, штатгальтер Гессен-Касселя во время отсутствия своего брата, ландграфа и шведского короля Фридриха I. Выбор данной кандидатуры в качестве посредника был полностью оправдан. Штатгальтер Вильгельм был другом и родственником Георга Английского, дочь которого была замужем за сыном Вильгельма, а гессенский контингент в 6 000 человек находился на английском содержании. С другой стороны, он находился в тесных отношениях с императором Карлом VII, от которого рассчитывал получить для ландграфов Гессен-Касселя курфюршеский титул.

Английская сторона заняла на переговорах жёсткую позицию, но лорд Картерет и штатгальтер Вильгельм смогли согласовать условия, на которых был составлен, так называемый, договор в Ганау. Император отказывался от помощи французов и претензий на габсбургские земли, а также обязывался принять сторону морских держав и помочь им принудить Францию к миру. Взамен Карл VII получал обратно Баварию и признание его нового титула со стороны

²⁰ Австрийские генералы называли это «философской манерой» вести войну, которая делает бесплодными любые военные кампании.

²¹ 28 июня, на следующий день после сражения при Дёттингене, император Карл VII въехал во Франкфурт, где население города встретило его лозунгами в пользу Марии-Терезии. Император находился в таком отчаянном положении, что маршал де Ноайль вынужден был попросить принять его в дар 40 000 талеров, «чтобы не дать ему умереть с голоду».

Австрии, так как в Вене выборы императора до сих пор считали недействительными, а самого Карла VII в официальных документах продолжали титуловать курфюрстом Баварским²². Лорд Картерет, реализовывая свой план по созданию широкой коалиции, хотел вывести императора из-под протекции Франции и поставить в зависимость от Англии. Предварительные статьи договора под общим названием «Проект и намерения» (Projet et Idées) должны были быть направлены для одобрения в Вену. Помимо этих статей сторонами был согласован ещё один документ, озаглавленный «Проект тайных гарантий между Его Императорским Величеством и Королём Великобритании» (Projet d'Assurance Secrète entre Sa Majesté Impériale et le Roy de Grande-Bretagne), в котором английская сторона обязывалась выплатить императору 300 000 талеров после подписания данного соглашения. И если проект договора, где Англия выступала посредником, требовал согласия Вены, то «Проект гарантий» к 15 июля был готов к подписанию.

Однако лорд Картерет не отправил согласованные статьи в Вену и, хотя имел полномочия самому подписать эти документы, неожиданно заявил о необходимости доставить их в Лондон для одобрения со стороны других министров. К великому разочарованию Вильгельма Гессен-Кассельского и прусского чрезвычайного посланника графа Финка фон Финкенштейна (Finckenstein), которого король Фридрих, принимавший живое участие в деле Карла VII, отправил в Ганау с официальным поручением передать поздравления с победой при Дёттингене. Лорд Картерет убеждал штатгальтера, что это лишь формальность, но ответ герцога Ньюкаслского из Лондона развеял все сомнения. Английские министры отказались одобрить соглашение с императором, обосновывая своё решение невозможностью добиться от Парламента подтверждения на выплаты Карлу VII, а также получить согласие на заключение сепаратного мира с императором со стороны Марии-Терезии, которая имела свои планы на Баварию. Кроме того, император, у которого к тому времени оставался один лишь титул, не подкреплённый ни деньгами, ни войсками, в качестве союзника был скорее обременителен, чем полезен. Ещё 31 мая 1742 года герцог Ньюкаслский писал лорду Картерету в частном письме: «Император в этом деле является слабым местом; он уже более чем наполовину побеждён; через него мы должны давить на Францию...».

---

²² Поводом для непризнания выборов императора стало решение Рейхстага об исключении голоса Богемии на Совете курфюрстов.

Джон, граф Гранвиль, лорд Картерет (1690–1763).

Получив ответ из Лондона, лорд Картерет, к всеобщему удивлению, передал штатгальтеру, что он не может подписать «Проект гарантий» и английское министерство не будет помогать императору Карлу VII в его затруднениях. Переговоры закончились безрезультатно, но они представляют особый интерес, так как имели серьезные последствия. Во-первых, во время них произошло резкое размежевание в английском министерстве, что позже повлияет на отставку лорда Картерета. В Лондоне попытка поддержать Карла VII была расценена как очередная уступка ганноверским интересам в ущерб английским. В министерстве возмущались, что огромные средства были потрачены как раз для того, чтобы впредь не обманывать себя переговорами, как это продолжалось в течение последних двадцати лет. Другим следствием

отказа от заключения соглашения с императором стало резкое изменение позиции Гессен-Касселя. Штатгальтер Вильгельм, человек честный и прямолинейный, чувствуя себя обманутым и оскорблённым лордом Картеретом, решил передать свои войска в императорскую армию. Немалое влияние, о чём ниже будет сказано подробнее, неудачное завершение переговоров в Ганеу оказало и на позицию прусского короля, который опасался усиления Австрии за счёт Баварии. Лорд Картерет, вероятно, мог попытаться добиться согласия австрийской стороны вернуть Баварию Карлу VII, но предпочёл этого не делать, так как в этом случае венский двор непременно проявил бы упорство на других переговорах, цена которых была неизмеримо более высока. В это время шли переговоры с Сардинией, успех которых значил для английского министерства гораздо больше, чем примирение с бессильным императором. Именно ради соглашения с Туринском необходимо было убедить Марию-Терезию, как и год назад ради подписания договора с Пруссией, согласиться принести новую жертву.

Туринская конвенция, заключённая в феврале 1742 года, не являлась полноценным договором, и обязательства по данной конвенции не препятствовали Карлу-Эммануилу сменить лагерь и выступить за лучшую цену на стороне Бурбонов. В Лондоне знали, что Его Сардинское величество уже ведёт переговоры с Францией, и твёрдо были намерены помешать переходу Сардинии на сторону противника, что означало бы катастрофу дела Марии-Терезии и крушение английских планов в Италии. Этого можно было избежать, лишь обещав Карлу-Эммануилу существенные территориальные приобретения, которые должны были быть сделаны за счёт Габсбургского дома. Сразу после подписания Туринской конвенции английское министерство начало работу по заключению союзного договора с Сардинией²³.

В мае 1742 года английский посланник в Вене Робинсон сообщил австрийской стороне сардинские требования на часть Миланского герцогства, предупредив, что в случае отказа, Сардиния может договориться с Бурбонами, после чего может быть потеряна уже вся Ломбардия. Эти предложения были сделаны некстати, так как в это время шла подготовка к подписанию мира в Бреслау, и требование новых уступок от Австрии вызвало в Вене сильное раздражение. Со своей стороны, Карл-Эммануил, верный своей политике по поддержанию равновесия в Италии, отказался участвовать во вторжении в Неаполь, заявив, что связан только обязательством по обороне австрийских владений и не будет делать большего до подписания союзного договора. Возвращение австрийцев в Неаполь для него было равносильно воцарению Бурбонов в Милане. Но английская сторона продолжила поиск компромисса, оказывая при этом прямое давление на Австрию. Робинсон в Вене грозил, что, в случае упорства, Прагматическая армия не двинется с места, а английская эскадра уйдёт от берегов Италии. Обосновывая уступки королю Сардинии, лорд Картерет напутствовал Робинсона, что они предназначены «государю, который поддерживает равновесие в Италии. Если вы потеряете его, вы потеряете Италию; если вы сохраните его, вы сможете получить достаточную компенсацию». Словно оправдываясь, лорд Картерет объяснял графу Васнеру, что «есть такие короли-торговцы, для которых является обычным делом продаваться за определённую цену», и что «иметь дела с королём-торговцем – это большое несчастье».

В дипломатических документах того времени термин «компенсация» и его синонимы занимают важное место. Как значится в циркулярном письме королевы, составленном сразу после заключения мира в Бреслау, она принесла эту жертву «чтобы разрушить французские планы, которые были открыто направлены на то, чтобы уничтожить Германию руками самих немцев и этим проложить себе путь к самовластию; каждый поймёт, что ущерб, нанесённый

---

²³ Примечательно, что переговоры лорда Картерета с сардинским министром в Вормсе осложнялись тем, что он возглавлял Северный департамент, в то время как глава Южного департамента, в зону ответственности которого входила Италия, герцог Ньюкаслский, со всем министерством находился в это время в Лондоне. Кроме того, переговоры затягивались из-за трудностей в корреспонденции между Англией с континентом. Депеши из Лондона в Турин, к примеру, шли через Гаагу и Вену, что требовало значительного времени.

эрцгерцогскому Дому, после освобождения от наиболее опасного общего врага должен будет тем либо иным способом быть возмещён: без такой компенсации будет невозможно сохранить равновесие Европы ...». При этом Вена получила определённые авансы с английской стороны. Ещё весной 1742 года, чтобы склонить Марию-Терезию к заключению мира в Бреслау, лорд Картерет обнадёжил её возможностью получения компенсации за утерянную Силезию. Однако он сделал это неофициально и без ведома английского министерства, так что в Лондоне не были связаны в этом смысле формальными обязательствами²⁴. Кроме того, Сардиния хотела уступок немедленно, а Австрия настаивала на передаче территорий лишь одновременно с получением эквивалента за потери в Силезии и Милане.

После оккупации Баварии, Мария-Терезия была намерена добиваться включения её в состав своих земель, взамен чего Карлу VII должны были быть предоставлены владения в другом месте. По предложению маркиза д'Ормеа, это место могло бы быть в Италии, а английский резидент в Турине Виллетс (Villettes), не без помощи сардинского министра, уточнил, что Карл VII мог бы получить королевство Неаполь и Сицилию после изгнания оттуда Бурбонов, тогда как его родовое герцогство перешло бы к Австрийскому дому. Здесь император мог бы спокойно предаться размышлениям на тему сходства его судьбы с судьбой последнего Гогенштауфена, пока в Германии за него управлял бы новый римский король²⁵ Франц-Стефан. Слабый сосед, как выразился король Карл-Эммануил, был гораздо удобнее для Сардинии, чем восстановление австрийского господства на Аппенинах. Для самой Австрии присоединение Баварии, дважды за последние полвека служившей плацдармом для вражеского вторжения, означало устранение угрозы с запада, как Вене, так и Праге. По словам Марии-Терезии, пядь Баварии была важнее, чем целый округ в другом месте, и «если после потери Силезии курбаварская земля вновь вернётся к курфюрсту этого имени, мы в будущем также мало будем чувствовать себя в безопасности, как король Англии, если бы Претендент²⁶ владел Нидерландами». Тогда же Мария-Терезия написала посланнику Васнеру: «Твоей основной системой должно быть, чтобы Бавария, равно как и Верхний Пфальц остались у нас».

В английском министерстве существовало сильное опасение, что если не разрешить в ближайшее время это противоречие, Сардиния может согласиться на предложения Бурбонов. Это было тем более вероятно, что в Лондоне узнали о содержании письма маркиза д'Ормеа французскому посланнику в Турине, в котором маркиз обещал немедленно подписать договор с Францией и Испанией в случае, если в Вене будут продолжать упорствовать²⁷. Медлить было нельзя. Уступая давлению, Васнер ещё пытался склонить лорда Картерета дать гарантии будущей компенсации, но английский министр был твёрд, и австрийская сторона, также понимавшая, что переход Сардинии во вражеский лагерь будет фатальным для прагматического дела в Италии, уступила. Подписание основного договора состоялось 13 сентября 1743 года в городе Вормсе, где в это время находилась штаб-квартира Прагматической армии, между лордом Картеретом, сардинским министром Оссорио (Ossorio) и австрийским посланником Васнером. Согласно статьям договора, король Сардинии отказывался от прав на Миланское герцогство, Сардиния и Австрия договаривались о содержании военных сил в Италии, Великобритания

²⁴ В письме Марии-Терезии к Кевенхюллеру от 17 июня 1742 года королева пишет, что ей отойдут земли в Баварии, тогда как император получит за это компенсацию за счёт Франции. Однако обещание лорда Картерета о компенсации за утраченную Силезию документально не зафиксировано.

²⁵ Титул наследника императора Священной Римской империи.

²⁶ Претендентом или Старым Претендентом называли Якова Стюарта, сына Якова II, последнего короля Англии и Шотландии из династии Стюартов. Молодым Претендентом называли, в свою очередь, его сына Карла Эдуарда Стюарта.

²⁷ Арнет (Arneth) считает, что Карл-Эммануил Сардинский не собирался заключать союза с Бурбонами, так как, тем самым, «он сам выковал бы себе цепи, которые потом вынужден был бы носить». Арнет пишет, что Его Сардинское Величество при помощи переговоров с Францией оказывал давление на Англию и Австрию, чтобы вынудить их принять его требования. Кроме того, король сомневался, что Бурбоны выполнят свои обязательства, и что они, как значится в его «Секретнейшей инструкции», легко раздадут обещания, так как не намерены их исполнять.

обязывалась держать эскадру у итальянского побережья и выплатить Карлу-Эммануилу субсидии. Кроме того, Мария-Терезия передавала королю Сардинскому некоторые территории, принадлежавшие к Миланскому и Пармскому герцогствам и маркизат Финале, предоставлявший континентальным владениям Сардинского королевства выход к морю²⁸.

Помимо основного договора, в Вормсе между лордом Картеретом и Васнером были подписаны субсидная конвенция и Декларация. При этом австрийская сторона, крайне нуждавшаяся в финансовой помощи, неожиданно проявила твёрдость, поставив подписание Вормского договора в зависимость от выплаты субсидий. Когда лорд Картерет и король Георг узнали об этом, они были сильно возмущены, но Васнер объявил, что без обещания субсидий не отдаст ратификационные грамоты для Вормского договора, и «вершители судеб европейских» вынуждены были уступить. Согласно условиям конвенции, подписанной 14 октября, Великобритания обязывалась выплачивать Австрии 300 000 фунтов ежегодно на протяжении всей войны, а в Декларации обещала, правда в самых общих выражениях, содействовать предоставлению венскому двору компенсации за утерянные Силезию и земли в Италии. Королева Мария-Терезия, в свою очередь, обещала не заключать мир без участия Великобритании-Ганновера, России и Республики Соединённых Провинций. Но при ратификации субсидной конвенции возникли сложности. Английское министерство было категорически против подписания конвенции в первоначальном виде и настаивало на внесении существенных изменений, угрожая, в случае отказа, подать в отставку. В результате долгих переговоров 10 февраля была подписана субсидная конвенция, по которой Великобритания приняла обязательства по субсидной помощи в 300 000 фунтов лишь на 1744 год. Таков был договор в Вормсе, который имел ещё одно важное последствие. Во 2-й статье документа, посвящённой взаимной гарантии владений, перечислены договоры с 1703 по 1738 годы, которые стороны подтверждали и обязывались соблюдать. Однако в этом перечне не был упомянут Берлинский договор 1742 года, принесший Пруссии Силезию, что дало королю Фридриху основания подозревать Англию и Австрию в намерении отказаться от соблюдения его условий.

---

²⁸ Маркизат Финале (Finale) являлся имперским леном и по договору от 1707 года достался эрцгерцогу Карлу Австрийскому, будущему императору Карлу VI Габсбургу, который, в свою очередь продал его Генуэзской республике, что было гарантировано державами Четверного союза. Таким образом, ни Мария-Терезия, ни Карл-Эммануил Сардинский не имели прав на эти земли, и их уступка являлась чистой воды произволом, необходимым для обеспечения Сардинскому королевству выхода к морю на лигурийском побережье. Данный противоправный акт впоследствии привёл Генуэзскую республику к союзу с Бурбонами.

Глава III. Секрет королевы

Вормский договор стал триумфом английской дипломатии и лично лорда Картерета, завершив работу по разрушению французской системы союзов в Италии и Германии и созданию на её месте широкой коалиции во главе с Великобританией. Как писал Картерет: «Ожидания французского двора обмануты этим более чем можно было себе представить, так как он до последнего времени был убеждён, что это великое дело состояться не может; что, напротив, удастся образовать союз между Францией, Испанией и королём сардинским». Однако данный успех был обеспечен уступками со стороны австрийского союзника, и чем больше английское министерство требовало от Вены, тем громче там были слышны голоса протеста и требования компенсации за понесённые потери. В Вене чувствовали себя оскорблёнными и открыто говорили, что Австрия не видит никакой пользы в союзе, который отнял у неё Силезию, заставил пойти на уступки в Италии и теперь делает невозможным передачу Баварии, а заявленная цель этого союза – унижение Франции и возвышение Австрийского дома – стала предметом для горьких насмешек. Подлинный руководитель австрийской внешней политики барон Бартенштейн (Bartenstein) был противником дальнейших уступок Англии. Венский двор, по его выражению, уже находился от Англии в такой же зависимости, в какой император Карл VII находился от Франции и что, как Франция, натравливая германских князей на Австрию, заставляет немцев убивать немцев, так и Англия, каждый раз требуя уступок ради продолжения войны с Францией, уничтожает одних католиков руками других.

В 1743 году все, кроме прусского, проекты раздела владений австрийских Габсбургов, окончились неудачей. Верхняя Австрия, Моравия, Богемия были освобождены от неприятеля, Бавария захвачена, Пруссия и Саксония отошли от союза, а в Италии после заключения договора с Сардинией сложился временный паритет сил. 12 мая Мария-Терезия короновалась в Праге короной Святого Вацлава, а 28 июня приняла присягу у сословий Верхней Австрии. Повсюду она раздавала милости, а дворянам, ранее принявшим сторону Карла-Альбрехта Баварского, была объявлена амнистия. Возвращение Марии-Терезии в Вену состоялось одновременно с прибытием известия о победе Прагматической армии при Дёттингене, и было встречено ликованием жителей. Старый Хофбург, в последние два года живший в тревожном ожидании, вновь наполнился жизнью. Королева Мария-Терезия, уверенная в помощи Провидения, была охвачена воинственным пылом. Её победоносные войска двигались к Рейну, Бавария была повержена, а в Италии испанцы остановлены под Кампо-Санто. В Империи друзья Австрии вновь подняли голову, и первая же вакансия после смерти курфюрста Майнцского досталась австрийскому кандидату графу Остейну, который вместе с архиепископской тиа-рой получил должность эрцканцлера и сделался вторым лицом в Империи, что не замедлило повлечь серьёзные последствия.

Королева Венгрии и Богемии Мария-Терезия и Великий герцог Тосканский Франц-Стефан с сыном, будущим императором Иосифом II.

Также и в другой части Империи Австрия вскоре смогла добиться существенных дипломатических успехов. Результаты Первой Силезской войны для Саксонии, несмотря на понесённые большие финансовые и человеческие потери, совершенно не соответствовали ожиданиям. В «Трактате о разделе»²⁹ королю Августу были обещаны Моравия с королевской короной и Верхняя Силезия, но по мирному договору он не получил ничего. В Дрездене были крайне недовольны таким жалким результатом и стремились использовать сложившееся внешнеполитическое положение к своей пользе. При этом важнейшими побудительными мотивами, определяющими внешнюю политику саксонского министерства и лично графа Брюля, были ревность к успехам прусского короля, сумевшего отстоять для себя Силезию, и обида за то, что король Фридрих смог добиться этого ценой жертв, принесённых Саксонией. Не менее сильным мотивом был страх перед ростом могущества Пруссии, владения которой теперь разделяли Саксонию и Польшу.

Сложные отношения и конкуренция между странами в этой части Германии, не позволяли рассчитывать на договорённость с Берлином в отношении давней цели Веттинов – объединении польских и германских владений и создании наследственной монархии. Король Фридрих использовал мирное время для укрепления армии и строительства крепостей, что внушало в Дрездене всё больше беспокойства. Как было сказано выше, все попытки саксонского министерства получить компенсацию от Австрии за военные потери закончились

²⁹ «Трактат о разделе» (Partage-Traktat) – соглашение, заключённое во Франкфурте 19 сентября 1741 года под эгидой Франции, в котором Саксония присоединялась к антиавстрийской коалиции, целью которой являлся раздел земель австрийских Габсбургов после смерти императора Карла VI.

неудачно. Такой же результат имели попытки дрезденского двора играть роль посредника в примирении враждующих сторон. План министра Брюля по созыву общеевропейского конгресса, одним из условий которого было предоставление территориальных выгод Саксонии, был категорически отвергнут лордом Картеретом, заявившим, что намерен добиваться мира с мечом в руках. Такой ответ был вполне ожидаемым, так как Англия теперь служила главной двигательной силой этой войны и мир, по мнению английского министра, мог быть заключен лишь при английском посредничестве и на английских условиях. Также было очевидно, что Австрия, за чей счёт должны были быть предоставлены эти выгоды, не захочет ничего слышать о претензиях Саксонии на какие-либо компенсации.

Однако Саксония, с её второй по силе армией в Германии и значительным весом в европейских делах, играла важную роль в политических расчётах. Для Великобритании, после окончательного разочарования в перспективах вовлечь короля Фридриха в войну с Францией, было тем более важно обеспечить участие Саксонии в антибурбонской коалиции, а также использовать короля Августа вместе с Россией для защиты Ганновера, если в Берлине примут решение выступить на стороне Франции. По сходным причинам позиция дрезденского двора была важна и для Австрии. Памятуя о прежнем опыте договорённостей с королём Фридрихом, в Вене вынуждены были учитывать возможность нового нападения со стороны прусского короля, из-за чего сближению с Саксонией уделялось особое внимание. Кроме того, учитывая тесные связи Дрездена с Петербургом, король Август мог повлиять на отношения Австрии с Россией, где влияние венского двора после известного «дела Ботта-Лопухиных»³⁰ значительно уменьшилось. Восстановление военной силы Саксонии, армия которой уже к концу 1742 года была увеличена до 46 000 человек, также делало дрезденский двор ценным союзником. Однако австрийское министерство настораживал ярко выраженный антипруссский характер предлагаемого сближения. 10 августа 1743 года саксонский посланник Флемминг (Flemming) получил следующие инструкции от министра Брюля: «Тогда мы не будем нуждаться ни в Англии, ни в Голландии, которые могут лишь наблюдать за французами, чтобы удерживать их в своих границах; в то время как сил австрийцев, ганноверцев, саксонцев и русских, не считая поляков, будет вполне достаточно, чтобы вернуть короля Пруссии в границы справедливости».

---

³⁰ Заговор с целью низвержения императрицы Елизаветы и возвращения престола малолетнему Ивану VI, якобы возглавленный австрийским посланником Ботта д'Адорно (Botta d'Adorno). К заговору оказались причастны члены знатных семейств Лопухиных, Головкиных, Гагариных. В участии в заговоре была также обвинена супруга обер-гофмаршала М.П. Бестужева, брата российского вице-канцлера. Несмотря на то, что братьям Бестужевым (гофмаршалу и вице-канцлеру) удалось сохранить свои места, результатом заговора стало охлаждение отношений России и Австрии и уменьшение влияния при дворе английской и австрийской партий в пользу французской партии во главе с посланником Дальюном (d'Allion), лейб-медиком императрицы Лестоком и обер-гофмаршалом великого князя Петра Брюммером. В существовании заговора сомневались ещё современники описываемых событий. Так, по мнению английского посланника Вейча, французская партия использовала досужие беседы, которые вели «две старые сварливые женщины и пара молодых развратников», чтобы потом объявить о заговоре против императрицы и обвинить в причастности к нему Ботта, который на тот момент уже выехал из России и пребывал в Берлине.

Первый министр короля Польского и курфюрста Саксонского граф Брюль (1700–1763).

Саксонский министр предлагал объединиться на основе плана вице-канцлера Бестужева, выработанного им вместе с английским послом в Петербурге Вейчем, предусматривавшего создание Четверного союза Англии, Австрии, Саксонии и России, направленного против Пруссии. Но венский двор в это время был озабочен совершенно другими вопросами, главным из которых был вопрос о компенсации, и там не были намерены провоцировать короля Фридриха заключением наступательного союза против Пруссии. Кроме того, в Вене сильно тяготились

английским посредничеством, за которое пришлось заплатить большую цену, и опасались, что на новых переговорах английское министерство потребует новых уступок, на этот раз в пользу Саксонии. Ещё 30 апреля Васнеру из Вены был отправлен рескрипт, в котором содержатся примечательные строки: «Мы имеем обоснованные причины опасаться, что (они) ждут лишь заключения трактата с Сардинией, чтобы затем, с тем же упорством требовать о нас жертв Саксонии, которые хотели бы представить незначительными, но которые, на самом деле, являются очень важными».

В отношении территориальных претензий Саксонии в секретном рескрипте Васнеру рассматривались два варианта развития событий. Первый предусматривал, что Пруссия также будет соблюдать мирный договор и тогда помощь Саксонии не понадобится, а, следовательно, не будет повода к территориальным уступкам. Второй вариант предполагал, что, в случае нарушения Бреславльского мира со стороны короля Фридриха, Саксония могла получить земли во вновь отторгнутой от Пруссии Нижней Силезии. Удовлетворившись, за неимением лучшего, этими туманными перспективами, саксонский двор согласился заключить оборонительный договор с Австрией. Данное соглашение, имевшее в своей основе договор от 1733 года, было подписано в Вене 20 декабря 1743 года новым руководителем австрийской внешней политики графом Ульфельдом (Ulfeld) и саксонским посланником графом Бюнау (Bünau). Договор содержал обязательства взаимной военной помощи в случае нападения на одну из сторон, возобновление гарантии Прагматической Санкции, а также предоставление прохода через земли Богемии и Моравии в Польшу для короля Августа с эскортом в 1 200 человек. Кроме того, саксонская сторона освобождалась от обязательств к поставке контингента против Франции, так как эта война уже шла на момент подписания данного договора³¹. Стороны условились пригласить к участию в договоре короля Великобритании, как курфюрста Ганноверского, и Россию. Несколькими месяцами позже, в мае 1744 года, когда возникла действительная угроза войны с Пруссией, данный договор был расширен дополнительной конвенцией, в которой помощь в случае нападения устанавливалась в 20 000 человек для Саксонии и в 30 000 человек для Австрии. Таким образом, обе стороны заручились поддержкой друг друга на случай атаки со стороны прусского короля, и в Вене могли с тем большей уверенностью готовиться к началу весенней кампании 1744 года на Рейне, от которой ожидали больших результатов.

После катастрофы в Баварии весной 1743 года маятник войны качнулся в обратную сторону, и непосредственная угроза нависла уже над самой Францией. Там понимали, что из державы-протектора, стоявшей над схваткой, Франция может вскоре превратиться в объект атаки, причём защищаться ей придётся в одиночестве, так как единственные союзники, Испания и император Карл, сами нуждались в помощи. Всё громче раздавались голоса в пользу начала мирных переговоров и вывода войск из Германии. В этих условиях в Версале было принято решение первыми сделать шаги к примирению. Одним из таких шагов стало оглашение на открытии Рейхстага 26 июня 1743 года послания Людовика XV. В нём французский монарх заявлял, что не ставит целью территориальные захваты в Империи, что его армии являются вспомогательными для императора и ведут военные действия против Марии-Терезии лишь, пока она сама воюет с Карлом VII. В послании говорилось также, что император готов заключить с королевой Венгрии и Богемии мир, после чего Франция выведет свои войска из Германии.

О французских мирных предложениях мы подробнее поговорим позже, а сейчас остановимся на протестации Вены, направленную в Имперскую канцелярию в ответ на этот французский демарш. В ней австрийская сторона, ссылаясь на исключение богемского голоса на выборах императора Карла VII, впервые заявила о непризнании итогов этих выборов, официально называя императора лишь курфюрстом Баварским. Также здесь было заявлено о необходимости

³¹ Хотя официально о состоянии войны между Австрией и Францией будет объявлено несколькими месяцами позже.

сти компенсировать Австрийскому дому потери, понесённые им в этой войне. Венский двор в самом начале 1743 года, то есть ещё при жизни прежнего эрцканцлера, уже пытался опубликовать через Имперскую канцелярию этот документ, но безуспешно. Сейчас граф Остейн сделал то, на что не решился покойный архиепископ, и уже 23 сентября огласил протестацию Марии-Терезии перед Имперским собранием, после чего, согласно законам Империи, она сделалась официальным имперским документом.

В Германии поднялся ропот недовольства таким неуважением к своему императору, но решение эрцканцлера изменить уже было нельзя³². Этим документом, оглашение которого во Франкфурте Карлайл называет поворотным событием этой войны, венский двор открыто готовил почву к решению двух главных своих задач – возвращение императорского титула Габсбургскому дому и аннексия Баварии в качестве компенсации за потерю Силезии и вероятных уступок в Италии. Венский двор, используя выражение лорда Картерета, был намерен «удерживать Баварию без лишних слов». Серьёзность этих намерений была продемонстрирована в сентябре 1743 года, когда, несмотря на протесты Карла VII, было отдано распоряжение о приведении к присяге Марии-Терезии сословий Баварии и Верхнего Пфальца, а в Мюнхен был назначен австрийский штатгальтер. Кроме того, австрийскими оккупационными властями был объявлен призыв баварской милиции для службы в армии королевы в Италии, а Мария-Терезия денонсировала Нидер-Шёнфельдскую конвенцию³³. А ведь не прошло и двух лет с тех пор, как исполненный самых радужных надежд Карл-Альбрехт Баварский принимал присягу у богемских сословий в Праге.

Однако, осуществление плана по присоединению Баварии, как ни желательным было это событие для венского двора, оказалось чрезвычайно сложной задачей. Добиться согласия со стороны баварского курфюрста и императора Карла VII было невозможно, а насильственное лишение германского императора его наследных владений вызвало бы возмущение чинов Империи. Кроме того, возникал вопрос о новых землях для несчастного Карла VII, которые должны были ему достаться вместо утраченной Баварии. Предложение передать императору Австрийские Нидерланды, штатгальтером которых был когда-то его отец Максимилиан Баварский, было отвергнуто сразу, так как в этом случае там резко усилилось бы влияние Франции, чего никогда не допустили бы ни Англия, ни Голландия. Выше уже упоминалось о предложении сардинского двора передать безземельному императору корону Неаполя и Сицилии, но этот план, устраивавший Австрию и Сардинию, встретил категорический отказ со стороны Англии. Резидент Виллетс в Турине выразил желание сардинской стороны, но у английского министерства на этот счёт были свои соображения. Если король Сардинии был против возвращения Неаполя и Сицилии Австрии и хотел воцарения там слабого Карла VII, а в Вене решительно не хотели возвращать тому Баварию и были заняты поиском подходящей для неё замены, то Англия, хотя и была согласна предоставить Марии-Терезии соответствующую компенсацию за потерю Силезии, отказывалась одобрить присоединение Баварии, опасаясь реакции на такой произвол со стороны прусского короля Фридриха.

Прусский король не скрывал своих симпатий к императору и имел все основания опасаться объединения Баварии с Австрией, что сильно сместило бы баланс сил в Германии в пользу венского двора. Исходя из тех же причин в Лондоне отказались от плана, предложенного лордом Стайром, по созданию для императора Карла VII королевства из восточных территорий Франции, прежде входивших в состав Священной Римской империи (Эльзас, Лотарингия, Франш-Конте)³⁴. Осенью 1743 года адмирал Мэтьюз, ссылаясь на отсутствие конкретного

³² Эти события получили название «Спора о диктатуре» (Diktaturstreit).

³³ В Вене узнали, что Карл VII с началом новой кампании намерен возобновить враждебные действия против Австрии, и заключил для этого тайные соглашения с Францией и Пруссией, что было использовано как предлог для отказа от Нидер-Шёнфельдской конвенции.

³⁴ Здесь, как нередко случалось в XVIII веке, проявил себя принцип «Compensance», как один из ключевых, наряду с Рав-

приказа³⁵, отказал в помощи Марии-Терезии против Дона Карлоса, зная, что одних австрийских войск будет недостаточно для захвата Неаполя. Лорд Картерет вполне определённо высказался о перспективах передачи Неаполя Карлу VII в обмен на Баварию, назвав это «пустой идеей», а Робинсон в Вене откровенно высказал Бартенштейну, что данная схема совершенно невыполнима. Такая позиция союзника вызвала протест со стороны австрийского министра, который заявил Робинсону, что «Его Неаполитанское Величество находится в своём королевстве в такой же безопасности, как и король в Англии», добавив, что это доказывает нежелание Англии изгнать короля Неаполя обратно в Испанию. Таким образом, на Аппенинах сложилась парадоксальная ситуация, когда Великобритания, ведя войну с Испанией, отказала своему австрийскому союзнику в помощи против испанского союзника короля Неаполитанского, опасаясь, что смещение баланса на полуострове в пользу Австрии может повлиять на позицию Его Сардинского Величества, игравшего ключевую роль в антибурбонской коалиции в Италии. Внутри выстроенной Англией сложной системы антибурбонской коалиции, в состав которой входили прежние конкуренты, такие как Австрия и Сардиния, существовал значительный потенциал для конфликта, так что английскому министерству приходилось лавировать для поддержания между ними определённого баланса³⁶.

Однако, лишив Австрии надежды на возвращение Неаполитанского королевства и присоединение Баварии, Лондон должен был взамен предложить венскому двору приемлемую компенсацию. Счета за потерю Силезии, отказ от Баварии и Неаполитанского королевства должны были оплатить в Версале. Сразу после поражения французской армии в Богемии союзники начали разработку плана по отторжению у Франции недавно приобретённых ею имперских земель. Согласно вышеупомянутому плану лорда Стайра, из Лотарингии, Бара, Трёх Епископств (Мец, Туль, Верден), Эльзаса и Франш-Конте планировалось создать королевство для императора Карла VII, тогда как Бавария должна была быть передана Марии-Терезии. Но твёрдая позиция короля Фридриха вынудила лондонский кабинет изменить данный план и вместо Баварии предложить Марии-Терезии в качестве компенсации за утерянную Силезию вернуть герцогства Лотарингию и Бар³⁷. По выражению герцога Бель-Иля, англичане хотели «отнять у нас Эльзас и Лотарингию, чтобы вознаградить себя и поставить нам мат». Правовую основу для возврата Лотарингии венский двор оформил ещё летом 1742 года, объявив, что Франция, выступив против законной наследницы императора Карла VI Габсбурга, нарушила обязательства по гарантии Прагматической Санкции, одного из условий уступки Лотарингии, после чего договорённости, оформленные в Венском мире 1738 года, были лишены законной силы. И бездействие Прагматической армии после сражения при Дёттингене летом-осенью 1743 года было одним из рычагов давления на австрийского союзника с целью вынудить его оставить прочие намерения и употребить все силы против Франции, заставив, тем самым, Версаль подписать униженный мир на условиях союзников.

Этим надеждам придавалось тем большее значение, что военное положение Франции к концу 1743 года было угрожающим. Окончательное подчинение Баварии, порученное

новесием сил, принципов в международных отношениях эпохи Старого порядка, постулировавший, что территориальные изменения в Европе возможны только на основе консенсуса между ведущими державами, который мог быть достигнут при помощи некоторых уступок и компенсаций.

³⁵ 22 сентября 1743 года Мэтьюз писал австрийскому агенту в Генуе: «Хотя мне даны приказы делать всё, что от меня зависит для службы Её Величеству Королеве Венгрии, такого они не предусматривают».

³⁶ Десятилетием ранее, во время войны за Польский трон, с подобной проблемой столкнулась Франция, когда в противоречие вступили интересы её союзников Испании и Сардинии, и под угрозой было поставлено само существование антиавстрийского союза.

³⁷ По Венскому миру 1738 года супруг Марии-Терезии Франц-Стефан Лотарингский уступил герцогства Лотарингия и Бар бывшему королю Польши и тестю Людовика XV Станиславу Лещинскому, получив за это права на наследство Великого герцогства Тосканского после смерти последнего Медичи. Передача Лотарингии и Бара Станиславу Лещинскому во многом была условностью, позволяющей соблюсти династический порядок наследования, и после его смерти эти земли должны были быть отойти к французской короне, что и произошло в 1766 году.

фельдмаршал-лейтенанту Беренклау (Bärenklau), было завершено с капитуляцией последних франко-баварских гарнизонов в Ингольштадте и Штройбинге. 7 сентября 1743 года фельдмаршал-лейтенант Коловрат (Kolowrat) принял капитуляцию гарнизона Эгера, после чего в тылу австрийских войск более не оставалось ни единого вражеского солдата. В это время главные силы во главе с принцем Карлом Лотарингским, опираясь на крепости Передней Австрии и, в первую очередь, на Фрайбург (Freiburg), подошли к Рейну. С высокой башни кафедрального собора в Страсбурге уже можно было наблюдать развевающиеся знамёна с орлами австрийской армии, но развития наступления не последовало.

Австрийский план вторжения во Францию, разработанный Кевенхюллером и представленный на одобрение Его Британского Величества в конце июля, предусматривал атаку с трёх сторон. Армия Карла Лотарингского должна была переправиться через Рейн в Верхнем Эльзасе и попытаться отрезать от Эльзаса и Бургундии французские войска маршалов Ноайля и Куаньи (Coigny). Планировалось, что Прагматическая армия будет наступать в Нижнем Эльзасе и перейдёт Рейн у Майнца, а голландский корпус – действовать от Трира. Для обсуждения будущих военных операций к Юпитеру Европы в штаб-квартиру Прагматической армии в Ганау в сопровождении фельдмаршала Кевенхюллера прибыл принц Карл Лотарингский. Военное положение выглядело настолько благоприятным, что Кевенхюллер высказывал твёрдую уверенность, что, в случае принятия данного плана, армия разместится на зимних квартирах во французских Эльзасе, Лотарингии и даже Бургундии³⁸. Несмотря на возражения Нейперга, опасавшегося разделения союзных сил, а также, так как основная тяжесть операции ложилась при этом на австрийскую армию, король Георг и союзный генералитет, в конце концов, одобрили предложенный план³⁹.

Однако политическая комбинация лорда Картерета в Италии ещё не была завершена и, чтобы вынудить венский двор пойти на уступки, Прагматическая армия замедлила военные операции. Несмотря на все представления и протесты со стороны Вены и настояния лорда Стайра, король Георг выдвинулся из Вормса на Шпейер лишь в конце сентября, то есть, после подписания Вормского договора. Но уже слишком поздно, чтобы дать возможность осуществиться амбициозному плану Кевенхюллера. Военная целесообразность в очередной раз уступила политическим соображениям, а раздосадованный лорд Стайр после горячего разговора с лордом Картеретом подал в отставку, получил её и покинул армию, чтобы, по его собственным словам, вернуться к плугу⁴⁰.

Вернувшись из Ганау, принц Лотарингский к 14 августа собрал армию между Фрайбургом и Альт-Брайзахом (Alt-Breisach) и начал подготовку к переправе через Рейн. Однако так как эти приготовления продвигались очень медленно, маршал Куаньи, руководивший оборонной реки на данном участке, успел принять необходимые меры и укрепить возможные места переправы. Обе попытки австрийской армии переправиться через реку, предпринятые 3 сентября у Альт-Брейзаха и Рейнвейлера (Rheinweiler) закончились неудачей. Лишь лёгкие войска под командованием полковника Менцеля и генералов Бараньяи (Baranauy) и Трипса (Trips) наводили ужас в приграничных французских территориях. К этому времени относится надевавший много шума манифест Менцеля, озаглавленный «К подданным Королевы во Фран-

³⁸ Из письма Кевенхюллера президенту Гофкригсрата Гарраку (Harrach) от 21 июля 1743 года: «Если мы сможем договориться об этом плане, я ручаюсь своей головой, что мы займём квартиры в эльзасе, бургундии и лотарингии» (орфография сохранена – прим. авт.).

³⁹ Принц Карл Лотарингский в письме Францу-Стефану хвалил Прагматическую армию, найдя её «великолепной и исполненной великих желаний...». Георг, по его мнению, также был настроен в пользу общего дела, но сильно зависел от своих советников. При этом принц был сильно разочарован отсутствием единства мнений в ставке командования Прагматической армии и сравнивал её штаб с республикой, где каждый имел своё мнение и, не боясь, его высказывал.

⁴⁰ В разговоре с лордом Картеретом, категорический и последовательный сторонник активных военных действий, лорд Стайр, не сдержавшись, вскричал: «Я скорее разможу себе голову выстрелом из пистолета, чем останусь здесь ожидать австрийскую армию». Покинув армию, Стайр вернулся к своим обязанностям посланника в Гааге.

ции», повсюду распространяемый его гусарами и обращённый к жителям Эльзаса, Лотарингии, Трёх Епископств и Франш-Конте, в котором он объявлял об освобождении их от «невynosимого французского ига» и призывал к восстанию. Манифест, впрочем, не достиг цели, так как одновременно Менцель грозил рассматривать сопротивление австрийским войскам в этих областях как неповиновение законному государю, за что обещал карать смертью. Маршал Ноайль отправил против Менцеля войска под командованием генерала Бершиньи (Berchiny), перед которым тот вынужден был ретироваться.

Принц Карл Александр Лотарингский (1712–1780). Командующий австрийской армией и брат супруга Марии-Терезии Франца-Стефана Тосканского. Мария-Терезия называла своего деверя Alter (лат. – второй, другой), имея в виду, что «первый» был её муж Франц-Стефан.

В середине октября Прагматическая армия, после медленного марша вперёд от Вормса к Шпейеру, повернула обратно к Рейну. Напрасно принц Карл Лотарингский настойчиво предлагал встать на зимние квартиры вдоль французских границ, чтобы облегчить начало следующей кампании. Англичане и голландцы настаивали на отступлении в Нидерланды, где можно было занять удобные квартиры, и даже угрозы герцога Аренберга, что он с австрийскими войсками останется на границе, не смогли изменить этого решения. Оказавшись в одиночестве, принц Карл был вынужден прекратить активные военные операции. Он распорядился срыть укрепления Альт-Брейзаха, занять сильным гарнизоном Фрайбург и разместил свои войска на зимних квартирах в Передней Австрии и Баварии. Несмотря на неубедительное завершение, общий итог кампании 1743 года в Германии был явно не в пользу Франции. Плохие новости в это время приходили в Версаль и из Италии. На севере полуострова войска бурбонской коалиции потерпели тяжёлое поражение при попытке прорваться через горные альпийские проходы, а на юге, несмотря на отсутствие поддержки со стороны Англии и Сардинии, новому австрийскому командующему князю Лобковицу (Lobkowitz) удалось оттеснить войска сменившего Монтемара графа Гажа (Gages) к Пезаро и 20 октября занять Римини.

Потеря Баварии, поражение при Дёттингене, оставление Германии и, наконец, опасность вторжения в сами французские земли и угроза потери провинций, некоторые из которых уже давно было принято считать не только бесспорно французскими, но даже не приграничными (Франш-Конте, Три Епископства) – с такими вызовами королевство не сталкивалось со времён кошмара войны за Испанское наследство. Смерть в январе 1743 года кардинала Флери нанесла ещё один удар по внешней политике Версаля, лишив в кризисный момент французский кабинет министров его главы. Ещё в начале 1743 года, то есть сразу после печального завершения Богемского похода и потери Праги, французское министерство через своего агента в Базеле запросило австрийского посланника в Швейцарской конфедерации маркиза фон При (Prie) о том, какова будет реакция в Вене на мирные предложения со стороны Франции. Но так как французская сторона при этом поставила условие, что данные консультации должны будут вестись без участия Англии, венский кабинет даже не ответил на этот запрос.

Летом 1743 года, после потери Баварии, поражения при Дёттингене и приближения вражеских армий к границам королевства, французские предложения стали более определёнными. В конце июля 1743 года Бартенштейн получил от субинтенданта Страсбурга по имени Хатсель (Hatsel) два письма. В них венскому двору предлагалось прекратить военные действия и объединить усилия для возвращения Австрии Силезии, а также содействие в выборе эрцгерцога Иосифа римским королём, для чего у Версаля имелись все возможности, учитывая зависимость императора Карла VII от Франции. Из депеши Васнера в Вене также узнали, что Хатсель был отправлен ко двору близкого к австрийскому двору курфюрста Майнцского, чтобы предложить ему принять посредничество при переговорах с Австрией. Одновременно во Франкфурт из Лиссабона был переведён один из самых ловких французских дипломатов того времени шевалье де Шавиньи, а в Турине королю Сардинии были сделаны выгодные предложения. В этой связи, необходимо ещё раз упомянуть о послании короля Людовика Рейхстагу, которое также необходимо расценивать, как попытку примирения. Все эти дипломатические манёвры дали основания прусскому министру графу Подевилюсу (Podewils) написать королю Фридриху: «Где-то идут большие переговоры».

Одновременно с попытками примирения с основными своими противниками французский кабинет пытался расширить число своих союзников. В этой связи было решено попытаться вновь договориться с прусским королём, побудить его вмешаться в войну и, тем самым, отвлечь неприятельские силы от французских границ. Положение было тяжёлым, и срочная необходимость в помощи отодвинула на задний план воспоминания о жестоком оскорблении, нанесённой королём Фридрихом французской короне в Бреслау. Однако прусскому королю настолько хорошо удавалось скрывать свои намерения за нарочитым равнодушием, что никто

не смог до конца понять его замыслы. Английский и французский посланники, Гиндфорд и Валори (Valory), в июне-августе 1743 года отправляли к своим дворам депеши одинакового содержания – не надейтесь получить от этого человека ничего, что бы он вам не говорил; он будет действовать только, когда твёрдо будет знать, на чьей стороне сила или когда он почувствует угрозу своим личным интересам. Но пока король Фридрих демонстрировал свою отстранённость и непредвзятость ко всему происходящему. «Я ни за кого во всём этом, – сказал король, узнав о поражении французов при Дёттингене, – мне нравится наблюдать этих людей в бою и мне абсолютно всё равно, кто победит». Но одно было ясно – король Фридрих неустанно работал над восстановлением и усилением своей армии и укреплением крепостей, как в Силезии, так и на Рейне, готовясь к любому развитию событий и старательно дистанцируясь от обеих противоборствующих сторон. В этой ситуации, когда на официальные дипломатические каналы надежды не было, в Версале решили прибегнуть к помощи человека, как казалось, далёкого от большой политики.

Деликатное поручение должен был исполнить известный французский литератор и философ Вольтер, который в это время, находясь в немилости, жил в небольшом поместье на границе Шампани и Лотарингии вместе со своим интимным другом и музой, известным французским математиком и физиком маркизой дю Шатле (Châtelet). Идея использовать для тайной миссии известного писателя, по-видимому, исходила от знаменитого герцога Ришелье и государственный секретарь по иностранным делам (Amelot) возлагал на неё большие надежды. Французская сторона предполагала использовать близкие отношения Вольтера с прусским королём, с которым литератор давно поддерживал оживлённую переписку, несколько раз встречался и неоднократно получал от прусского короля приглашения ещё раз посетить берлинский двор. В юности, будучи ещё кронпринцем, Фридрих восхищался трудами Вольтера, а тот, получив известие о заключении мира в Бреслау, даже направил королю Фридриху восторженное письмо с поздравлениями. После такого открытого восхваления монарха-клятвопреступника, в адрес которого вся Франция в то время посылала брань и проклятия, его репутация честного человека и доброго гражданина была сильно подорвана. Кроме того, ранее Вольтеру уже приходилось исполнять подобного рода поручения кардинала Флери. К примеру, в 1740 году, когда кардиналу необходимо было выяснить планы молодого короля, или осенью 1742 года, когда также с заданием узнать намерения Пруссии он прибыл в Ахен, где в это время находился на отдыхе король Фридрих. С мая 1743 года с Вольтером велись переговоры и консультации, в результате которых литератор согласился, по его собственному выражению, покинуть Минерву ради Апполона и превратить своё изгнание в секретную миссию, получив за это обещание предоставить ему кресло во Французской академии наук⁴¹.

Так как сохранение в тайне истинных целей данной миссии являлось необходимой предпосылкой для её успеха, в версальском кабинете было решено организовать настоящее представление. Для придания большей правдоподобности, в Париже был объявлен запрет на постановку трагедии Вольтера «Смерть Цезаря», что призвано было завершить образ гонимого свободолюбца и, тем самым, помочь тому получить должный приём в Берлине. У новоиспечённого дипломата не было ни доверительных писем, ни даже инструкций и в этой неофициальной миссии угадываются черты будущей секретной службы Его Христианнейшего Величества «Секрет короля» (Secret du Roi). В середине июня 1743 года Вольтер покинул Францию и направился в Голландию, где намеревался ожидать приглашения и паспортов от прусского короля. Остановившись в Гааге, новоиспечённый тайный агент немедленно завязал тесные отношения с посланником короля Фридриха в Республике Соединённых Провинций графом Подевильсом-младшим, племянником прусского министра. Ему удалось получить важную

---

⁴¹ Вернувшись из Берлина, Вольтер действительно получил прощение, место при дворе и был избран в члены Французской академии наук.

информацию о переговорах по поводу займа, которые прусский король вёл в Голландии. Ведение подобных переговоров указывало на существование у короля определённых финансовых затруднений, что, в свою очередь, позволяло рассчитывать на возможность привлечь его на свою сторону при помощи субсидий. Находясь в Гааге, Вольтер не пожелал оставаться бездеятельным наблюдателем и, в ожидании документов из Берлина, развил бурную деятельность на уровне дипломатии, чем доставил немало хлопот официальному французскому посланнику в Республике Соединённых Провинций маркизу де Фенелону. Однако в это время пришли необходимые бумаги, и Вольтер смог, наконец, покинуть Гаагу и направиться в Берлин.

Тёплый приём, оказанный ему королём Фридрихом, не должен был обманывать тайного посланника. Король и философ проводили многие часы за беседами, но практический результат их неизменно оставался неопределённым. На попытки Вольтера выяснить его планы прусский король отвечал уклончиво и подчёркивал, что у него нет никаких связей с Францией, что от неё он ничего не ждёт, ни на что не рассчитывает и, таким образом, не намерен инициировать переговоры первым. Вольтер сопровождал короля во время поездки ко дворам ряда германских князей, но во время этого путешествия также не смог добиться ничего определённого. Позиция короля Фридриха заключалась в том, что Франция должна оборонять себя сама, а его долг, как германского князя, состоит лишь в помощи находящемуся в тяжёлом положении императору, затруднения которого проистекают как раз от того, что Франция бросила его на произвол судьбы. 12 октября 1743 года Вольтер выехал из Берлина обратно в Брюссель, где его ждала мадам дю Шатле. Он возвращался с пустыми руками, не сумев ничего выяснить об истинных намерениях короля Фридриха, кроме того, что Его Прусское Величество старательно делал вид, будто занят лишь балами и театром.

Глава IV. Тучи сгущаются

Но атмосфера безмятежного спокойствия при берлинском дворе призвана была скрыть напряжённое ожидание. Прусский король внимательно следил за событиями в Европе, которые в последнее время начали развиваться неблагоприятным и даже опасным для Пруссии образом. После заключения мира в Бреслау король Фридрих находился в исключительно выгодном положении, покинув поле боя в тот момент, когда настоящая схватка ещё только начиналась и, сохраняя свободу рук для дальнейших действий, наблюдал со стороны за развитием событий. Как уже говорилось выше, первой целью внешней политики короля на данном этапе было включение гарантий Бреславльского мира в статьи общего мирного договора, при заключении которого Пруссия могла бы претендовать на роль посредника. Необходимой предпосылкой для такого развития событий было сохранение баланса сил противоборствующих сторон и недопущение достижения подавляющего превосходства одной из них. Такое развитие событий вынудило бы короля Фридриха оставить свою сильную политическую позицию и вновь вмешаться в войну ради восстановления искомого равновесия, так как, в случае поражения Франции, в Вене непременно приступили бы к осуществлению своих реваншистских планов. Другим необходимым условием для недопущения гегемонии Австрийского дома в Германии являлась необходимость поддержки императора Карла VII и сохранения за ним как титула, так и родовых земель, так как присоединение Баварии к габсбургским владениям резко нарушило бы баланс сил в Германии в пользу Вены. Проще говоря, максимами прусской политики в этот период были поддержание равновесия между сторонами конфликта с целью их взаимного истощения и сохранение Баварии за императором Карлом VII.

Во время бесед с Вольтером в Ахене в сентябре 1742 года король Фридрих был спокоен. По его убеждению, Австрия была истощена войной, а разорение её самых богатых провинций и непомерный груз долгов, оцениваемый прусским королём в 80 миллионов талеров, делали её неспособной к энергичным военным усилиям без посторонней помощи. В это время прусский король ещё не помышлял о войне и, через своего посланника в Вене графа Дона⁴², уверял королеву Марию-Терезию в приверженности статьям Бреславльского трактата. Он даже рассматривал возможность заключения оборонительного союза с Австрией, опасаясь, однако, что большая протяжённость границ габсбургских владений в будущем может вовлечь Пруссию в ненужную для неё войну. Таким образом, зная о катастрофическом положении французских войск в Праге, король Фридрих, осаждаемый лордами Стайром и Гиндфордом, последовательно отвергал настойчивые попытки английской дипломатии вовлечь его в войну с Версалем, надеясь на то, что скорое и взаимное истощение основных противников, Франции и Австрии, позволит заключить искомый мир. Следуя этой логике, оборонительный союз – это самое большее, на что мог пойти прусский король в отношениях с Великобританией. Но даже для этого лорд Гиндфорд вынужден был использовать тяжёлую артиллерию, пригрозив, что от заключения этого договора зависит сила английских гарантий приобретения Силезии, одновременно передав согласие Георга II на прусские требования в отношении Мекленбурга и Восточной Фрисландии. И только известие о неудаче Майлебуа вместе со слухами о переговорах Флери с маркизом Стенвиллем (Stainville) и лордом Эссексом (Essex) в Париже, каковые могли привести к изоляции Пруссии, побудили прусского короля войти в союзные обязательства с Англией, ибо, как писал король Фридрих министру Подевильсу «если Франция и Австрия вместе на меня нападут, то Австрия ничего не сможет без субсидий Англии».

---

⁴² Речь идёт о Фридрихе Людвиге, бургграфе цу Дона-Карвинден (Dohna-Carwinden).

Фридрих II, король Пруссии (1712–1782). Официальный титул прусских королей звучал, как «Король в Пруссии», что породило ошибочные интерпретации насчёт ущербности данного титула. В действительности, королевству Пруссия принадлежала лишь часть области Пруссия (Восточная Пруссия), тогда, как другая часть (Западная Пруссия) была владением короля Польши. Таким образом, титул подчёркивал, что прусский король обладает лишь частью этой провинции, не оспаривая сюзеренитет короля Польши на другую её часть. По аналогии, встречаются титулования «король в Дании», «король в Польше» и даже – о ужас! – «король во Фран-

ции». После разделов Польши и вхождения Западной Пруссии в состав Прусского королевства, официальный титул прусских королей приобрёл привычный вид «Король Пруссии».

Однако также осторожно прусский король держался и по отношению к другой стороне конфликта – Франции. 20 октября 1742 года французский посланник Валори передал королю Фридриху ноту, в которой ему предлагалось принять на себя роль посредника в урегулировании конфликта и даровать мир Германии и императору. Тем более что, как было сказано в данном документе, выбор этот был, по-преимуществу, прусской работой. Король Фридрих отказался от этого лестного предложения, подозревая, что оно призвано помешать его сближению с Англией, расстроить подписание Вестминстерского договора и вовлечь Пруссию в конфликт. Кроме того, король имел основания сомневаться в искренности французских предложений. Он знал о вышеупомянутых австро-французских консультациях в Париже, равно как и о предложении кардинала Флери к Австрии о возвращении Силезии и об обещании кардинала Тансена (Tencin) в Риме, что Франция постарается сделать так, чтобы Силезия не осталась в еретических руках. 21 октября Валори получил сдержанный ответ: «Я сожалею о сложившемся в Империи положении и я, также как и император, желаю обеспечить ей мир, но это не дело нейтрального князя...».

Однако уже через пару месяцев прусский король переменял тон своих заявлений. Пока чаша весов колебалась между ослабленными войной и уравновешивающими друг друга Австрией и Францией, Пруссии можно было не опасаться новой войны, но в конце ноября в Лондоне было принято решение, заставившее короля Фридриха покинуть свою позицию наблюдателя и вмешаться в борьбу. Пусть пока только дипломатическими средствами. Согласно этому решению, английские войска, собранные во Фландрии, получили приказ действовать не через Австрийские Нидерланды, а войти в Империю. Над французской армией в Баварии нависла угроза повторения катастрофы при Гохштедте 1704 года, последствием которой была бы оккупация Баварии и достижение решительного превосходства сил коалиции над Францией. Как уже говорилось, лишение императора его родового герцогства с возможной последующей передачей его Австрии резко меняло баланс сил в Германии в пользу Габсбургского дома и, тем самым, приближало возможность реванша Вены в Силезии. По собственным словам короля, эта опасность была единственной причиной, которая могла заставить его покинуть свою надёжную и спокойную позицию. Таким образом, сохранение Баварии за Карлом VII и поддержание власти императора являлись важнейшими условиями для недопущения пересмотра статей Бреславльского мира и сохранения Силезии в составе Пруссии.

8 декабря 1742 года, получив донесение Андрие о принятом в Лондоне решении двинуть армию в Германию, король Фридрих заявил, что Англия может атаковать Францию, но не Карла VII, так как «я сам, как имперский князь, не смогу долго сносить такое унижение верховной императорской власти, и это, возможно, вынудит меня поддержать кайзера, который, в конце концов, является результатом моих трудов, против любого». В Гааге молодой граф Подевилльс 24 декабря передал высшим чинам Республики Соединённых Провинций меморандум, в котором король Фридрих объявлял, что, в случае, если австрийские и союзные им войска пересекут Рейн, он будет рассматривать их как враждебные Империи. В таком случае, он передаст в распоряжение императора 15 000 прусских солдат, а если этого будет недостаточно, лично встанет во главе 50-тысячной армии, чтобы изгнать их обратно. Английскому посланнику Гиндфорду король заявил, что если Англия хочет атаковать императора, то пусть король Георг не забывает, что Пруссия и Ганновер находятся рядом. 7 января 1743 года резидент Андрие в Лондоне от имени прусского короля также заявил протест против вторжения английских войск на территорию Империи и одновременно призвал английский кабинет к посредничеству в заключении мира с Карлом VII.

В ответ английская сторона выразила готовность к посредничеству, поставив лишь два условия – в этих переговорах не должна была участвовать Франция, а Карл VII должен был отказаться от всех претензий на габсбургские земли. Кроме того, оценив весомость угрозы из Берлина, лорд Картерет через лорда Гиндфорда приказал передать королю Фридриху декларацию, содержание которой должно было возыметь на него успокаивающее действие. В ней значилось, что в намерения короля Георга никогда не входило действовать против императора Карла VII, пытаться лишить его родового герцогства либо повлиять на выбор римского короля. Английские и другие союзные Австрийскому дому войска направляются в границы Империи лишь в качестве вспомогательных сил, подобно тому, как два года назад французы передали свои войска Карлу-Альбрехту Баварскому и если ранее германские князья терпели присутствие на территории Империи французских войск, то теперь у них нет оснований возражать против английских. Однако король Фридрих с недоверием отнёсся к этим заявлениям, которые, к тому же, позже легко можно было дезавуировать, сославшись на союзные обязательства по отношению к Австрии. Чтобы убедить Карла VII пойти на английские условия и согласиться на заключение мира, у прусского короля было ещё, по меньшей мере, два месяца до начала весной военных действий. Но пока «вето прусского короля», как иронично прозвали этот демарш в Лондоне, принесло результат.

Наиболее эффективным средством для восстановления мира в Германии король Фридрих счёл формирование третьей силы из войск германских князей и, в первую очередь, Пруссии, которая обеспечила бы Карлу VII независимость от французской помощи и укрепила бы его позиции на переговорах с Англией и Австрией. Империя должна была объявить нейтралитет, а имперская армия в количестве 40 000 человек призвана была его гарантировать. Король Фридрих сам вызвался принять командование над этой армией, и это предложение имело большие политические цели. Наряду с недопущением Прагматической армии в границы Империи и сохранением Баварии за Карлом VII, прусский монарх, будучи легитимным защитником императора и стоя во главе имперской армии, стал бы третейским судьёй Германии. Пытаясь при помощи имперских войск сдержать продвижение Прагматической армии, прусский король рассчитывал на то, что война решится противостоянием Франции и Австрии, но решительного успеха при этом не достигнет ни одна сторона. В таком случае, условия мира будут вполне умеренными, а император Карл VII, избавленный от диктата Франции, окажется в зависимости от прусского короля. Однако для реализации данного плана было необходимо добиться согласия Рейхстага. 12 января 1743 года король Фридрих писал: «Если император побудит Рейхстаг призвать меня на защиту Империи... я с радостью буду готов дать более действенные доказательства моей преданности, чем мне до того позволяли обстоятельства». Старый курфюрст Майнцский был ещё жив, а австрийская партия в Рейхстаге не так сильна, так что имелись все предпосылки для получения положительного решения Рейхстага касательно формирования нейтральной имперской армии.

Оригинальное решение нашёл прусский король и чтобы удовлетворить территориальные претензии Карла VII. Им был предложен проект секуляризации ряда церковных земель, который позволил бы компенсировать императору отказ от претензий на габсбургские земли и серьёзно ослабил бы позиции в Фюрстенрате австрийской партии, которая традиционно пользовалась поддержкой высшего католического духовенства. Сто лет назад подобные меры в отношении ряда духовных территорий Империи оправдали себя, как средство достижения компромисса на мирных конгрессах в Вестфалии. Это было время, самое начало 1743 года, когда франко-баварские войска ещё твёрдой ногой стояли в Баварии и, несмотря на неудачный исход последней кампании, ничто не предвещало грядущей катастрофы. В обстоятельствах, когда Бавария, как казалось, была надёжно защищена, а французские и баварские генералы, в ожидании подкреплений из Франции, готовили новые наступательные планы, император Карл VII отказался объявить нейтралитет, не желая рисковать отношениями с Версалем, от которого

долгое время получал финансовую и военную помощь. Однако император, всё-таки, использовал представившуюся возможность для переговоров, передав мирные предложения через своего министра в Лондоне Хасланга, который добавил при этом, что проект секуляризации является детищем не его сеньора, но другого князя, имея в виду короля Прусского. Об этих предложениях уже было сказано выше. Разумеется, при этом подразумевалось, что Франция также примет участие в мирных переговорах, что категорически не устраивало Лондон. Как уже говорилось, условия, выдвинутые императором, также были решительно отвергнуты, а план секуляризации короля Фридриха был предан огласке. В Вене объявили, что император хочет ограбить Франконский и Швабский имперские округа, упразднив целый ряд имперских городов и епископств, что будет означать крушение имперской конституции, а папский нунций заявил решительный протест против такого неслыханного надругательства над церковью, который немедленно нашёл горячий отклик среди католических сословий Империи.

Император Священной Римской империи Карл VII Виттельсбах (1697–1745). Счастливый курфюрст – несчастный кайзер.

Неуступчивость и явно завышенные требования Карла VII вызвали удивление и раздражение прусского короля, который понимал неприемлемость данных условий для Лондона и Вены и пытался убедить императора, что союз с Францией бесперспективен, добиться уступок от Марии-Терезии невозможно, и, таким образом, секуляризация некоторых церковных владений остаётся единственным способом прийти к соглашению. Но надеждам на секуляризацию, которая позволила бы сгладить острые углы территориальных споров, и которую король

Фридрих считал последним средством удовлетворить претензии Карла VII, не суждено было сбыться. Относительно формирования нейтральной имперской армии в прусском министерстве также высказывались большие сомнения. Министры Борке (Borske) и Подевильс предостерегали короля от вмешательства в войну, советовали подождать, как будут развиваться события, когда Франция отправит в Германию новую армию в 80 000 человек, и опасались, что формирование нейтральной имперской армии и передача командования над ней прусскому королю «повлечёт за собой целую вселенную неприятностей».

Вместе с тем, подозрения короля Фридриха по поводу двуличности Лондона начали сбываться. На запрос в Вене прусский посланник граф Дона получил ответ, что Австрия не против мира с Карлом VII. Но венский двор при этом выдвинул условия, которые были неприемлемы, как для Карла VII, так и для короля Фридриха – признание богемского курфюршеского голоса на Рейхстаге, компенсация от Франции и объявление Франца-Стефана римским королём. На объяснения со стороны прусского короля, что император Карл VII обнадёжен французскими обещаниями и для достижения мира необходимо пойти на некоторые уступки, в Вене заявили, что прусский король в нарушение условий Бреславльского мира явно намеревается принять сторону императора Карла. Венский двор рассчитывал на Прагматическую армию не меньше, чем император на французскую помощь, так что обе стороны были непреклонны и решительны. Уверенности Австрии придавали также известия из Италии, где после победы при Кампо-Санто 8 февраля 1743 года австро-сардинским войскам открылась дорога на Неаполь, и из Гааги, где голоса друзей Австрийского дома звучали всё увереннее. Второй грэффьер (секретарь) Генеральных Штатов Фагель (Fagel) заявил молодому графу Подевильсу, что Мария-Терезия имеет право вернуть то, что имела перед войной или, по крайней мере, получить приемлемую компенсацию, и что Республика Соединённых Провинций будет этому способствовать. Также лорд Тревор (Trevor) в беседе с тем же графом Подевильсом высказал сомнения в законности выбора императора Священной Римской империи из-за исключения на коллегии курфюрстов богемского голоса.

Неутешительными также были известия из Франкфурта, где начавшиеся 11 марта в Рейхстаге консультации относительно плана секуляризации и нейтралитета Империи почти полностью прекратились после смерти курфюрста Майнцского. С передачей архиепископской кафедры графу Остейну добиться решения Рейхстага о формировании нейтральной имперской армии и вовсе не представлялось возможным. После отказа от плана секуляризации и формировании нейтральной имперской армии король Фридрих вынужден был отступить. После сепаратного мира в Бреслау он не мог рассчитывать на Францию и, вместе с тем, не был готов к конфликту с Англией, бывшей единственным гарантом этого мира. Угрозы прусского короля ни к чему не привели, а воплотить их в реальность у него не было возможности. Напротив, его попытка вето лишь вызвала волну возмущения английского общественного мнения, которое после этого стало ещё более настойчиво требовать от своего короля активных действий на континенте. Это был сильный удар, как по самолюбию короля, так и по всей его германской политике. В этом положении ему ничего более не оставалось, как умерить свою гордость и, отказавшись от угрожающего тона, безучастно наблюдать за маршем Прагматической армии в ожидании исхода военного противостояния, которое могло изменить к лучшему и политические конъюнктуры.

Находясь к лету 1743 года в сложном политическом положении, король Фридрих вынужден был быть вдвойне осторожным. На призыв французского посланника Валори исполнить обязательства по оборонительному договору от 1741 года и предоставить помощь Франции, прусский король ответил отказом. Также вежливый, но решительный отказ был передан имперскому фельдмаршалу Секендорфу, когда в ответ на высказанные им надежды на скорую помощь Пруссии, король Фридрих 27 апреля отвечал, что «он (король Пруссии – прим. авт.) хорошо знает, когда придёт время, но этот час пока не настал». В данном положении важным

достижением для Берлина стало заключение 27 марта 1743 года договора с Россией. Работа над заключением нового договора началась сразу после заключения австро-прусского мира в Бреслау, но в конце 1742 года переговорный процесс заметно активизировался. Король Фридрих после Бреславльского мира получил свободу рук, и петербургский двор был заинтересован если не в помощи, то, по меньшей мере, в невмешательстве Пруссии в русско-шведскую войну. Содействовать улучшению отношений Берлина и Петербурга должно было включение камергера Воронцова, зятя императрицы Елизаветы, в число кавалеров ордена Чёрного орла, и последующий за этим обмен орденами Чёрного орла и святого Андрея Первозванного между Фридрихом Прусским и императрицей Елизаветой. Это сближение царственных особ было отмечено грандиозным празднованием в Зимнем дворце. Однако яркая обложка договора скрывала под собой довольно неопределённое содержание. Прусский король так и не смог добиться от петербургского двора гарантий своих новоприобретённых владений в Силезии и Глаце, без чего договор во многом терял свою действительную ценность. Король красноречиво называл его набором бессмысленных фраз. Однако для короля Фридриха важно было наличие договора с Россией, союз с которой выводил Пруссию из изоляции. Сам договор без включения в него статей о гарантии Силезии и Глаца, не стоил, по выражению прусского короля, затраченного на него труда, но, как стекло, которое принимают за бриллиант, вполне подходил, чтобы произвести необходимое впечатление в европейских столицах ⁴³.

Весна-лето 1743 года принесли для прусского короля новые беспокойства. Неожиданно быстрая оккупация Баварии, беспомощность франко-баварского командования вместе с поражением маршала Ноайля при Дёттингене и перенос военных действий к самим французским границам заставляли опасаться скорого военного поражения Франции. Расчёт на равновесное положение Версаля и Вены в Германии, в результате чего обе стороны, устав от войны, будут готовы на примирение при посредничестве прусского короля, очевидно, не оправдался⁴⁴. После выхода из войны Франции в Вене мог бы быть поднят вопрос о пересмотре условий Бреславльского мира. Хотя пока известия из австрийской столицы звучали успокаивающе. Граф Дона писал, что главной целью венского двора остаётся Франция и что «Королева может погубить её (Францию – прим. авт.) при условии, что никто другой не захочет ей помочь». Также он передавал заверения Бартенштейна, что, несмотря на то, что для королевы Марии-Терезии тяжела потеря Силезии, она готова ещё раз гарантировать Силезию Пруссии, при условии, что Пруссия также даст ей свои гарантии. Но король Фридрих не испытывал доверия к этим словам. По его мнению, гарантии Силезии со стороны Вены равным счётом ничего не значили, так как Силезию могла атаковать только сама Австрия и это, по выражению короля, было бы «всё равно, как если бы мы хотели гарантировать королеве Моравию». Со своей стороны, Пруссия обязана была бы гарантировать габсбургские владения «против Франции, Испании, турков и кто знает, против кого ещё». У короля складывалось подозрение, что в его нейтралитете нуждаются, чтобы разгромить Францию, после чего, принимая во внимание двусмысленную позицию Великобритании и неопределённость обязательств со стороны России, он останется в совершенной изоляции. В этом случае, перед лицом мощного дипломати-

⁴³ Впоследствии отношения двух царственных особ стали ещё более близкими, когда, после раскрытия заговора Ботта-Лопухиных летом 1743 года, король Фридрих немедленно отправил императрице Елизавете письмо с советом отправить Анну Леопольдовну в монастырь, Ивана в Сибирь, а Антона Ульриха выслать в Германию. Такое участие оказало настолько сильное влияние на императрицу, что она, не поставив в известность вице-канцлера Бестужева, выразила готовность пригласить прусского короля к посредничеству в датско-шведском споре о Голштинии, гарантировать Бреславльский мир и женить наследника Петра на прусской принцессе. Несколько позже, в ноябре 1743 года, по совету короля Фридриха, в супруги наследнику была избрана София Ангальт-Цербстская, будущая императрица Всероссийская Екатерина II.

⁴⁴ Известие об отступлении маршала Брольи из Баварии вызвало сильное раздражение короля Фридриха, который резко высказался по этому поводу: «При всём дурном мнении, которое я имел о старом Брольи, я признаю, что этот его спектакль по глупости и трусости превзошёл всё то, что я думал о нём прежде». Необходимо отметить, что между королём и маршалом сложились неприязненные отношения со времени путешествия короля во Францию, которые только ухудшились во время богемской кампании 1741-42 годов.

ческого давления и угрозы формирования против Пруссии сильной коалиции, он вынужден будет пойти на уступки в вопросе реституции Силезии и Глаца.

Дальнейшие события только упрочили недоверие и увеличили беспокойство прусского короля. После неудачной попытки принести мир в Империю и вывести императора Карла VII из-под удара, король Фридрих должен был испытать ещё одно разочарование. Чрезвычайный посланник и друг прусского короля ещё со времён курпринца 29-летний граф Финк фон Финкенштейн⁴⁵, который должен был принять участие с прусской стороны в переговорах с Карлом VII в Ганау, сообщал о холодном приёме, оказанном ему лордом Картеретом и королём Георгом Английским и об их желании самим решать судьбу императора. Было очевидно, что Великобритания не намерена допускать прусского посланника к переговорному процессу и делить с королём Фридрихом место посредника, чтобы самой распоряжаться судьбой императора. Лорд Картерет прекрасно понимал замысел прусского короля и, держа этого «чертёнка» графа Финкенштейна подальше от переговоров, как-то сказал тому: «Ваш король добился, чего хотел, живёт в мире и может никого не бояться до тех пор, пока будет заботиться, чтобы у него были друзья; ни одна держава не в состоянии защитить себя сама в одиночестве». Некоторое успокоение королю Фридриху принесло сообщение графа Финкенштейна, что действия союзников ещё более спонтанные и хаотичные, чем у французов, их военная кампания проходит без единого плана, в Прагматической армии царят сильные разногласия, а дисциплина полностью разладилась. Кроме того, в Республике Соединённых Провинций всё громче были слышны голоса за мир, а Карлу Лотарингскому так и не удалось форсировать Рейн и перенести военные действия на французскую территорию. Всё это, как писал граф Финкенштейн, вселяет уверенность, что военное решение во Франции будет отложено, по меньшей мере, до весны 1744 года. Кроме того, твёрдая позиция короля Фридриха не допустить присоединения Баварии к Австрии и унижения императора Карла VI, о чём граф Финкенштейн сообщил в Ганау лорду Картерету, возымела действие на английское министерство и вынудила его отказаться от поддержки австрийского плана по получению компенсации за Силезию в Баварии.

В это время в Берлин прибыл Вольтер с целью выяснить внешнеполитические планы прусского короля и, по-возможности, направить их в выгодном для Франции направлении. Как уже говорилось, «король философов» встретил тёплый приём со стороны «короля-философа», но проникнуть в замыслы Его Прусского Величества ему не удалось. Все попытки Вольтера начать переговоры король неизменно обращал в шутку. Как саркастично писал король в «Истории моего времени» (*Histoire de mon temps*), Вольтер думал, что достаточно иметь покровительство в Париже, чтобы вести важные переговоры, но, так как он не имел аккредитивов, его миссия стала просто игрой. Тем временем, прусского короля не оставляла идея об образовании в Германии третьей силы, возглавив которую он, как посредник, мог бы вынудить императора Карла VII и королеву Марию-Терезию пойти на примирение. При невозможности одобрения предложения об образовании имперской армии в Рейхстаге, король Фридрих решил лично посетить некоторых германских князей, которых он планировал привлечь в союз князей во главе с императором, и выяснить их отношение к данному проекту. Помимо старого французского клиента Пфальцского курфюрста и обиженного на союзников после Ганау Вильгельма Гессен-Кассельского, прусский король рассчитывал на герцогство Вюртемберг⁴⁶, маркграфа Байрётского, епископа Вюрцбургского и архиепископа Кёльнского, которого надеялся убедить отказаться от договорённостей с Англией. Однако эти князья были слабыми в финан-

⁴⁵ Король называл графа Финкенштейна и барона Мардефельда двумя самыми ловкими дипломатами Европы. Примечательно, что граф фон Финкенштейн позже был назначен в Стокгольм, так что «двум самым ловким дипломатам» было доверено проводить политику короля в очень важных для Пруссии странах – Швеции и России. Достижение договорённости именно с этими государствами король Фридрих позже поставит условием заключения договора с Францией и своего вступления в войну.

⁴⁶ Вдовствующая герцогиня Вюртембергская приходилась двоюродной тёткой королю Фридриху II.

совом отношении и либо вообще не имели полевых войск, либо не могли самостоятельно их содержать и нуждались для этого в субсидиях. Так как ни Пруссия, ввиду ограниченности её ресурсов, ни, тем более, император Карл VII, не могли обеспечить необходимую финансовую поддержку этому предприятию, король Фридрих не видел иного выхода, как обратиться за помощью к Франции. Кроме того, после оставления Баварии, отступления французских войск к своим границам и подписания Нидер-Шёнефельдской конвенции сторонники Карла VII в Империи были подавлены и финансовые гарантии Франции и военные гарантии Пруссии были необходимы, чтобы вновь вдохнуть в них уверенность.

Король Фридрих и Вольтер беседуют во дворце Сан-Суси.

В сентябре 1743 года король Фридрих под предлогом визита к своей сестре, супруге маркграфа Байрётского Вильгельмине, совершил поездку в Байрёт (Bayreuth) и Ансбах (Ansbach), результаты которой хотя и не оправдали его ожиданий, но не заставили отказаться короля от своих планов. Его франконские родственники оказались значительно сильнее привержены союзу с Веной, чем предполагал король. Они ревновали прусских Гогенцоллернов к их могуществу и желали возвращения императорской короны Габсбургскому дому, покровительство которого обеспечивало им безопасность и спокойствие. И даже любимая сестра Вильгельмина сообщала в Вену об опасных планах своего брата, покушающегося на устройство Империи. В Вюрцбурге, Вюртемберге и Саксен-Готе также не выказали энтузиазма, предпочтя занять выжидательную позицию. «Я не нашёл никого, кто согласился бы, – писал король, – одни отказались из слабости, другие из преданности Австрийскому дому». Таким образом, расчёт короля на сословия передних имперских округов не оправдался, но контингенты Гессен-Касселя и Пфальца, остатки имперской армии и прусские войска при французских субсидиях уже представляли собой внушительную силу. В Ансбахе прусский король встретился с имперским фельдмаршалом Секендорфом и обсудил с ним вопросы взаимодействия будущей армии союза германских князей с имперскими войсками. Консультации с Секендорфом про-

должились позже в Берлине. В Оттингене (Öttingen) король Фридрих имел возможность лично осмотреть имперские части и, несмотря на значительный некомплект штатного состава, нашёл их состояние хорошим, а боевой дух высоким, подвергнув, однако, резкой критике офицерский корпус.

Вернувшись в Берлин 25 сентября, король Фридрих уже через два дня направил своим министрам документ, озаглавленный «Вопросы, над решением которых должно работать прусское министерство» (*Points sur lesquels le ministère prussien doit travailler*), где в краткой форме изложил ближайшие цели прусской внешней политики. Пруссия должна стать посредником при заключении общего мира, где ей будет гарантирована Силезия, при этом Австрия ни при каких условиях не должна получить Баварию и императорский титул. Так как достичь этих целей при помощи одних только переговоров оказалось невозможным, прусский король рассчитывал подкрепить свои предложения военной силой. Он был намерен организовать вокруг императора Ассоциацию верных ему германских князей, сформировать из их контингентов армию и самому же её возглавить. «Переговоры без оружия, – любил повторять король, – как ноты без инструмента». Средства на изготовление этого инструмента министры Карла VII должны были изыскать в Версале. Французские субсидии, чтобы не беспокоить общественное мнение Германии, должны были направляться не непосредственно князьям, а поступать сначала в распоряжение императора.

Таким образом, не сумев добиться согласия Рейхстага на формирование имперской армии, прусский король теперь рассчитывал собрать под своим руководством войска лишь некоторых германских князей, содержать которые предполагалось на французские субсидии. Если добавить к этому, что большую часть этой армии должны были составлять прусские войска, становится очевидным, что император оказался бы в полной зависимости от своего коннетабля. Сам коннетабль, примерив на себя роль защитника имперской власти, в этом случае получил бы достаточный вес, чтобы выступить посредником на будущем мирном конгрессе. Кроме того, условие, что французские субсидии будут выплачиваться через Карла VII, учитывая зависимость императора от прусского короля, означало, что после этого французская политика в Германии могла бы осуществляться только при посредстве короля Фридриха. Прусский король считал, что Франция находится в тяжелейшем положении и, перед лицом вторжения весной 1744 года союзнических армий в пределы королевства, вынуждена будет принять его предложения. План Ассоциации имперских округов был представлен имперским посланникам в Берлине вместе с заверениями короля Фридриха, что в мае он непременно выступит гарантом данной Ассоциации. При этом целью заявлялась лишь поддержка верховной императорской власти и подчёркивалось, что прусский король не вмешивается в борьбу Бурбонов с Великобританией и Австрией, а радеет лишь за интересы Германии. Такая формулировка формально позволяла прусскому королю избежать обвинений в нарушении условий Бреславльского мира, в той его части, которая касалась неучастия на стороне противников Марии-Терезии в текущем конфликте.

2 октября Валори был представлен план, озаглавленный «План, которому должны следовать французы, если проявят благоразумие» (*Projet que doivent suivre les francais, s'ils sont senses*). Вместе с ним король дал французской стороне ряд советов касательно обороны границ и действий против англичан и предложил выставить весной 1744 года 160 000 полевых войск во Фландрии, Эльзасе-Лотарингии и на Среднем Рейне, выплатить по 300 000 талеров субсидий Пфальцу и Гессен-Касселю на содержание войск, а также склонить на свою сторону герцогиню Вюртембергскую. При этом король, ссылаясь на условия Бреславльского мира, не мог заключить союз с Францией, но был готов включить прусские войска в состав армии Ассоциации, доведя её численность до 60 000 человек. Однако во Франции отнеслись к этим предложениям гораздо сдержаннее, чем ожидал король Фридрих. После неудачных попыток примирения, в Версале пришли к тем же выводам, что и в Берлине – для хорошей музыки одних нот мало.

Нужен ещё хороший инструмент. Иными словами, дипломатией, подкреплённой силой, можно добиться гораздо большего, чем одной только дипломатией. Там убедились, что Австрия не отступится без Лотарингии и/или Эльзаса, а Англия – без смертельных для французской торговли уступок. Участие Франции в войне после отклонения союзниками её мирных инициатив сделалось неизбежным, что требовало, прежде всего, выхода из политической изоляции. Ответом на Вормсский договор и вступление Сардинского королевства в войну на стороне Великобритании и Австрии стало подписание 25 октября 1743 года в Фонтебло Второго Семейного пакта с Испанией. В соответствии с этим договором, Франция обязывалась объявить войну Англии и Сардинии и не складывать оружия, пока в состав Испании не вернутся Гибралтар и Менорка, а Дон Филипп не получит Милан, Парму и Пьяченцу. Кроме того, предполагалось отнять у Сардинии территории, полученные ею по Утрехтскому договору 1713 года, а также лишить Англию колонии Джорджии.

В Германии также были предприняты энергичные попытки поиска новых союзников и усиления позиций императора. Как уже говорилось, во Франкфурт был переведён шевалье де Шавиньи, один из лучших французских дипломатов и творец Венского мира, венчавшего войну за Польский трон. По замыслу Шавиньи, в Германии Франция должна была следовать модели Рейнского союза образца 1658 года. Версаль должен был выступать гарантом свободы германских сословий против попыток подчинения их воле Австрийского дома. Первой целью этого союза Шавиньи видел в том, чтобы вынудить Вену признать Карла VII императором и вернуть ему Баварию. Разумеется, французская сторона предполагала возглавить этот союз и уже только поэтому предложение короля Фридриха не нашло понимания в Версале. Недоумение министров короля Людовика можно понять. Им казалось странным, что прусский король предлагает тайно оплатить из французской казны чужие войска под чужим командованием и вдобавок называет всё это благоразумием. 20 декабря прусский посланник в Париже барон Шамбрие (Chambrier) передал королю Фридриху слова государственного секретаря Амело, что у Франции нет денег на выплату субсидий. Кардинал Тансен, имевший большое влияние при дворе, входивший в качестве министра без портфеля в Королевский Совет и даже, по оценке некоторых исследователей (Брольи) являвшийся «тайным первым министром», прочитав проект короля Фридриха, пересланный ему Валори, сказал, что он лишён здравого смысла.

Кроме того, к словам и обещаниям самого короля Фридриха в Версале, памятуя о недавнем предательстве, относились с большим недоверием. Шавиньи передал прусскому посланнику при Рейхстаге советнику Клинггреффену (Klinggraeffen), что король Фридрих «сможет сохранить Силезию только при помощи тех же самых средств, которые помогли ему её захватить, то есть, участием в общей развязке, которая навсегда увенчает его славу и обеспечит его безопасность. Все козыри у него на руках...». В следующей беседе он добавил, что «у вашего короля совсем нет друзей; Австрия к нему непримирима, а Саксония с ней заодно. Если он не хочет, чтобы его опередили, нужно действовать быстрее самому». Здесь Шавиньи почти буквально повторил предостережение, сделанное прежде лордом Картеретом о необходимости заручиться друзьями. Таким образом, король Фридрих получил от обеих противоборствующих сторон недвусмысленный намёк о том, что в то время, когда по всей Европе гремит гром войны, его дальнейшее пребывание в благословенной Аркадии невозможно, и если он хочет сохранить за собой Силезию, пришло время активных действий. Ответ Клинггреффена был осторожным: «Хотя мой король не хочет оставлять руки в карманах, но он должен быть уверен, что не обожжёт себе пальцы». Прусский король с недовольством узнал о том, что Франция пытается оспорить у него лидерство в создаваемой им Ассоциации имперских округов и вновь подчеркнул невозможность заключения договора с Францией, так как это противоречило статьям договора в Бреслау. Французский план военной кампании также не устраивал прусского короля. Он предусматривал три направления, на которых Франция будет вести активные действия – на море, в Южной Германии и во Фландрии, совершенно не упоминая о наступле-

нии против Прагматической армии и освобождении Баварии, что, по замыслу французского командования, должно было входить в задачи армии Ассоциации имперских округов.

Таким образом, к концу 1743 года король Фридрих всё ещё был твёрдо намерен придерживаться избранной ранее внешнеполитической стратегии и, поскольку участие Пруссии в войне сделалось необходимостью, предполагал его не на основе прямого договора с Францией, а лишь в составе широкой коалиции германских князей, возглавляемой императором. Это легитимировало его выступление и делало бы прусского короля в глазах общественного мнения защитником германских прав и свобод. С другой стороны, такое решение позволяло обойти условия Бреславльского мира, которые не позволяли прусскому королю вернуться в войну. Это лишало Вену оснований для объявления короля Фридриха агрессором и последующей денонсации данного договора⁴⁷. Однако поступившие вскоре известия заставили прусского короля изменить своё решение. 24 декабря 1743 года из донесения прусского посланника Бееса король Фридрих узнал о заключении австро-саксонского договора, условия которого, казалось, оправдывали самые мрачные его подозрения. При этом Беес сообщал, что Брюль уверял его, что Саксония будет придерживаться строгого нейтралитета. Фельдмаршал Секендорф, считавший необходимым привлечение Саксонии в Ассоциацию имперских округов и по заданию императора Карла VII занимавшийся тогда челночной дипломатией между Дрезденом и Берлином, также утверждал, что союз Саксонии с Австрией не опасен для Пруссии. Секендорф подчёркивал, что этот союз имел исключительно оборонительный характер, а гарантии Прагматической Санкции со стороны Саксонии даны на момент заключения договора, то есть, исключают Силезию. Но эти заверения не могли успокоить подозрения прусского короля, тем более что граф Дона в ноябре-декабре 1743 года сообщал из Вены о военных приготовлениях Австрии в Богемии и Моравии, организации там магазинов и сборе войск. Эти подозрения вскоре переросли в уверенность, что, как только будет повержена Франция, Пруссии неминуемо грозит вторжение, предотвратить которое можно лишь нанеся удар первым.

Такое неожиданное решение связано с публикацией во французских газетах текста Вормского договора, который в феврале 1744 года отправил королю из Гааги молодой граф Подевильс. Именно известие о подписании австро-саксонского и оглашение условий Вормского договоров ряд авторитетных исследователей (Дройзен, Ранке, Карлайл, Брольи) называют главной причиной, побудившие прусского короля изменить своей внешнеполитической стратегии и вступить в войну, опираясь на прямой союз с Францией. При европейских дворах быстро узнали о подписании Вормского трактата. Уже 28 сентября король Фридрих дал задание графу Финкенштейну выяснить подробности договора Австрии с Сардинией, а 12 ноября в депеше посланнику в Вене графу Дона пишет об уступках, сделанных венским двором в Италии. Но, так как договор касался Италии, он мог повлиять на германские дела лишь опосредованно и не вызвал сильного беспокойства прусского короля, который за добрые полгода лишь пару раз упомянул о нём в своей политической корреспонденции. Однако 9 февраля 1744 года в Берлин пришла депеша от молодого графа Подевильса с текстом Вормского договора, который Его Величество «сильно поразил и внушил большое недоверие к намерениям английского и венского дворов...».

Такую резкую реакцию прусского короля вызвали вторая и тринадцатая статьи трактата, в которых речь шла о взаимных гарантиях земель договаривающихся сторон и об использовании австрийских войск в случае освобождения итальянских владений⁴⁸. В первом случае в

---

⁴⁷ Согласно 1-й статье Берлинского договора 1742 года стороны обязывались, что «..неприятелям одной из договаривающихся ни под каким претекстом помощи не подадут, и с ними альянции сему мирному трактату противныя, или между договаривающимися сторонами может быть уже перед сим учинённые, елико сему обязательству противны будут, вредительных не учинять» (русский перевод у Мартенса).

⁴⁸ Примечательно, что в «Истории моего времени» король Фридрих путает Вормский договор с австро-саксонским договором и пишет о данных статьях, как о принадлежащих к австро-саксонскому договору. Вследствие этого недоразумения

перечне договоров, которые подтверждали Австрия и Сардиния, отсутствовал Бреславльский договор, тогда как по перечисленным договорам Силезия оставалась австрийской. Кроме того, согласно тринадцатой статье, австрийские войска могли быть переведены в Германию, а оборона австрийских владений в Италии возлагалась на сардинские войска. Так как Бавария была повержена, а Франция отеснена к собственным границам, австрийские войска в Германии могли быть использованы только против Пруссии и король не находил другого объяснения этим намерениям, как подготовка к попытке ревизии Бреславльского мира после примирения с Версалем. Из других источников король Фридрих также получал информацию, которая подтверждала его опасения. Так, например, от Секендорфа он узнал о содержании сепаратной статьи австро-саксонского договора, согласно которой Саксония обязывалась выставить в помощь Австрии 6 000 вспомогательных войск, но не в текущем, а в следующем конфликте. Это было истолковано прусским королём, как очередное доказательство враждебных намерений венского двора. Кроме того, у короля были основания сомневаться в искренности морских держав. После уже упомянутых высказываний секретаря Фогеля и лорда Тревора, в руках короля Фридриха оказалась копия письма короля Георга, в котором английский монарх, в ответ на сетования Марии-Терезии о сделанных ею уступках, отвечал: «Мадам, что легко взять, легко и вернуть обратно». В достоверности данного письма существуют большие сомнения⁴⁹, но оно определённо повлияло на последующие решения прусского короля.

И эти решения были приняты быстро. Король незамедлительно поручил своим министрам, Борке и Подевилюсу, независимо друг от друга в письменной форме представить ему свои соображения относительно содержащихся в Вормском трактате статей. Но министры не разделяли опасений короля. Борке, который прежде был посланником в Вене и Лондоне и прекрасно разбирался в политике этих дворов, признавал, что Мария-Терезия никогда не забудет потерю Силезии, а Ганновер всегда будет ревниво относиться к Пруссии. Но он был уверен, что у Австрии сейчас нет возможности начинать новую войну, а Англия не откажется от гарантий Силезии, по крайней мере, до тех пор, пока Пруссия сама не нарушит положения Бреславльского мира. Борке считал, что упомянутые статьи Вормского договора не угрожают Пруссии, и король не должен вступать в новую войну и рисковать ради помощи Франции, которая была слаба и на которую нельзя было положиться. Графу Подевилюсу также казалось невероятным, что Австрия и Великобритания подвергнут себя новой опасности. Он также считал, что Вормский договор не направлен против короля и советовал ограничиться запросами в Вене и Лондоне относительно его содержания, а также выразить в Лондоне удивление по поводу того, что англичане не сообщили о Вормском договоре в Берлин, как должны были в соответствии с условиями Вестминстерского договора. Однако король Фридрих назвал эти соображения «брюлианой» и, как далёкой осенью 1740 года, был намерен осуществить свои решения, невзирая на мнения своих министров⁵⁰. Насколько вескими были опасения короля, и насколько они могли оправдать нарушение договора и вступление в войну, в рамках данной работы останется за скобками. Однако заметим, что королю были известны лишь открытые статьи договора, и он имел основания опасаться тайных статей этого соглашения. Сейчас мы знаем, что эти подозрения не подтвердились. Также приведём аргументы австрийского исследователя Арнета, который оценивает австро-саксонский союз как исключительно оборо-

---

пруссский король был уверен, что австро-саксонский договор был заключён при посредничестве английской стороны, тогда как это справедливо лишь по отношению к Вормскому, но не к австро-саксонскому договору. Данное обстоятельство возымело серьёзные внешнеполитические последствия и немало способствовало принятию решения короля о вступлении в войну.

⁴⁹ Цикурш (Ziekursch) указывает, что это письмо, вероятно, было сочинено французским посланником при майнцском дворе Блонделем (Blondel), чтобы склонить прусского короля к отказу от подписания прелиминарий в Бреслау.

⁵⁰ Речь идёт о событиях 1740 года, когда, после получения известия о смерти императора Карла VI Габсбурга, король Фридрих также запросил мнение министра графа Подевиляса и фельдмаршала Шверина относительно вторжения в Силезию и также проигнорировал данные ими советы об осторожности, которые расходились с его собственным видением ситуации.

нительный и возникший, напротив, из-за недоверия к прусскому королю. Этим Арнет объясняет военные приготовления в Богемии и Моравии.

Сразу после получения ответов от своих министров, король Фридрих составил весьма примечательный документ, в котором подробно разобрал аргументы в пользу готовящегося нападения Австрии и её союзников на Пруссию и здесь же сам попытался их опровергнуть. Во второй части документа король подвёл итоги этого внутреннего диалога и взвесил возможности, к которым можно было бы прибегнуть для отвращения угроз, и риски с этим связанные. Вывод, сделанный королём, был однозначным – Австрия при поддержке Великобритании, уже начиная со времени подписания Бреславльского договора, готовилась к его ревизии и после завершения войны против Франции готова будет напасть на Пруссию. В этой ситуации лишённой союзников Пруссии предстоит в одиночку противостоять целой коалиции держав, к которой король Фридрих, помимо Австрии и Англии с Ганновером, причислял, по меньшей мере, ещё Саксонию и Данию. Как писал король Фридрих тогда он «не найдёт никого для диверсии против королевы Венгрии... а гаранты его договора либо очень мало, либо совсем не будут расположены ему помочь». Единственное средство, по мнению короля, с помощью которого можно избежать поражения, это заключить союзы с Францией, Россией и Швецией и уже в 1744 году, пока австрийские и союзные им войска заняты на Рейне и во Фландрии, нанести превентивный удар по Австрии и лишить её Богемии. По убеждению короля, если этого не сделать, «королева Венгрии всегда будет оставаться слишком сильной». Часть Богемии к северу от Эльбы прусский король рассчитывал присоединить к своим владениям. Ещё во время Первой Силезской войны на переговорах с бывшим королём Богемии Карлом-Альбрехтом и с Марией-Терезией король безуспешно пытался получить эти богатые богемские округа, которые, в качестве предполья Силезии, имели не только экономическое, но также стратегическое значение.

Как видно, выводы, сделанные в этом документе представляют собой разительную противоположность прежней внешнеполитической стратегии короля, направленной на поиск путей влияния на конфликт в рамках условий Бреславльского мира, при помощи нейтральной армии Ассоциации имперских округов. Можно утверждать, что с середины февраля король Фридрих принял решение о непосредственном вмешательстве в войну на стороне Франции, чтобы не допустить выхода её из войны. После этого конфликт вновь обрёл бы равновесное состояние, которое затем должно было быть закреплено статьями общего мира с неизменным включением в них гарантий Силезии со стороны всех его участников. Также очевидно, что нарушение прусским королём мирного договора с Австрией освобождало другие стороны от его соблюдения, что, при неудачном исходе войны, могло повлечь за собой потерю не только Силезии, но также других территорий. Король Фридрих хорошо видел эту опасность, но считал, что бездействие будет ещё губительнее и потому «было бы глупостью не желать предотвратить несчастье, имея в руках средства от него защититься».

Основными условиями для исполнения данного смелого предприятия были боеспособная армия и наличие союзов с Петербургом и Версалем. Армия у короля была, а вторую часть задачи должна была решить дипломатия. От спасения Франции, которую он сам оставил два года назад ради Силезии, теперь парадоксальным образом зависело сохранение этого приобретения. Также для претворения в жизнь этого плана необходимо было заручиться союзом или, по крайней мере, нейтралитетом России. О необходимости поддержания добрых отношений с Россией говорил сыну ещё король Фридрих-Вильгельм⁵¹, а после силезского предприятия короля Фридриха роль России во внешней политике Пруссии ещё более возросла. В контек-

---

⁵¹ В беседе с русским посланником в Берлине графом А.Г. Головкиным прусский король Фридрих-Вильгельм I выразил своё отношение к России следующими словами: «Никогда я вашего Императора ни на кого не променяю, потому что ни с кем у меня такой дружбы нет... Никогда не вступлю ни в какие соглашения, ни против завоеваний вашего Императора в последнюю войну со Шведами, ни против прав герцога голштинского на шведский престол, ни против возвращения ему Шлезвига». На смертном одре прусский король наказал своему наследнику и министрам поддерживать союз и дружбу с Россией.

сте противостояния с Австрией, позиция восточного соседа, обладавшего мощными вооружёнными силами и практически неуязвимо для ответного удара, приобрела для прусской политики критическое значение. Как указывает современный германский исследователь Духхарт (Duchhardt) применительно к ситуации после Семилетней войны, союзные отношения с Россией являлись необходимым условием безопасности Пруссии, и король Фридрих, образно выражаясь, вынужден был постоянно сверять свои планы по петербургскому времени⁵².

В австрийском министерстве также прекрасно понимали важность позиции России в противостоянии с Пруссией и поэтому в Петербурге развернулась напряжённая борьба за влияние на молодую императрицу Елизавету. Сама императрица, предпочитая государственным делам балы и маскарады, охотно препоручала их своему вице-канцлеру Бестужеву, часто подписывая поданные им документы, даже не читая их. При этом, несмотря на страсть к развлечениям, императрица Елизавета неожиданно проявила большую государственную мудрость, поставив Бестужеву важное условие – Россия не должна быть втянута в европейскую войну. Это условие ограничивало возможности, как самого вице-канцлера, у которого уже был опыт следствия и ссылки и который не желал его повторения, так и политических партий при петербургском дворе.⁵³

Одним из эпизодов борьбы между партией Бестужевых во главе с вице-канцлером и его братом обер-гофмаршалом Михаилом Бестужевым и их противниками в лице барона Мардефельда, маркиза Шетарди, а также Лестока и Брюммера стал уже упоминавшийся ранее заговор Ботта-Лопухиных. В это время король Фридрих, в соответствии с принятым решением, настойчиво требовал от посланника в Петербурге барона Мардефельда добиться заключения Тройственного союза Пруссии, России и Швеции⁵⁴. Целью этого союза было не только сохранение в спокойствии восточных и северных границ прусского королевства, но и военная помощь во время будущей войны. При этом опубликованные статьи Вормсского трактата в Петербурге были представлены как доказательство двуличности английской политики. Однако, хотя отношения с Россией в конце 1743 года заметно улучшились, энергичные усилия Мардефельда по созданию Тройственного союза успехом не увенчались. Несмотря на содержащиеся в проекте договора заманчивые предложения гарантий голштинского наследства, вице-канцлеру Бестужеву удалось убедить императрицу, что обязательства по данному договору могут вовлечь её в бессмысленную войну.

Ни поддержка матери невесты наследника княгини Иоганны Елизаветы Ангальт-Цербстской, ни 150 000 талеров⁵⁵, выделенные на подкуп королём Фридрихом, ни производство в

⁵² Примечательно, что в Политическом завещании от 1752 года король Фридрих не считает Россию потенциальным противником Пруссии: «Россия не может быть причислена к числу наших настоящих противников. Между ней и Пруссией нет спорных вопросов. Лишь случай может сделать её нашим врагом. Подкупленный Англией и Австрией министр (вице-канцлер Бестужев – прим. авт.) с большим трудом отыскал воображаемый повод, чтобы рассорить оба наших Дома. С падением этого министра дела вновь должны вернуться в их естественное состояние».

⁵³ Об этом условии сообщал будущий французский государственный секретарь по иностранным делам маркиз Аржансон. После падения Бирона Бестужев был заключён в крепость и даже приговорён к смертной казни, позже заменённую ссылкой. Получив строгое указание со стороны императрицы, вице-канцлер, из опасения быть обвинённым в подкупе и измене, в общении с английским посланником вынужден был прибегать к отговоркам и увёрткам, ссылаясь на нежелание государыни к активным действиям. Таким образом, решительная позиция Елизаветы позволила России избежать вмешательства в войну и, сохранив свободу рук и играя на противоречиях сторон, значительно приумножить влияние на европейские дела, что нашло выражение в роли России на Ахенском конгрессе 1748 года.

⁵⁴ Заключение союза между Пруссией, Россией и Швецией совпадало с желаниями Версаля, который пытался основать свою «Северную систему» на Четверном союзе, где к упомянутым трём державам добавлялась бы Франция. В отношении России, однако, эти попытки закончились неудачей.

⁵⁵ Позже король Фридрих дал полномочия Мардефельду использовать для подкупа любые суммы денег, которые он только пожелает. Щедрость обычно расчётливого прусского монарха в Петербурге ещё раз подчёркивает особенное значение, которое прусский король придавал России. Маркиз Шетарди даже ставил эту щедрость в пример своему двору, когда писал в Версаль о том, что барон Мардефельд во время Первой Силезской войны получил от своего короля на дипломатические нужды 1 200 000 ливров (ок. 300 000 талеров).

чине брата лейб-медика императрицы Лестока, служащего в прусской армии, ни пожалование фавориту Елизаветы Разумовскому и будущему вице-канцлеру Воронцову титулов имперского графа – ничто не могло преодолеть сопротивления Бестужева. После раскрытия заговора Ботта-Лопухиных и участия, проявленного прусским королём по отношению к императрице Елизавете в этом деле, барон Мардефельд стал при русском дворе любимцем среди посланников иностранных государств и иногда, казалось, был близок к победе в этой своеобразной дипломатической дуэли с Бестужевым. Однако вице-канцлеру удавалось не только отражать направленные на него выпады, но и наносить ответные удары. Одним из них стало возобновление 4 февраля 1744 года русско-саксонского оборонительного союза, согласно которому стороны обязались к взаимной помощи против возможного агрессора, под которым очевидно подразумевалась Пруссия. Эта дипломатическая борьба при русском дворе продолжится ещё длительное время, и каждый раз императрица будет находить причины отложить подписание договора с Пруссией.

Другим непреложным условием для успеха нового внешнеполитического предприятия прусского короля был союз с Францией. Эта задача требовала осторожности. После заключения сепаратного мира в Бреслау любые прусские предложения в Версале рассматривались бы под призмой недоверия, учитывая к тому же совершенную незаинтересованность, проявленную прусским королём в отношении намёков, сделанных Вольтером. Здесь король Фридрих также решил прибегнуть к распространённому в те времена приёму и отправить к версальскому двору частное лицо, доверенного человека, не связанного с официальной дипломатией и не наделённого официальным поручением. Тайные посланники использовались для выполнения деликатных миссий и разного рода зондирований, где требовалось избежать лишней огласки и церемоний. Ранее, сразу после восшествия на престол, прусский король уже прибегал к секретной дипломатии, отправив своих доверенных лиц в Париж и Лондон⁵⁶. И теперь, зная, что министр Амело и официальное французское ведомство по иностранным делам будут противодействовать эскалации конфликта, он стремился найти связи, ведущие непосредственно к королю Людовику. На роль тайного посланника король Фридрих избрал своего близкого друга генерал-лейтенанта графа Ротенбурга (Rothenburg), который ранее состоял на французской службе и имел влиятельных родственников при версальском дворе. Родственные связи графа позволяли королю Фридриху рассчитывать, что, минуя официальное дипломатическое ведомство, он будет принят на самом высоком уровне. С другой стороны, слова графа не имели официальной силы и, в случае возникновения непредвиденных сложностей, король легко мог объяснить их частной инициативой графа. Непосвящённым было легко объяснить причину поездки Ротенбурга необходимостью в лечении ран, которые генерал получил в сражении при Хотузице, и встречи с супругой, пребывавшей во Франции. Граф не был дипломатом, но это не должно вызывать удивления, так как в ту эпоху дворяне одинаково владели как шпагой, так и пером и часто меняли одно на другое. Отправка Ротенбурга во Францию вызвала серьёзную озабоченность в дипломатических кругах. Лорд Гиндфорд сообщал в Лондон из Берлина, что Ротенбург отправлен во Францию с большой задачей, но более точной информации ему получить не удалось. Впоследствии, так как в Берлине царили совершенно мирные настроения, а король был занят балами и маскарадами, в одной из следующих депеш лорд Гиндфорд успокоил английское министерство словами, что «король сам не знает, чего хочет».

Об истинной цели миссии графа Ротенбурга не знали даже прусские министры, включая Подевилльса. Для соблюдения секретности он не получил от короля письменных инструкций. Однако из донесения Ротенбурга от 16 марта мы знаем условия, на которых прусский король рассчитывал договориться с Францией: 1. Объявление войны морским державам и активное её ведение, как на суше, так и на море; 2. Держать наготове армию в 40 000 человек у границ

⁵⁶ Миссии графа Кама (Camas) и Трухзесса фон Вальдбурга (Truchsess von Waldburg) в 1740 году.

Ганновера, чтобы вторгнуться туда при необходимости; 3. Не заключать мир, пока король не вступит во владение землями, которые ему будут обещаны; 4. То же самое для Франции; 5. Северная часть Богемии со стороны Саксонии за Эльбой и оставшаяся у Австрии часть Верхней Силезии для Пруссии; 6. Остальная Богемия с Прагой для императора. Однако граф должен был вести себя сдержанно и не делать предложений первым, показывая, что Пруссия лишь готова оказать добрую услугу Франции, но не является инициатором переговоров. Такое поведение позволяло изначально усилить переговорные позиции короля Фридриха. Кроме того, неопределённость в отношениях с Россией заставляла прусского короля быть осторожнее. По заданию короля граф перед отъездом встретился с французским посланником Валори с целью выяснить, как во Франции могут отнестись к возобновлению отношений с Пруссией и получил обнадеживающий ответ, что такое великое государство, как Франция не знает чувства мести и руководствуется только интересами. Расширение владений прусского короля, добавил посланник, ничуть не противоречит французским интересам, особенно, если это будет сделано за счёт венского двора. Получив последние наставления от своего короля, 21 февраля 1744 года граф Ротенбург выехал во Францию⁵⁷.

---

⁵⁷ В завершении прощальной аудиенции король Фридрих сказал своему посланнику: «Видите теперь, во что вы впутались, чтобы меня защитить».

Глава V. Решение короля Фридриха

В начале 1743 года французское министерство понесло тяжёлые потери. В январе друг за другом ушли из жизни государственный секретарь по военным делам Бретейль (Breteuil) и первый министр королевства кардинал Флери. Кардинал до последнего момента обманывал Европу относительно своего самочувствия, но 29 января 1743 года Франция лишилась своего министра, который, по выражению короля Фридриха, на два года пережил свою славу. После смерти старого австрийского канцлера Зинцендорфа (Sinzenendorf), отставки Уолпола, изгнания Остермана ушёл последний государственный деятель той эпохи эпигонов, наступившей после войны за Испанское наследство. Смерть кардинала привела Францию в состояние растерянности. Людовик XV, который ранее был фактически отстранён от государственных дел, оставил кресло первого министра пустым, намереваясь самолично возглавить министерство. О смерти Флери он объявил, как объявляют о восшествии на престол. При дворе ходила шутка: «Кардинал умер, да здравствует король!» Однако король Людовик был молод и не имел опыта в государственных делах, так что министры оказались предоставленными самим себе. Кардинал Тансен, которого Флери готовил себе в преемники, не обладав авторитетом своего патрона и быстро отказался от властных амбиций. Иностранные дела остались в ведении Амело, но в его решения постоянно вмешивались Тансен, Ноайль и Морепа (Maurepas). Эти министры придерживались настолько разных позиций, что их заседания часто превращались в оживлённые перепалки. Как шутили версальские насмешники, иногда они были такими шумными, что в это время можно было не услышать грома Господня. Король Фридрих также не упустил возможности съязвить по этому поводу. Однажды, когда во время одного оперного спектакля занавес не до конца опустился и остались видны ноги танцующих актёров, король Фридрих рассмеялся и сказал Валори, что это напоминает ему французское министерство – хаотическое движение ногами без головы.

Подобно настроениям в обществе, французское министерство было разделено на два лагеря. Одну партию, которую условно можно назвать «умеренной», представляли государственные секретари по морским (Морепа) и иностранным (Амело) делам, придерживавшиеся осторожной и взвешенной континентальной политики в духе покойного кардинала. Сторонники этой партии видели главную задачу французской политики в сосредоточении основных усилий на борьбе с главным врагом Великобританией. В пользу этого они готовы были отказаться от агрессивных действий в Германии и пойти на примирение с Австрией. Эта стратегия одновременно требовала тесного сближения с Испанией, флот которой позволял Версалию достичь паритета с Лондоном на море, а испанские колониальные владения были богатым рынком сбыта, где французские торговцы готовились потеснить своих английских конкурентов. Однако испанский союз, в свою очередь, также налагал обязательства помощи Мадриду в его внешнеполитических планах, которые были составлены Елизаветой Фарнезе и направлены на экспансию в Италию. Другая придворная партия, сторонники традиционной антигабсбургской политики⁵⁸, павшие было духом после поражений в Богемии, после смерти кардинала вновь подняли голову. В близком окружении короля эту партию представляли герцог Ришелье и фаворитка короля герцогиня Шатору (Châteaugoux), полная желаний стать при Людовике XV новой Дианой де Пуатье. Герцогиня приходилась племянницей Ришелье и крестницей Ноайля, которые привели её ко двору и представили Его Величеству. Опальный герцог Бель-Иль, пребывавший после своего бесславного возвращения из Богемии в Меце, также поддер-

---

⁵⁸ Сторонники этой «партии войны», к числу которых принадлежал и будущий секретарь по иностранным делам маркиз д'Аржансон, были тесно связаны с опальным министром Шовеленом, в годы войны за Польский трон выступавшего против предложенных Флери умеренных условий мира с Австрией и за продолжение войны. Таким образом, противостояние этих партий при французском дворе является своеобразным продолжением конфликта покойного кардинала и опального министра.

живал тесные связи с этой придворной партией. Борьба между этими придворными группировками обострилась после поражения при Дёттингене и известия о заключении Вормского договора и перехода короля Сардинии во вражеский лагерь, что делало положение Франции чрезвычайно опасным.

В последние годы кардиналу Флери становилось всё тяжелее сдерживать агрессивный напор сторонников войны в Германии, которые видели в кардинале препятствие для исполнения своих планов и добивались его отстранения от дел. Эта работа не прекращалась ни днём, когда короля Людовика убеждал в этом герцог Ришелье, ни ночью, когда прежняя фаворитка короля графиня де Майли уговаривала отправить в отставку этого немощного старика. Понимая, что над ним готова разразиться буря, кардинал добился согласия короля ввести в министерство две новые фигуры, которые должны были помочь ему отразить нападки противников. Граф Аржансон (не путать с маркизом Аржансоном, его старшим братом, который позже стал государственным секретарём по иностранным делам) был назначен военным министром, а кардинал Тансен был сделан министром без портфеля. Однако влияние сторонников эскалации конфликта было сильно не столько в кабинете министров, сколько в близком окружении короля Людовика и в этой борьбе партия войны одержала полную победу. Настояния Ришелье и сила обаяния герцогини Шатору увлекли молодого Людовика XV, наполнили его энергией и решимостью и внушили ему воинственное настроение. Были отданы распоряжения о проведении широких мобилизационных мероприятий, армия и флот получили приказ к активным действиям, а король даже пожелал лично возглавить армию, что должно было вселить уверенность в войска, боевой дух которых сильно упал после последних неудачных кампаний.

После подписания Второго Семейного пакта французский корпус под командованием герцога Конти присоединился к испанским войскам для вторжения в сардинскую Савойю и через Генуэзскую Ривьеру. Это создало новый фронт в Северной Италии, что отвлекло часть войск австро-сардинского союза. Положение войск антибурбонской коалиции ещё более осложнилось, когда Его Неаполитанское Величество разорвал нейтралитет и вновь вступил в войну, после чего граф Гаж перешёл в контрнаступление и вынудил Лобковица отступить за реку По. Также были активизированы действия на море, где франко-испанской эскадре, долгое время стоявшей на якоре под прикрытием пушек Тулона, было приказано прорвать блокаду. Адмирал Мэтьюз атаковал их, но неудачно и был вынужден отступить в Порт-Маон на Менорке, где несколько недель оставался в бездействии, занимаясь починкой пострадавших в сражении кораблей⁵⁹. Активные приготовления вела в это время Франция и в непосредственной близости от английских берегов. Из Бреста к Гравелину и Дюнкерку подошла сильная французская эскадра, которая должна была прикрывать высадку первой партии десанта в 9 000 из 50 000 человек, которые были предназначены для высадки на английском побережье. Вторжение на остров должен был возглавить назначенный капитан-генералом Мориц граф Саксонский, будущий победитель при Фонтенуа, Року и Лауфельде. Эскадра насчитывала 29 линейных кораблей, тогда как у адмирала Норриса в Па-де-Кале было 25 линейных кораблей, из которых из-за нехватки команд в море мог выйти лишь 21 корабль. На помощь Англии пришёл сильный северо-восточный ветер, который разметал французскую эскадру, вынудив десант сойти на берег, а корабли вернуться в надёжный Брест. Эта неудача вызвала немало насмешек по другую сторону Канала, а английский посланник в России и будущий фельдмаршал лорд Тироли (Turgot) поздравил лорда Картерета с бесславным концом «смешной дюнкирхенской Дон-Кихотады».

⁵⁹ Из-за чрезмерной осторожности французского адмирала де Кура (de Cour) франко-испанский флот не смог воспользоваться достигнутым преимуществом, что дало повод испанцам и французам распространяться во взаимных обвинениях. Обсуждая битву при Тулоне, голландец граф Бентинк сказал графу Подевильсу-младшему, что испанцы снискали в этом бою славу, англичане – выгоду, а французы – позор.

Непосредственная угроза для Англии миновала, но исчезло и чувство неуязвимости. На Средиземном море было потеряно всё, чего удалось достичь за последние два года. Из-за угрозы вторжения Адмиралтейство не могло перевести туда ни единого корабля. Да и в самой Англии дела обстояли не лучше. Лучшие войска находились во Фландрии и в колониях и, хотя торговые круги приморских городов обязались выставить 14 кораблей, этого было недостаточно. Срочно изыскивались дополнительные средства – в эти тяжёлые для Англии дни торговцы Сити дали правительству заём в 3 миллиона фунтов, а Парламент одобрил новые гигантские суммы на содержание 40 000 матросов, 11 500 морской пехоты, 16 000 ганноверцев и 19 000 солдат для службы на острове⁶⁰. Однако, в действительности, имелось едва ли половина от этого числа. Несколько позже, после объявления войны со стороны Франции, король Георг даже запросил помощь Пруссии на основании Вестминстерского оборонительного договора. Прусский король ответил на это, что согласен не только отправить установленное в договоре количество войск, но и лично во главе 30 000 солдат прийти на помощь, однако только если будет атакована Англия, а пока английские войска, находясь на чужой территории, сами выступают в роли агрессора. Это была явная бравада, и английское министерство отклонило такое чрезмерное предложение⁶¹. Также была затребована помощь у Республики Соединённых Провинций, которая по условиям оборонительного договора должна была состоять из 6 000 солдат и 20 кораблей. Однако, несмотря на одобрение этой помощи, адмиралтейства Амстердама и Роттердама были готовы поставить лишь 4 корабля и только через шесть недель. Молодой граф Подевилльс писал, что морские силы в Голландии никогда ещё не были в таком жалком состоянии, как в этот период. Принимая это во внимание, неудивительно, что под впечатлением французских военных усилий партия мира в Голландии вновь приобрела в весе. Отъезд французского посланника Фенелона в декабре 1743 года был воспринят как признак готовящегося вторжения, а уже известный нам граф Фогель в сердцах сказал молодому Подевилльсу: «Почему нам не предлагают мирного плана..? Поверьте мне, мы от всего сердца желаем мира».

Помимо непосредственной военной угрозы Франция в начале 1744 года бросила вызов самой системе английского государства, её религиозным устоям и Ганноверской династии, предложив сыну Претендента Карлу-Эдуарду Стюарту возглавить экспедицию на остров, целью которой было свержение Георга II и восстановление на английском престоле династии Стюартов. Согласно плану, разработанному кардиналом Тансеном, Молодой Претендент был призван стать знаменем, под которым должны были собраться не только сторонники Стюартов, но и все недовольные английским правительством. Из Рима, где он жил в довольно скромных условиях вместе с отцом и небольшим числом верных друзей, Карл Стюарт через Париж прибыл в Дюнкерк, но, так как буря не позволила осуществиться десанту французских войск, смелое предприятие было отложено. Появление Стюарта во Франции вызвало протест английского поверенного в делах, который на основании Утрехтского договора потребовал изгнания Молодого Претендента из королевства. Ответ Амело гласил, что Англия уже два года нарушает соглашения с Францией, и французский король считает себя вправе делать всё, что сочетается с честью и интересами Франции, не отдавая при этом отчёт сент-джеймскому двору. Логичным

⁶⁰ В декабре 1743 года Парламент одобрил для этих целей сумму в 10 млн. фунтов стерлингов.

⁶¹ После опубликования 9 апреля 1744 года ответного манифеста на объявление войны со стороны Франции, английский посол в Берлине лорд Гиндфорд получил приказ затребовать от берлинского двора обещанную по договору помощь в числе 8 000 пехотинцев и 2 000 кавалеристов. Получив ответ короля Фридриха, что он не считает угрозу Ганноверу *casus foederis*, так как ганноверские земли короля Англии не включены в договор, а английские войска сами находятся на чужой территории, лорд Гиндфорд 17 мая повторил запрос, прибавив, что если в договоре не указаны отдельно земли короля, нельзя считать их исключёнными. Такая настойчивость рассердила прусского короля, и он составил английскому послу резкий ответ, который, впрочем, не был вручён. Позже, 23 июня, король Фридрих в более мягких выражениях разъяснил, что если при угрозе своим владениям Его Английское Величество имеет возможность использовать войска для прочих надобностей, то, следовательно, эти угрозы не столь велики, чтобы требовать у союзников помощи в их отражении. Прусский король здесь имел в виду нахождение английских и ганноверских войск в составе Прагматической армии в Германии.

продолжением этой политики стало объявление королём Людовиком войны Англии 15 марта 1744 года, что покончило со странным положением вещей, когда Франция и Англия, солдаты и матросы которых сражались на суше и на море, официально продолжали оставаться в мире. Теперь положение разом изменилось. Ранее противники Франции думали, что она совершенно истощена и не сможет долго продолжать борьбу. Лорд Картерет в Ганау и сэр Робинсон в Вене в один голос утверждали, что мир с Францией или Испанией возможен в любой момент, но нужно добиться полного унижения версальского двора. Теперь Франция неожиданно вновь показала решимость сражаться, однако исход этого сражения казался всё ещё в высшей степени сомнительным.

Тем не менее, прибытие графа Ротенбурга в Париж не вызвало сенсации. Граф нашёл французский двор полностью поглощённым подготовкой к новой кампании, так что в отношении решимости Франции к борьбе надежды его государя были полностью исполнены. Но решимость эта была направлена в первую очередь против Лондона, тогда как основной целью прусского короля было сдерживание Австрии, с которой Франция пока формально находилась в мире. Граф Ротенбург обратился к герцогу Ришелье и нашёл в его лице деятельного помощника. Герцог, находясь в доверительных отношениях с герцогиней Шатору и пользуясь благосклонностью Людовика XV, сообщил им о приезде графа Ротенбурга с предложениями от прусского короля, который, однако, хотел вести переговоры непосредственно между венценосными особами, без привлечения министров. Король Людовик согласился отстранить Амело от участия в переговорах, назначив в помощь Ришелье герцога Ноайля и кардинала Тансена. Переговоры пошли неожиданно быстро. 16 марта Ротенбург написал королю Фридриху: «Мне кажется, настало время заключить договор с Францией; король, по-видимому, действительно решил забыть всё то, что произошло. Он распорядился передать императору, что даёт королевское слово не складывать оружие, пока он не даст тому удовлетворения». Вскоре от короля Людовика последовал новый знак благоволения – Ротенбург получил аудиенцию у герцогини Шатору, где его ждала встреча с Его Величеством. Вероятно, эта милость побудила графа нарушить инструкции своего короля и первому озвучить его предложения и условия, на которых король Фридрих готов был заключить новый договор с Францией. 11 марта Ротенбург изложил французской стороне шесть пунктов короля и получил на них положительный ответ. Возражения касались лишь отправки армии в Германию, что в Версале готовы были сделать только после того, как наступление прусской армии в Богемии заставит австрийцев Карла Лотарингского оставить в покое границы Франции и вернуться на защиту коронных земель.

30 марта король Фридрих направил Ротенбургу депешу, в которой, будучи очень доволен приёмом, оказанным графу в Версале, тем не менее, отчитал графа за то, что он, ослеплённый блеском Версаля, нарушил данные ему инструкции. Король напомнил, что договоры заключаются не ради удовольствий и что граф не должен был говорить первым, но дать сначала сказать другим, чтобы находиться в выигрышном положении того, с кем хотят заключить союз, не показывая, что он сам к этому стремится. Посчитав, что почва для переговоров достаточно хорошо подготовлена, прусский король также уточнил и расширил свои условия вступления в войну. Главным и непреложным условием выступления Пруссии оставались гарантии дружественной или, по крайней мере, нейтральной позиции России и Швеции, в чём Франция должна была оказать содействие через своих посланников в Петербурге и Стокгольме. Также подтверждалось условие передачи Пруссии северных округов Богемии, тогда как оставшаяся часть Богемии с Прагой должна была отойти императору. На этих условиях король Фридрих был готов атаковать Богемию и Моравию, но не ранее месяца августа, объясняя это необходимостью закончить военные приготовления.

Однако Франция должна была уже весной 1744 года начать активные действия на всех трёх театрах, в Германии, во Фландрии и в Италии, а также официально объявить войну Австрии. Этим прусский король хотел оградить себя от возможного обмана – при всех внеш-

них знаках взаимного расположения, произошедшее в Бреслау забыто не было, и между обоими дворами продолжало сохраняться взаимное недоверие. После отхода армии Карла Лотарингского имперская армия должна была освободить Баварию. По мнению короля, совместное наступление прусской, имперской и французских армий в Германии, Фландрии и Италии лишит Австрию возможностей для продолжения войны и вынудит Вену к заключению мира. Король Фридрих готов был твёрдо придерживаться этих условий, даже если из-за этого пришлось бы отложить выступление. Особенно короля беспокоила позиция России – краеугольный камень разработанного им плана. Как он писал в «Размышлениях» 30 марта 1744 года: «Чтобы исполнить мой проект против королевы Венгрии, первым делом нужно тесно привязать к себе Россию и вовлечь её в предложенный мною план». И ниже: «Ротенбург говорит, что сейчас или никогда время объединиться с Францией; он совсем не замечает, что эта война ещё очень далека от своего завершения; что для низвержения Королевы Франция всегда будет нуждаться во мне, и что, если мои дела не устроятся таким образом, чтобы нанести удар в этом году, следующий будет не менее благоприятным». Всё зависело от вестей из Петербурга, но король рассчитывал, что ему удастся заключить союз с Россией до завершения переговоров с Францией.

Тем временем, переговоры во Франции, столь активно вопреки воле своего государя начатые Ротенбургом, продолжались. Граф почти каждый день бывал у герцогини Шатору, где он беседовал с королём Людовиком об организации прусской армии, рассказывал о победах своего государя. Король восхищался прусской дисциплиной и сетовал, что во французской армии таковой уже нет. Пример прусского короля настолько вдохновил короля французского, что Его Христианнейшее Величество решил лично возглавить поход во Фландрию и командовать войсками на поле битвы. Однако маршал Ноайль вспомнил более безопасный пример, когда король Людовик XIV командовал осадой Маастрихта. Осады редко заканчиваются капитуляцией или бегством осаждающих войск, и вместо славы Александра Великого королю Людовику пришлось пока довольствоваться лаврами Деметрия Полиоркета. Что касается практической стороны дела, то французская сторона хотела получить Ипр, срыть укрепления Люксембурга и передать Парму и Пьяченцу Дону Филиппу. Кроме того, во Франкфурте император Карл и Шавиньи согласились лишь на уступку Кёниггрецкого округа в Богемии. Но дальнейшие требования прусского короля о передаче Пардубиц (Pardubitz), равно как и городов Колин (Kolín или Neu-Köln), Часлав (Czaslau), Куттенберг (Kuttenberg), Хрудим (Chrudim) и Гогенмаут (Hohenmauth) казались им чрезмерными. Король Фридрих был готов удовлетвориться линией Эльбы с Пардубиц, но без гарантий со стороны России, он не хотел подписывать ни единого документа, даже если бы ему предложили всю Богемию.

Хотя во Франкфурте император и проявлял некоторое упорство, во Франции, напротив, переговоры шли необычайно быстро и легко. 26 апреля 1744 года король Людовик объявил войну Австрии, разрушив, тем самым, последнюю надежду партии умеренных на сепаратный мир с Марией-Терезией, а несколько дней спустя Амело потерял уже давно шатающееся под ним кресло государственного секретаря⁶². Отставка Амело, павшего жертвой восстановления дружбы между берлинским и версальским дворами, сильно уменьшила влияние в совете графа Морепа, который уже не мог помешать воинственным намерениям своего государя. 3 мая французский король выехал к войскам, чтобы, по примеру своего прадеда, возглавить поход во Фландрию. 23 апреля вернувшийся в Гаагу маркиз Фенелон объявил Генеральным Штатам,

---

⁶² После отставки Амело кресло государственного секретаря иностранных дел осталось вакантным, так как король Людовик, проявлявший последнее время необычайную активность, решил сам заниматься иностранными делами. Министр раздражал своего короля и герцогиню Шатору тяжёлыми и медлительными речами, а также частыми обвинениями в адрес прусского короля. Надо сказать, что король Фридрих платил Амело той же монетой, среди прочего, остро высмеивая его заикание. По мнению прусского короля, пока Амело сохранял место в королевском совете, Франция не могла быть надёжным союзником, что ставило под угрозу всю его систему.

что его государь намерен начать военные действия в Австрийских Нидерландах⁶³. Версаль преобразился, и там, где раньше царили уныние и разочарование, ныне поселились решимость и сила. Серьёзность намерений Франции не вызвала сомнений и здесь всё шло согласно желаниям прусского короля.

Если успех, достигнутый во Франции, даже превосходил надежды короля, то в отношении позиции России продолжала сохраняться неопределённость. К концу апреля 1744 года, то есть, к завершению переговоров о союзе с Францией, договор о Тройственном союзе России, Пруссии и Швеции был также далёк от осуществления, как и несколько месяцев назад. Братья Бестужевы, отстранение которых от власти прусский король считал *conditio sine qua non* для поддержания добрых отношений с Россией, продолжали блокировать все усилия барона Мардефельда. 7 мая 1744 года король Фридрих написал Мардефельду, что, хотя императрица Елизавета не намерена чинить препятствий задуманному им большому предприятию, вице-канцлер Бестужев всегда сможет найти способ обмануть её, и пока он у власти, на Россию нельзя твёрдо рассчитывать.

Наступление тёплого сезона и приближение начала кампании оставляли прусскому королю всё меньше времени для раздумий. Необходимо было принимать решение. В этой ситуации король Фридрих решил заключить союз с Францией, не дожидаясь договора с Россией и Швецией, в надежде, что до назначенного срока выступления прусской армии удастся обеспечить, по меньшей мере, невмешательство петербургского двора. Условия договора с Францией были оговорены ещё до отъезда короля Людовика к армии. 12 мая прусский король написал письма Его Христианнейшему Величеству, герцогине Шатору и герцогу Ноайлю, который в то время фактически руководил военными и иностранными делами. В них король заверил короля Людовика и герцогиню в своей искренней дружбе и уважении, а также похвалил замысел Ноайля в сражении при Дёттингене, выразив одновременно сожаление в неудачном его исполнении. Со своей стороны, король Людовик в беседе с Ротенбургом сказал, что может понять мотивы, побудившие прусского короля заключить сепаратный мир в Бреслау, так как кардинал Флери за его спиной действительно готовил соглашение с Австрией. Но теперь, когда договор заключается непосредственно королями, никто во всём мире не сможет их поссорить и он видит в короле Пруссии доброго и верного друга. Обычные в таких случаях реверансы вежливости были сделаны и стороны могли приступить к составлению статей договора.

Граф Ротенбург и герцог Ноайль составили две мемории, одна из которых касалась военной стороны дела и содержала план кампании, а в другой стороны договаривались о совместных дипломатических шагах. Теперь, после того, как твёрдая решимость пришла на место чрезмерной осторожности, военные планы французского руководства поражали своим размахом и широтой поставленных целей. Ещё ранее, 27 марта 1744 года, фельдмаршал Секендорф предложил смелый план по наступлению 70-тысячной французской армии в Германии, целью которого был главный опорный пункт австрийских войск в Передней Австрии крепость Фрайбург. Падение Фрайбурга вынуждало австрийское руководство к возвращению операционной базы к своим границам, что обезопасило бы Францию от угрозы с востока. Но после объявления войны Англии главное внимание было перенесено от Рейна к Ла-Маншу и от проекта Секендорфа вынуждены были отказаться. Теперь, по настоянию Тансена и Морепа, в Версале намеревались нанести основной удар во Фландрии. План кампании предусматривал развёртывание главных французских сил, численностью 125 000 человек, против Нидерландов, тогда как в Италии принц Конти с 40 000 человек уже стоял у Ниццы, а в Эльзасе-Лотарингии должны были действовать маршалы Куаньи и Бель-Иль с 70 000 человек. Кроме того, в Германии

---

⁶³ Чтобы успокоить голландское общественное мнение, французский посланник также объявил, что король Людовик намерен завладеть крепостями «барьера» лишь на время, для размещения там депо и магазинов, и после завершения войны вернёт их обратно.

французское командование могло рассчитывать на имперскую армию, числом 15–18 000 человек, стоявшей у Филиппсбурга. Считалось, что войск Куаньи, Бель-Иля и Секендорфа будет достаточно, чтобы сдерживать войска Прагматической армии и Карла Лотарингского. Прусская армия, численностью около 80 000 человек, в августе должна была вторгнуться в Богемию и Моравию, вынуждая австрийские войска Карла Лотарингского вернуться от Рейна на их защиту. Тогда имперская армия, преследуя австрийцев вдоль Дуная, должна была занять важную крепость Ингольштадт и освободить Баварию. Вторая мемория предусматривала заключение трёх договоров. Договор между императором, Пруссией, Пфальцем и Гессен-Касселем имел целью поддержать императора Карла VII и заставить Вену признать его легитимным правителем. Отдельный договор должен был быть подписан между императором и королём Фридрихом, по которому Пруссии отходили северные округа Богемии. И, наконец, между Пруссией и Францией должен был быть заключён наступательный союз. После отъезда короля Людовика и Ноайля к армии, с французской стороны эту работу продолжили кардинал Тансен и генеральный контролёр финансов Орри, который, из страха разделить судьбу Амело, принял сторону союза с Пруссией.

Король Фридрих согласился с обеими частями плана – военной и дипломатической. 13 мая в письме Ротенбургу он, выразив удовлетворение отставкой Амело, изложил свой план кампании против Австрии, начало которой должно было многих удивить. Если австрийская сторона и ожидала нападения, то она ожидала его из Силезии, так как это была единственная прусская провинция, имевшая общую границу с австрийскими землями. Но король Фридрих задумал нанести удар с другой стороны. Воспользовавшись положением вспомогательных войск Карла VII, дающих ему право прохода по всей территории империи, он решил 80-тысячной армией пройти через территорию Саксонии, войска которой не успели бы подготовиться к обороне, и вторгнуться в Богемию с неожиданного для противника направления. Для действий на силезском направлении был выделен лишь относительно небольшой корпус генерала Марвица (Marwitz). Король рассчитывал 1 сентября стоять перед стенами Праги, быстро взять город и затем продолжить наступление на Будвайз и Табор, тогда как Марвиц должен был вторгнуться из Силезии в Моравию и захватить Ольмюц, чтобы защитить новую провинцию короля от возможных атак со стороны Венгрии. При приближении армии Карла Лотарингского прусский король намеревался атаковать его, разбить и вынудить отступить в Верхнюю и Нижнюю Австрию, а самому расположиться на зимних квартирах вдоль их границ. С этих позиций король планировал начать наступление на Вену весной следующего года. Согласно данному плану, кампания 1745 года должна была венчать победоносную войну.

В письме Ротенбургу король Фридрих также выразил некоторые свои пожелания относительно дипломатических мер, которые должна была предпринять Франция. В первую очередь ему казалось важным заручиться союзом с Сардинией, которую необходимо было привлечь на свою сторону, предложив больше, чем ей было предложено по условиям Вормского договора. Без этого, по мнению прусского короля, продвижение галлиспанцев в Италии столкнётся с бесконечными сложностями, а союз с Испанией станет слишком обременительным для всех его участников. Также король Фридрих советовал привлечь к союзу Саксонию, для чего курфюрсту Августу необходимо было предложить упомянутые ранее территории в Богемии. Кроме того, он считал необходимым использовать влияние французского посланника при петербургском дворе маркиза Шетарди на императрицу Елизавету, чтобы она вынудила курфюрста саксонского и короля польского Августа принять это предложение. На сговорчивость дрезденского двора также должно было повлиять присутствие в Саксонии прусских войск, во время их движения к богемской границе. Вместе с тем, король Фридрих не скрывал от графа Ротенбурга и своих опасений, предполагая, что после выступления Пруссии венский двор сделает в Версале заманчивые предложения. Однако король рассчитывал на верность Его Христианнейшего

Величества союзническим обязательствам, а также на старое стремление Франции добиться ослабления Австрийского дома.

Тем временем, переговоры во Франкфурте о заключении союза германских князей были близки к завершению. Сопrotивление императора Карла VII, упорно не желавшего передавать прусскому королю округа Колин и Пардубиц, было успешно преодолено. Ландграф Гессен-Кассельский также поставил условием своего присоединения к договору предоставление ему значительных территориальных уступок после реорганизации Империи (епископство Падерборн и даже некоторые имперские города, включая Франкфурт) и курфюршеского звания – этой извечной мечты Брабантского дома⁶⁴. Однако королю Фридриху в личном письме удалось убедить принца Вильгельма Гессен-Кассельского отказаться пока от этих требований. 22 мая 1744 года договор между императором, королём прусским, курфюрстом пфальцским и королём шведским, как ландграфом гессен-кассельским, получивший название Франкфуртской унии, был подписан. Заявленной целью Унии являлось поддержание конституции Империи, восстановление и сохранение в ней мира и спокойствия, а также признание императора Карла VII со стороны венского двора и возвращение ему исконных владений. Споры вокруг австрийского наследства члены Унии договаривались решить путём переговоров при посредничестве имперских сословий и князей, но, в любом случае, после установления всеобщего перемирия. В сепаратной статье Франция, как гарант Вестфальского мира, приглашалась присоединиться к Унии, что и сделал именем своего короля Шавиньи. В тот же день король Фридрих ратифицировал договор.

24 июля 1744 года был подписан отдельный договор между императором Карлом и королём Фридрихом, в котором прусский король обязывался завоевать для Его Императорского Величества Богемию, за что Карл VII даровал в вечное владение ему и его наследникам округ Кёниггреца (Königgrätz) и расположенные к северу от Эльбы части округов Бунцлау (Bunzlau, совр. Болеславец), Лейтмерица (Leitmeritz, совр. Литомержице), а также владение Пардубиц с городом Колин. Император Карл гарантировал королю Фридриху всю Верхнюю Силезию и прежние завоевания, а прусский король взамен гарантировал императору Верхнюю Австрию. Франция также приглашалась к участию и присоединилась к договору в день его подписания. Однако, по требованию прусского короля, не желавшего раскрывать своих намерений до завершения военных приготовлений и выяснения позиции России, эти соглашения должны были держаться в тайне, а ратификация Унии, как и приглашение присоединиться к ней Саксонии и курфюршества Кёльн, были отложены на шесть недель. Необходимо отметить, что, несмотря на все усилия, число участников Унии со временем не увеличилось. Большинство князей Империи и имперские округа предпочли сохранить нейтралитет, не желая испортить отношения с Австрией и Англией. Также важно отметить, что в договоре об Унии содержалась статья о взаимной гарантии владений участников соглашения, включая Силезию и Глац, но политический вес стран-участников был слишком небольшим, чтобы успокоить прусского короля касательно надёжности своих недавних приобретений.

Сама по себе Франкфуртская Уния была почти безобидным союзом, но вскоре он был подкреплён более весомыми договорённостями. 5 июня 1744 года в Версале кардиналом Тансенем и генеральным контролёром финансов Орри от имени Его Христианнейшего Величества и графом Ротенбургом со стороны короля Пруссии был подписан франко-пруссский договор. Согласно его статьям, король Фридрих обязывался произвести диверсию в Богемии, чтобы отвлечь австрийскую армию Карла Лотарингского от Эльзаса, а французские и имперские войска должны были его преследовать и освободить Баварию. Также французская армия должна была двинуться в Вестфалию для угрозы Ганноверу. По итогам войны Пруссия должна была

---

⁶⁴ По злой иронии, этой мечте суждено было осуществиться лишь в 1803 году, когда данный титул утратил своё практическое значение

получить земли в Богемии, указанные в договоре с императором от 24 июля, а Франция – ряд территорий в Австрийских Нидерландах с крепостями Ипр, Турне и Фурне. Договор содержал категорическое условие короля Фридриха о сохранении тайны и о том, что достигнутые договорённости имеют силу лишь при заключении договора с Россией и Швецией⁶⁵.

Это были, так сказать, максимальные условия, на достижение которых, вероятно, не рассчитывали ни в Версале, ни в Берлине. Ситуативный союз французского и прусского дворов основывался на одной общей цели – освобождение Баварии и недопущение гегемонии Габсбургов в Германии, что было одинаково опасно как для Пруссии, так и для Франции. Иными словами, целью возвращения Пруссии в войну было восстановление равновесия сил в Германии. Территориальные приобретения в Нидерландах и Богемии были, без сомнения, желательным сопровождением данной цели, но в политических расчётах они играли подчинённую роль. Несмотря на то, что король Фридрих считал, что территориальные приобретения в Силезии и к северу от Эльбы не могут быть достаточно защищены, пока сама Богемия остаётся под властью Габсбургов, отторжение этого королевства, равно как и важных крепостей в Нидерландах было возможно только лишь при очень благоприятном развитии военных операций.

Но даже при этом другие участники европейского концерта держав, прежде всего, Англия, приложили бы все усилия, чтобы этого не допустить. План раздела австрийских владений, который потерпел фиаско в гораздо более благоприятных политических условиях трёхлетней давности, теперь, когда на стороне Вены открыто выступили морские державы и Сардиния, был заключен договор с Саксонией, а Россия пребывала в неопределённости, казался совершенно невыполнимым. Кроме того, в Берлине и Версале, в первую очередь из финансовых соображений, не рассчитывали на продолжительный конфликт и планировали закончить войну за две военных кампании. А заключение быстрого мира было возможно лишь при возвращении к умеренным условиям, выдвинутым когда-то кардиналом Флери – признание Веной императора Карла VII с возвращением ему утерянных родовых владений. Как писал король Фридрих: «Главной моей целью во всём, что я предпринимаю, является ослабление Австрии и поддержка и возвышение императора; если бы не эти два пункта, то я охотно бы отказался от всех территориальных требований и предпочёл остаться в стороне». Таков был конец переговоров, которые, по выражению маркиза Аржансона, велись с прусской стороны с большой ловкостью, а с французской – с большой глупостью, так как интриги придворных партий поставили Францию перед угрозой войны на два фронта – во Фландрии и в Германии.

Выражаясь языком поэтов, франко-прусский договор был подписан под аккомпанемент осадных орудий армии Его Христианнейшего Величества, которая в это время открыла кампанию во Фландрии. Эта кампания была ознаменована первыми победами французского оружия и взятием ряда «барьерных крепостей» – Менина (4 июня), Ипра (22 июня), форта Кнокке (29 июня) и Диксмейде ((Diksmuide) 30 июня). В то же время герцог д'Аркур (Narcourt) от Мааса угрожал Монсу и Шарлеруа (Charleroi). Присутствие в армии Людовика XV вновь придало уверенности французским солдатам и офицерам, ожидавшим теперь, что их король будет воевать также энергично, как и охотиться. С приездом короля, французская армия вновь обрела единеначалие, были устранены разногласия и интриги между маршалами, оказавшие губительное воздействие на военные операции 1741-43 годов⁶⁶. Во Фландрии, где предполагалось нанести

⁶⁵ Король Фридрих в те дни говорил, что если бы узнал, что рубашка или даже кожа его проникли в эту тайну, он, не раздумывая, сорвал бы их со своего тела. Договор держался в тайне даже от императора Карла VII. Слухи о нём распространились сразу после его заключения, но подтверждения им не нашлось. После заключения Дрезденского мира договор, который не был даже опубликован, потерял свою силу и о нём забыли на многие годы

⁶⁶ На это время приходится взлёт военной карьеры графа Морица Саксонского, состоявшего на французской службе с 1720 года и имевшего чин генерал-лейтенанта. Из-за его религиозных убеждений (лютеранин), монарших амбиций (герцогство Курляндия) и неоднократных угроз покинуть службу короля Людовика, французское высшее военное руководство с недоверием относилось к этому германскому принцу. Сам король считал его ненадёжным, подобно его кровному брату королю Августу. Но герцогу Ноайлю, прежде других сумевшего распознать военные таланты графа, удалось, наконец, преодолеть

главный удар, были собраны лучшие французские войска, но это делалось за счёт других театров военных действий и позже привело к плачевным последствиям. Объявив войну и атаковав «барьерные крепости», Франция вступила в полномасштабный конфликт с морскими державами и Австрией, что успокоило прусского короля, опасавшегося быть обманутым после своего возвращения в войну.

Примечательной особенностью франко-прусского договора стала дата его заключения. Ровно в тот же день двумя годами ранее был заключен прежний договор между двумя государствами, который утратил силу после выхода Пруссии из войны сепаратным миром летом 1742 года. Но на этом удивительные совпадения не заканчиваются. Как весной-летом 1741 года король Фридрих нуждался в мощном союзнике, который отвлек бы от него часть австрийских сил, так теперь Франции, была необходима помощь прусского короля, войска которого могли нанести неожиданный удар по незащищённым австрийским владениям и вынудить принца Карла Лотарингского спешно вернуться для обороны коронных земель. Как ранее в Потсдаме ждали месяца августа, на который было назначено выступление армии маршала Бель-Иля, так и теперь в Версале ждали наступления того же месяца, который король Фридрих определил для начала боевых действий прусской армии.

После того, как политическое решение было принято и нашло своё оформление в официальном договоре, вступление Пруссии в войну стало неизбежно и оставалось лишь вопросом времени. Для обсуждения детального плана кампании и координации военных усилий в курортный Пирмонт (Rugmont), где в это время находился король Фридрих, прибыл бывший маршал-де-ложи армии Богемии граф де Мортань (Mortaigne). Теперь, в чине имперского фельдмаршал-лейтенанта, он находился при армии Карла VII. Ещё со времён боевых действий в Богемии король знал Мортаня, как друга маршала Бель-Иля и сторонника активных действий против Австрии. 8 июня король и граф Мортань встретились в парке, где граф передал Его Величеству письмо от императора и замечания герцога Ноайля к плану кампании. Замечания эти касались, прежде всего, реакции союзников на возможные действия армии Карла Лотарингского. Герцог оговаривал, что если принц Карл останется с армией стоять у Гейльбронна (Heilbronn), с французских войск снимается обязательство по немедленному наступлению, так как переправа через Рейн на виду у австрийской армии была бы слишком рискованной. В этом случае герцог Ноайль предлагал сначала дождаться результатов прусской диверсии в Богемии, а когда принц Карл двинется против этого нового неприятеля, переправиться через Рейн и его преследовать. Имперская армия должна быть пополнена до 28–30 000 человек и готова к выступлению к 15 июля. Карл VII хотел, чтобы прусская армия начала наступление к этому же сроку. Также французская сторона была категорична в вопросе атаки Ганновера, на которую, при таком широком размахе, не хватило бы ни сил, ни средств и настаивала на том, чтобы Пруссия вступила в войну, по крайней мере, в июле 1744 года.

Эти предложения вызвали у короля Фридриха недовольство и подозрения. Они означали, что французская сторона намерена была сначала дождаться вступления Пруссии в войну и лишь затем действовать самой. Опасность заключалась в том, что если французы и имперцы не будут активно преследовать отступающую армию принца Карла, принц придёт в Богемию раньше, чем прусские войска смогут взять Прагу. Таким образом, король оказывался бы запертым перед лицом сильного противника на тесном пространстве между Эльбой и Силезией с ограниченными возможностями для снабжения своей армии. Он был бы поставлен перед выбором либо атаковать из невыгодной позиции австрийскую армию, имевшую опору в бастионах Праги, либо бесславно отступить в Силезию. И здесь также можно усмотреть удивительное

предубеждение короля и убедить его в верности и преданности графа Саксонского французской короне. Во время кампании 1744 года графу Морицу было доверено командование французской армией во Фландрии. Несмотря на отсутствие громких побед, эту кампанию называют одной из лучших кампаний графа Саксонского, а герцог Ноайль сравнивал её с кампаниями маршала Тюренна.

сходство с событиями двухлетней давности. Тогда король, призывая французскую армию в Богемию, пытался избавиться от фельдмаршала Нейпперга, а сейчас сам вынужден был исполнять отвлекающую роль. Но тогда поход на Прагу для французов и их союзников закончился удачным штурмом, и шедшая на сикурс австрийская армия вынуждена была смириться с этим результатом. Теперь же, когда от взятия Праги зависел исход всей кампании, союзники должны были удерживать Карла Лотарингского как можно дольше, чтобы тот не пришёл в Богемию прежде, чем падёт её столица.

Сомнения прусского короля подтвердил граф Мортань, когда, в сообщении маршалу Бель-Илю о результатах этой встречи, он, в частности, написал, что Его Прусское Величество опасается, что Франция бросит его «когда он поднимет щит». В результате обсуждения стороны сошлись на том, что французы ограничатся взятием Фрайбурга в Передней Австрии и останутся на Верхнем Дунае. Прусская армия после взятия Праги должна была продвинуться до Тора и Будвайза и на этих позициях ожидать подхода принца Карла Лотарингского, которого будут преследовать имперские войска фельдмаршала Секендорфа. Затем король Фридрих рассчитывал атаковать и разбить австрийцев в сражении и занять зимние квартиры в Богемии. Прусский король согласился с датой выступления 15 июля, с условием, что к этому сроку будет заключен договор с Россией и Швецией. По возвращении Мортаня, прусский посланник во Франкфурте Клинтгреффен сообщил королю, что Шавиньи остался доволен достигнутыми договорённостями, и теперь его тревожила лишь позиция русского двора.

Но в это время на Рейне произошли важные события, которые изменили планы прусского короля и заставили его нарушить поставленные им же условия и вступить в войну до завершения дипломатической подготовки. В конце июня 1744 года принц Карл Лотарингский открыл кампанию решительными действиями и, переправившись через Рейн у Майнца, угрожал вторжением в Эльзас и Лотарингию. Переправа произошла в зоне ответственности имперских частей, что впоследствии дало французской стороне повод обвинять фельдмаршала Секендорфа в предательстве. Французских войск оказалось недостаточно, чтобы помешать наступлению австрийцев, и теперь маршал Куаньи вместе с имперцами, в спешке отступал к Страсбургу, открыв для австрийских войск дорогу на Лотарингию.

Карл Лотарингский находился в зените славы. Даже король Фридрих сравнивал его с Юлием Цезарем и принцем Евгением Савойским, назвав операцию по форсированию Рейна образцом переправы через реку на виду у неприятеля⁶⁷. Маршал Куаньи не мог сопротивляться численному превосходству противника, и настоятельно нуждался в подкреплениях, которые могли быть взяты лишь из фландрской армии. Какая польза была от французских успехов в Нидерландах, если теперь придётся останавливать там операции и переводить большую часть войск в Лотарингию для отражения австрийского наступления? Кроме того, такая сложная передислокация могла занять 3–4 недели, а в это время принц Карл мог захватить Эльзас и сломить, тем самым, недавно проявившуюся в Версале волю к борьбе. В таких обстоятельствах можно было опасаться выхода Франции из войны на условиях обмена захваченных «барьерных крепостей» на Эльзас и признания Франца-Стефана римским королём, после чего венский двор получал бы свободу рук для возврата Силезии. К этому стоит прибавить, что франко-прусский договор ещё только ждал ратификации, а заключение Тройственного союза России, Швеции и Пруссии стало почти невозможным после высылки из России маркиза Шетарди⁶⁸ и

⁶⁷ В «Истории моего времени» и «Общих принципах ведения войны».

⁶⁸ Были перехвачены и, при помощи выданного камердинером Шетарди ключа, прочитаны письма французского посла, в которых маркиз, раздосадованный неудачами при русском дворе, позволил себе неосторожные выпады в сторону императрицы Елизаветы. 17 июня 1744 года ему был вручен приказ в течение 24 часов покинуть Россию. Высылка маркиза была организована с показательной оскорбительностью – он вынужден был вернуть полученные ранее от императрицы Елизаветы подарки вместе с орденом св. Андрея Первозванного, посажен под домашний арест, а до границы его сопровождал вооружённый конвой.

приезда в Петербург нового австрийского посланника графа Розенберга (Rosenberg), что служило верным знаком потепления в русско-австрийских отношениях после злополучного дела Ботта.

В данных условиях король Фридрих видел лишь один способ остановить принца Лотарингского и предотвратить выход Франции из войны. Получив 1 июля 1744 года известие о начале переправы австрийской армии через Рейн, король вынужден был принять неудобное и опасное для себя решение. И если прежде он скрывал свои намерения даже от близких министров и генералов, то теперь король пригласил к себе в Потсдам Подевилльса и сообщил тому о заключении договора с Францией и предстоящем вступлении в войну. Причины и основания своего решения король представил в документе, названном «Экспозе мотивов, которые вынудили Короля предоставить вспомогательные войска Императору» (*Exposé des motifs, qui ont obligé le Roi de donner des troupes auxiliaires à l'Empereur*). В этом документе он обвинял королеву Венгерскую в насилиях, чинимых австрийскими войсками в Империи, в пренебрежении её конституцией и обычаями и, наконец, в неуважении к самому Императорскому Величеству. Там говорилось, что король прибегает к силе с сожалением и только после того, как исчерпал все возможности для примирения, так как его предложения посреднических услуг были отвергнуты Англией. «Племя древних германцев, – значилось далее, – которые столько веков защищали свою родину и свои свободы против мощи древней Римской Империи, ещё существует, и оно и сегодня будет защищать их против всех тех, кто осмелится на них покуситься». Король завершал экспозе уверением, что действует не в своих интересах, но «поднял оружие только, чтобы вернуть свободу Империи, достоинство Императору и спокойствие Европе».

Подевилльс выразил несогласие со своим государем. Он по-прежнему не видел непосредственной угрозы от Австрии и Саксонии и считал, что от вступления в войну Пруссии в выигранше останется лишь Франция. Она будет вести войну, как ей удобно, брать крепости в Нидерландах, ограничиваясь в Германии лишь обороной и наблюдая за спектаклем, который будет разыгрываться в Богемии и который отвлечёт туда все австрийские силы от французских границ. В таком случае, по мнению Подевилльса, Пруссия возьмёт на себя всю тяжесть войны, вступив в которую, уже не сможет из неё выйти так же, как в прошлый раз, так как королю больше не предложат мира, подобному Бреславльскому. Граф Подевилльс соглашался, что в интересах Пруссии оказать поддержку императору Карлу VII, но считал противоестественным спасать утопающего, рискуя собственной жизнью. План Его Величества, продолжал Подевилльс, основывается на двух предпосылках – честность Франции и дружба или бездействие России, но если хотя бы одна из них не оправдается, война может стоить даже больше, чем потеря Силезии. И советовал, что «если у Вашего Величества нет сильного предубеждения против новой связи с Англией и Австрией, а отношения с Францией ещё не так близки, то, возможно, найдётся другой способ вызволить Кайзера из затруднений и вернуть ему его земли, а, быть может, ещё и больше». Свои сомнения граф Подевилльс подал королю в письменной форме, и они были опубликованы под названием «Ремарки доброго германского патриота на документ, озаглавленный «Экспозе мотивов, которые вынудили Короля предоставить вспомогательные войска Императору» (*Remarques d'un bon Patriote sur l'Écrit intitulé Exposé des motifs, qui ont obligé le Roi de donner des troupes auxiliaires à l'Empereur*). Такая форма общения министра со своим королём не должна удивлять читателя. В то время подобные памфлеты часто использовались в политической полемике. Как правило, они были анонимны, и могли принадлежать перу известных и влиятельных политиков. Но соображения министра уже не могли повлиять на решение короля, так как во время публикации этого документа в конце августа 1744 года прусские войска уже пришли в движение.

Генрих фон Подевильс, государственный и военный министр Пруссии (1695–1760).

Время покажет, насколько верны были предостережения опытного министра, но сейчас перед королём стояла одна задача – не допустить, чтобы военные неудачи на Рейне перечеркнули все дипломатические успехи последних месяцев. Необходимо было поддержать боевой дух в Версале, куда уже прибыл голландский уполномоченный граф Вассенар (Wassenar), который привёз одобренный Генеральными Штатами и Англией план по умиротворению враждующих сторон. По выражению прусского посланника в Вене графа Дона, это могло стать вторым изданием Утрехтского мира, и эти аналогии были вполне справедливы. После примирения Франции с морскими державами Австрия, оставшись в одиночестве и без субсидий, не смогла бы продолжать войну, и вынуждена была бы также заключить мир, рассчитывая при этом найти удовлетворение в другом месте. И место это было слишком хорошо известно прусскому королю, чтобы он мог спокойно наблюдать за происходящими событиями. Поэтому 12 июля,

уже зная о спешном отступлении Куаньи и Секендорфа, король Фридрих написал Его Христианнейшему Величеству эмоциональное письмо, в котором сообщал, что тяжёлое положение Франции заставило его принять решение и выступить на помощь своему союзнику, не дожидаясь гарантий со стороны России и Швеции. Датой выступления прусской армии король назвал 13 августа, а в конце этого месяца намеревался быть под Прагой. Письмо было исполнено выражениями дружбы и убеждениями в общности интересов, которые «как никогда тесно связаны и неразрывны». Далее король просил поставить во главе армии Баварии маршала Бель-Иля, с которым у Его Прусского Величества сложились хорошие отношения ещё со времён богемской кампании, и призвал к решительным действиям, «как действовали великий Конде, маршал Тюренн, маршал Люксембург и маршал Катина, ..., которые стяжали бессмертную славу французским войскам, а для себя известность на все времена».

В тот же день, 12 июля, в не менее страстном письме к маршалу Ноайлю король Фридрих настойчиво потребовал активного преследования армии принца Карла и занятия Баварии, равно как и вторжения в Ганновер, без чего, как он выразился, «всё наше дело полетит ко всем чертям». Прусский король также призвал маршала к решительным действиям, выразив опасение, что в случае затягивания конфликта военные расходы достигнут чрезвычайных размеров, а успех будет всё более сомнителен. В качестве подтверждения своих слов король привёл в пример события 1741-42 годов, когда кардинал Флери, страшась решительных действий и больших расходов, упустил верную возможность покончить с гегемонией Габсбургского дома в Германии, из-за чего теперь продолжение этой войны обойдётся французской казне в три-четыре раза дороже. Как писал король далее: «Одним словом, я доверяюсь честности государя просвещённого и мудрого, который никогда за всю жизнь свою не нарушал своих обещаний...».

Для координации военных операций прусский король направил во французскую штаб-квартиру фельдмаршала графа Шметтау (Schmettau). Граф уже имел опыт подобного рода поручений во время кампаний в Австрии и Богемии 1741-42 годов, когда он в подобном качестве пребывал при штабе Карла-Альбрехта Баварского. Как и тогда, в его обязанности входило воодушевлять союзников на решительные действия. Граф был старым другом Секендорфа ещё со времён войны за Испанское наследство. Оба служили императору Карлу VI, но после его кончины покинули австрийскую армию и перешли на службу к другим государям. В те времена присягали не государству, а государю, после смерти которого не считалось бесчестьем найти себе нового сеньора. Теперь король Фридрих решил использовать это знакомство для своей пользы. В инструкциях графу значилось, что он должен побуждать короля Людовика к активным действиям против армии принца Карла, чтобы помешать ему вернуться в Богемию прежде, чем прусская армия возьмёт Прагу. Французы должны были атаковать его при переправе через Рейн, затем энергично преследовать и освободить Баварию. Кроме того, он должен был «не упускать ни единого повода, чтобы убеждать и доказывать королю Франции, что теперь и навсегда интересы Франции неотделимы от интересов Пруссии». Опасения насчёт верности Франции союзническому долгу не покидали короля Фридриха вплоть до начала кампании. В письме герцогу Ноайлю от 5 августа 1744 года, то есть, за неделю до выступления прусских войск, король предположил, что после начала военных действий австрийская сторона обратится в Версаль с мирными предложениями. Предвосхищая это, он выразил надежду, что Его Христианнейшее Величество «предпочтёт дурному миру, который навсегда лишит его доверия всех государей Европы, мир добрый, который навечно обеспечит ему славу и спокойствие». Мы умолчим об оценке благородного призыва к соблюдению союзнического долга со стороны прусского короля, за два года дважды нарушившего свои обязательства и теперь готового сделать это в третий раз.

Наряду с угрозой заключения сепаратного мира со стороны Франции, над королём Фридрихом давила неопределённость в отношениях с Россией и Швецией. Проект Тройственного

союза Пруссии, Швеции и России, как уже было сказано, потерпел неудачу, но там, где оказались бессильны самые ловкие посланники, успех принесла дипломатия совсем иного рода. Весной 1744 года при посредничестве короля Фридриха были заключены два брачных союза, которые призваны были обеспечить ему спокойный тыл во время будущих баталий в Европе. Эта была та самая брачная дипломатия, которая позже дала повод Вольтеру иронически называть прусского короля дядей всей Европы. 17 марта было оглашено, а 10 июня, сразу после возвращения короля Фридриха из Пирмонта, торжественно отпраздновано обручение сестры короля Луизы Ульрики Прусской с князем-администратором Голштинии Адольфом Фридрихом Гольштейн-Готторпским, под влиянием России избранного Риксдагом наследником шведской короны. А ровно через месяц, 10 июля 1744 года, состоялось обручение Софии Августы Ангальт-Цербсткой с наследником российского престола великим князем Петром. Оба из Голштинского дома, оба были избраны в наследники трона в других странах, и оба почти одновременно обручены с принцессами, которые были обязаны своими партиями исключительно усилиям короля Фридриха. Молодость и неопытность невест, вместе с влиянием, которые они приобретут вскоре на своих мужей, позволяли рассчитывать, что эти супружеские пары позволят управлять собой в интересах прусской политики. Данный расчёт очень скоро оправдал себя в Швеции. После брака Адольфа Фридриха с сестрой прусского короля влияние прусской партии в Стокгольме выросло настолько, что в Берлине могли уже не опасаться выступления Швеции против Пруссии, а в мае 1747 года стороны заключают желанный для прусского монарха оборонительный союз. Однако императрица Елизавета, от решений которой теперь зависели широкие планы и даже вся система короля Фридриха, пока не готова была занять определённую позицию. Несмотря на хитроумные интриги прусской партии при русском дворе, императрица Елизавета отвергала все попытки склонить её к заключению союза с Пруссией.

При этих попытках важную роль играла княгиня Иоганна Елизавета Ангальт-Цербсткая, мать будущей императрицы Екатерины Великой. Энергичная и амбициозная представительница младшей, Гольштейн-Готторпской, ветви Ольденбургского дома, внучка датского короля, сестра наследника шведского престола и мать будущей супруги императора Всероссийского, Иоганна Елизавета стремилась обернуть свою блестящую родословную в осязаемое политическое влияние. По прибытии в Россию и вплоть до своего отъезда княгине было отведено значительное место в расчётах прусского короля, с которым она состояла в переписке, и который пытался использовать в своих интересах её положение при русском дворе. Так называемый, «малый двор», возглавляемый великокняжеской четой и, конечно, Иоганной Елизаветой, стал инструментом короля Фридриха для проведения прусских интересов и опорой прусской партии при петербургском дворе. Высылка маркиза Шетарди была тяжёлым ударом для сторонников Версаля и Берлина (после заключения франко-прусского союза представители обеих стран сообща работали в Петербурге)⁶⁹, и на некоторое время княгиня Иоганна Елизавета стала главным её орудием. Однако настойчивость «королевы-матери», как метко назвал княгиню английский посол Тироли, в намерении уговорить российскую императрицу пойти на Тройственный союз возымела обратный результат. На очередной её совет выслушать предложения барона Мардефельда по поводу союза с Пруссией императрица в резкой форме посоветовала княгине не вмешиваться не в свои дела. Попытки подкупить вице-канцлера Бестужева, предпринятые сменившим маркиза Шетарди д'Альоном и бароном Мардефельдом, оказались безуспешными, как и интриги против него, единственным результатом которых стало удаление от двора брата вице-канцлера обер-гофмаршала Бестужева. Об этом писал лорд Картерет английскому послу

⁶⁹ Король Фридрих даже опасался, что немилость Шетарди приведёт к осложнениям в его отношениях с Россией, но российская сторона заявила, что это дело касается лишь персоны маркиза и не повлияет на добрые связи с французским двором.

Тироли: «Нет измышления, клеветы, лжи, на которую сторонники Франции не были бы готовы для удаления Бестужева».

Императрица Елизавета хорошо сознавала слабые стороны вице-канцлера, но пока Бестужев избавлял её от бремени государственных забот, он мог рассчитывать на благоволение российской императрицы. Подтверждением этой благосклонности стало назначение Бестужева канцлером в июле 1744 года. Не оправдался расчёт прусского короля и на нового вице-канцлера князя Воронцова, известного своими симпатиями к Франции и Пруссии, от которых он получил титул имперского графа и орден Чёрного орла. Но князь действовал настолько осторожно, что франко-прусской партии не удалось получить от этой привязанности никакого действительного результата. Также не увенчались успехом попытки французского и прусского дворов привлечь к Франкфуртской Унии великого князя Петра, который, как герцог Голштинский, был одним из князей Империи. Присоединение к Унии наследника российского престола сильно добавило бы влияния этому объединению, но предложение встретило категорический отказ императрицы Елизаветы, не желавшей участия великого князя в чужих для России ссорах. Противной стороне также не удавалось добиться от русского двора ничего определённого. Несмотря на явный успех с высылкой маркиза Шетарди, которого лорд Тироли называл «боевым конём наших врагов», запросы английского короля Георга о поставке вспомогательного корпуса для сдерживания прусского короля встречали лишь отговорки и увёртки. Бестужеву всякий раз удавалось отделяться от Тироли, ссылаясь на нежелание императрицы заниматься государственными делами. Очень кстати для русских министров пришлась поездка императрицы в Киев, что дало возможность отложить принятие решения.

А. Менцель. Императрица Елизавета выслушивает доклад вице-канцлера графа Бестужева-Рюмина.

Русский двор, не желая открытой конфронтации с Пруссией, пытался избежать вмешательства в конфликт и одновременно сохранить в силе обязательства по договору. Это требовало тонкой и осторожной политики от вице-канцлера Бестужева, связанного нежеланием

императрицы вмешиваться в эту войну⁷⁰. Этого же требовали большие затруднения в финансах и необходимость восстановления сил после войны со Швецией. Как остроумно охарактеризовал данную позицию русского двора неизвестный автор «Memoires de la reine de Hongrie...»: «Петербургский двор считал себя божеством, которое могло принимать одной рукой гиней, а другой – луидоры». Опытный дипломат барон Мардефельд хорошо понимал эти мотивы русского двора. Он также понимал, что Петербург не выступит против короля Фридриха, пока не оправится от войны со Швецией, либо пока прусский король не будет угрожать непосредственно российским интересам. Таким образом, без формального подтверждения, но исходя из сложившейся ситуации, 23 июля 1744 года прусский посланник мог заверить своего государя, что «в ближайшие шесть месяцев Вашему Величеству нечего опасаться от Императрицы, но и не на что надеяться». В этой же депеше Мардефельд советует королю: «если государственные соображения привели Ваше Величество к необходимости начать войну, чтобы защитить свои владения, я считаю, что в его интересах войти в игру теперь же, нежели чем откладывать это до следующего года...», так как промедление может привести Россию в лагерь его противников. Однако на данном этапе король Фридрих получил главное – до весны 1745 года русская армия не двинется с места, и за это время необходимо было принудить Вену к заключению мирного договора.

Таким образом, внешнеполитические расчёты короля Фридриха за два года после заключения Бреславльского мира претерпели существенные изменения. Во второй половине 1742 года король-триумфатор спокойно смотрел на карту Европы, где в полную силу бушевал пожар начатой им войны. Заручившись двумя важнейшими для себя союзами, он ожидал, пока воюющие стороны истощат себя и будут готовы к общему миру, по условиям которого Пруссия получит твёрдые гарантии Силезии и Глаца. Договор с Англией защищал короля от посягательств Австрии на случай, если в Вене решатся заключить мир с Францией и попытаются вернуть утерянную Силезию. Финансовые возможности венского двора были ограничены и не позволяли выступить против Пруссии без согласия и помощи Его Британского Величества. Но, по расчётам прусского короля, Англия никогда не дала бы Австрии деньги на войну с Пруссией, тем более, если венский двор перед этим примирился бы с её извечным соперником Францией. Договор с Англией, помимо прочего, призван был продемонстрировать австрийскому министерству, что его цели находятся не на востоке, а на западе, в прирейнских провинциях Франции. На случай, если в Вене проявят несогласие с данной политической формулой и, в расчёте компенсировать английские гиней русскими штыками, попытаются вовлечь Россию в будущую войну с Пруссией, король Фридрих предусмотрительно заручился поддержкой петербургского двора. Русско-прусская договор должна стать надёжной гарантией, что, в случае попытки со стороны Австрии пересмотреть условия Бреславльского мира, восточные границы Прусского королевства останутся в спокойствии.

Однако результаты кампании 1743 года вынудили короля Фридриха к действию. Намерение Лондона двинуть Прагматическую армию в пределы границ Рейха вызывало воспоминания о походе герцога Мальборо и принца Евгения в Южную Германию, закончившегося разгромом франко-баварских войск при Гохштедте и оккупацией Баварии. Но сейчас от союзников не потребовалось даже этого – Бавария была захвачена стремительным наступлением

---

⁷⁰ В 1741-45 годах Россия находилась в выгодном, но одновременно сложном положении. Россия была связана договорами одновременно с Пруссией (1740 и 1743 гг.) и с Австрией (1726 г.), что позволило петербургскому двору чувствовать себя в безопасности и даже претендовать на посредничество при разрешении конфликта. Такое положение, однако, требовало осторожной и взвешенной политики, чтобы избежать обвинений в неисполнении принятых обязательств и не допустить чрезмерного усиления одной из сторон. Интересно, что впоследствии, в начале Семилетней войны, русский двор оказался в подобном положении, будучи связанным обязательствами одновременно с Австрией и Пруссией. В этой связи, решение императрицы Елизаветы о вступлении в войну на стороне Австрии выглядит спорным, так как лишило Россию возможности проведения посреднической политики в выгодной политической ситуации, когда ведущие европейские державы оказались втянутыми в крупный конфликт.

принца Карла Лотарингского, а французские войска столь же быстро отступали к Рейну. Зная о твёрдом намерении венского двора получить компенсацию за утерянную Силезию, король Фридрих не мог допустить аннексии Баварии, что грозило бы восстановлением габсбургской гегемонии в Германии. Вместе с тем, поражения французских войск и угроза вторжения союзных войск в пределы Франции могли сломить и без того слабую волю французского министерства к сопротивлению и заставить его пойти на мир с Австрией, после чего вновь мог быть поставлен вопрос о пересмотре условий Бреслау. Протесты и даже угрозы из Берлина в адрес английского министерства из-за движения Прагматической армии в Германию не возымели действия. Попытки организации в Империи «третьей силы» из имперских князей в пользу гонимого и лишённого родной земли императора Карла VII также не привели к успеху, равно как и посреднические усилия с целью умиротворения Германии и возвращения императору Баварии в обмен на его разрыв с французским двором.

Начало 1744 года принесло королю Фридриху новые серьёзные беспокойства. Отсутствие упоминания о Бреславльском договоре в Вормсском трактате создавало важный и опасный для Пруссии прецедент, когда третья сторона (Сардиния) не признавала территориальных изменений лета 1742 года. Ещё более опасным сигналом было то, что этот трактат был заключён при посредничестве Англии, благожелательный нейтралитет которой являлся краеугольным камнем в системе прусского короля. Заключение якобы при английском посредничестве австро-саксонского договора и письмо короля Георга к Марии-Терезии, при всей сомнительности его происхождения, оформили в представлении короля Фридриха картину ближайшего будущего. У прусского монарха не оставалось сомнений, что после поражения Франции австрийская сторона, при помощи Саксонии и при возможной финансовой поддержке Англии, попытается взять реванш за поражение двухлетней давности. Это побудило короля Фридриха попытаться восстановить равновесие сил и пойти на сближение с Францией, где его ещё недавно проклинали как предателя и клятвопреступника. Обещаниями скорого вступления в войну он хотел удержать французское министерство от заключения мира с Австрией. Также необходимо было подтвердить или даже расширить союзные обязательства с Россией, в нейтралитете которой он не мог быть уверен, пока власть сохранялась в руках Бестужева.

Заключение договора с Францией перевело конфликт за австрийское наследство на новый уровень эскалации. Следствием договорённостей в Версале стало объявление Францией войны Австрии и наступление французской армии в Нидерландах. Несколько позже в войну должна была вступить Пруссия, армия которой, выступая под флагом вспомогательных войск императора Карла VII, открыла второй фронт против Австрии в Богемии. Успехи австрийских войск в Эльзасе вынудили короля Фридриха сбросить маску раньше времени и выступить, не дожидаясь гарантий со стороны России, каковые король прежде считал *conditio sine qua non* для участия в войне. Соглашения, достигнутые в 1742 году в Бреслау и Берлине, были отринуты и целью новой антиавстрийской коалиции вновь стали земли Богемии и Австрии. Вместе с этим, венский двор, не связанный более обязательствами по договору с Берлином, получил свободу рук для действий в Силезии, а возвращение этой провинции под скипетр Габсбургов отныне и на добрые два десятка лет вперёд станет главной внешнеполитической задачей венского кабинета. Исследователи расходятся во мнениях о целесообразности решения короля Фридриха вернуться в войну, неудачный исход которой не только погубил бы все его предыдущие достижения, но и, как предупреждал граф Подевильс, мог стоить намного большего, чем Силезия. Сам прусский монарх хорошо осознавал все риски этого предприятия, но считал, что время для выступления настало. Несколькими годами позже, в 1746 году, в «Истории моего времени» он напишет об этих событиях так: «Во время такого кризиса нужно решаться; худший выбор, который можно сделать, это ничего не выбрать».

Часть II Погоня за миражом

Глава I. Перед вторжением

Несмотря на внешнюю беззаботность прусского двора и показную увлечённость короля Фридриха светскими мероприятиями, в Потсдаме внимательно следили за развитием событий во втором акте драмы под названием Война за Австрийское наследство. Ещё 19 июня 1742 года, то есть сразу после подписания прелиминарий в Бреслау, король Фридрих писал о неизбежности возобновления войны через несколько лет. Эти тревожные ожидания заставляли его уделять особенное внимание повышению обороноспособности Прусского королевства. Король Фридрих постарался наиболее рационально использовать отведённые ему годы мира для увеличения армии, модернизации крепостей, а также для исправления недостатков, выявленных в ходе Первой Силезской войны. Прежде всего, это касалось улучшения тактических приёмов и ещё большего сокращения срока мобилизации. Этот срок в Пруссии и без того был удивительно коротким, составляя три недели против трёх-четырёх месяцев, необходимых для приведения армии в боевую готовность в прочих европейских странах.

Пехота, это любимое детище «короля-сержанта» Фридриха Вильгельма I, воспитанное его другом и фельдмаршалом Леопольдом Ангальт-Дессауским (Anhalt-Dessau), в кампаниях прошедшей войны показала себя с самой лучшей стороны. Однако регламент для пехотных частей, изданный ещё в 1726 году, устарел и нуждался в доработке. Новый пехотный регламент от 1 июня 1743 года основывался на «Инструкции», изданной королём ещё в лагере у Куттенберга 20 июня 1742 года. Нет нужды перечислять все пункты данного регламента. Скажем лишь, что огневая подготовка пехоты и её стойкость во время сражения были выше всяких похвал и основные усовершенствования касались некоторых тактических приёмов, в особенности, улучшения манёвренности пехотных линий в бою. При этом особенно подчёркивалась необходимость быстрой и решительной атаки, чтобы «вынудить неприятеля оставить занимаемую им позицию».

Также особое внимание уделялось непрерывности атаки, так что батальонам предписывалось сократить время остановок, отводимых на стрельбу. Темп атаки, как следует из циркулярного письма короля от 1747 года, достигал в первую минуту 90–95, в последующее время 70–75 шагов в минуту. Интервалы между полками в линии составляли 26 шагов, фронт гренадерского батальона – 180, мушкетёрского – 200 шагов. Длина «ординарного» или обычного шага составляла 2 фута (werkschuh) или 45 сантиметров. Образцовым подразделением в пехоте был Потсдамский гренадерский батальон – любимые великаны короля Фридриха-Вильгельма – в котором король опробывал все нововведения, такие, например, как быстрый огонь в ночное время суток. Для равномерного обучения всей армии этим новым приёмам в Потсдамский батальон командировались офицеры из других подразделений или офицеры батальона временно придавались другим частям. При этом особое внимание уделялось поддержанию дисциплины в офицерском корпусе. Нерадивые офицеры подвергались штрафам или увольнению.

Более значительным изменениям был подвергнут регламент для кавалерии, новые предписания для которой учитывали опыт последних военных кампаний. Основным отличием кавалерийского регламента 1743 года от регламента 1727 года было введение галопа, как для манёвров, так и для кавалерийской атаки, которая должна была начинаться на быстрых рысях с переходом на полный галоп. Кавалерийским офицерам предписывалось всегда атаковать неприятеля первыми и пытаться зайти тому во фланг. Стрельба была разрешена лишь после

того, как обе неприятельские кавалерийские линии были опрокинуты, то есть, иными словами, когда сражение на кавалерийских крыльях будет уже выиграно. При развёртывании во время сражения фронт пяти эскадронов должен был составлять 240 шагов с интервалами между полками в 20 шагов, между эскадронами в 10 шагов для первой линии и 60 шагов для второй линии. Дистанция между линиями устанавливалась в 300 шагов.

Прусские гусарские части, в отличие от их коллег из других европейских армий, нашли широкое применение не только во время малой войны, но и в полевых сражениях, где они, благодаря умению держать строй и хорошей дисциплине, подчас не уступали тяжёлой кавалерии. Согласно «Диспозиции» составленной королём для кавалерийских офицеров 25 июля 1744 года, гусарские части в сражении должны были прикрывать фланги кавалерийских и драгунских полков. При столкновении с противником гусарам также предписывалось атаковать противника по фронту и во фланг, причём пока одни 4 гусарских эскадрона удерживали фронт, другие 4 эскадрона должны были охватить неприятеля с обоих флангов. Гусарская атака также должна была начинаться на рысях, переходя в 90-120 шагах от неприятеля на полный галоп. Особенно подчёркивалось, что гусары не должны были ввязываться в бой сразу всеми своими силами, но оставлять некоторое подобие резерва для преследования противника вместе с кавалерией первой линии. При этом эскадроны второй кавалерийской линии должны были обрушиться на неприятельскую пехоту. Однако король также предостерегал от поспешных атак, которые часто приводили к поражению кавалерии: «Большинство несчастий для кавалерии происходит оттого, что она яростно атакует прежде, чем завершить построение».

При таком наступательном образе действий, прусская кавалерия гораздо меньше нуждалась в навыках огневого боя. Уже сразу после Мольвицкого сражения, изучив весь его горький для прусской кавалерии опыт, король уделил основное внимание обучению кавалерийских частей маневрированию на поле боя и атаке холодным оружием, что полностью оправдало себя в сражении при Хотузице. Эта линия была продолжена и в мирные годы. Несмотря на то, что драгуны ещё продолжали обучаться пешему строю и стрельбе, подобно пехотным частям, обучение кавалерийских (кирасирских) полков в пешем строю было отменено, а обучение стрельбе проводилось на самом примитивном уровне. Владение огнестрельным оружием для кавалеристов было необходимо для того, чтобы, к примеру, если кавалерийская часть будет застигнута врасплох на постое или во время фуражировки, они могли прикрыть огнём своих товарищей и дать им время оседлать лошадей. На марше каждый кавалерийский полк должен был выдвигать вперёд на 500 шагов авангард в составе 1 офицера и 40 лошадей, а также обеспечивать фланговое охранение на дистанции 150 метров. Кавалерийские и драгунские полки теперь могли проводить разведку лишь в непосредственной близости от лагеря (400–500 метров), а основная задача по несению караульной и разведывательной служб на дальних подступах возлагалась на гусар. Для этого, по примеру австрийских лёгких войск, отлично проявивших себя в недавних кампаниях, они объединялись в большие отряды по 2–4 000 лошадей. Гусарам предписывалось «держатъ неприятеля в напряжении и постоянно беспокоить, чтобы он каждую минуту ожидал их атаки...». В кавалерии образцовыми считались драгунский полк Байрётского (Bayreuth) и полк Жандармов (Gendarmes).

В артиллерии сохранилось разделение на полковую и тяжёлую или батарейную, причём, согласно «Диспозиции» от октября 1744 года, 12- и 24-фунтовые пушки батарейной артиллерии в сражении должны были быть распределены в первой боевой линии между батальонами обоих крыльев и центра. Позже это нововведение будет с успехом применено в сражении при Гогенфридберге. Для защиты батарей выделялись отдельные батальоны. Сначала артиллерийский огонь должен был вестись по кавалерии противника, а затем, когда она будет атакована прусской кавалерией, по неприятельской пехоте. О контрбатарейной борьбе в «Диспозиции» для артиллерии упоминания не было. В 1743 году на вооружение была принята сконструированная подполковником фон Хольцманом (Holtzmann) 10-фунтовая гаубица, но главным изоб-

ретением Хольцмана стали передки с зарядными ящиками для 3-фунтовых орудий, вмещавшие 100 зарядов. Кроме того, новые передки были введены для 12- и 24-фунтовых пушек, а для 50-фунтовой мортиры – передвижные лафеты. В большом количестве были заготовлены, пожалуй, самые незаметные, но чрезвычайно важные виды военного имущества – зарядные ящики и мучные повозки, которые в походах того времени всегда были в недостатке. В 1743 году Хольцман организовал в Бреслау вторую литейно-пушечную мастерскую по образцу берлинской, в которой отливалось по 12 орудий ежемесячно. Туда для перелива были переданы захваченные в Силезии австрийские орудия. Всего, за 1742-44 годы, в Берлине и Бреслау было изготовлено 516 новых орудий. Потребности в порохе для будущих кампаний должны были покрывать шесть пороховых фабрик. К примеру, в начале кампании на каждого пехотинца, приходилось по 300 патронов.

В мирные годы проходило интенсивное обучение войск. К примеру, с 1 мая по 1 ноября 1743 года близ Берлина состоялись учения гусар, на которых по десять лучших солдат от каждого гусарского эскадрона демонстрировали товарищам свои умения в вольтижировке, стрельбе по мишеням и разведывательной службе. Подобные учения прошли у Ораниенбаумских ворот Берлина весной и осенью 1743 года также и для артиллерии, которая вела стрельбу и бросала бомбы по мишеням. Артиллерия небольших калибров упражнялась в скорости стрельбы. За этими учениями наблюдал сам король. Для офицеров пионерного полка были организованы инженерные курсы, а их коллеги из берлинского гарнизона зимой 1743-44 годов прослушали курс об искусстве атаки и обороны крепостей. Также были организованы совместные учения для разных родов войск. 2 сентября 1743 года 12 гренадерских рот были назначены для обороны деревни, которую должны были атаковать 5 эскадронов гусар Цитена (Zieten). Более значительные манёвры состоялись 30 сентября 1743 года, когда большое полевое укрепление было атаковано одной кавалерийской и двумя пехотными колоннами с участием Жан-дармов и Гард дю Кор (Garde du Corps). Также упорядочена была служба снабжения. Был сформирован внушительный армейский обоз из 468 повозок, запряжённых четырьмя лошадьми или волами. Согласно новому регламенту от декабря 1742 года дистанция одного перехода была установлена в 2–2,5 немецкие мили (немецкая миля = 7 420 метров), а темп перехода составлял 1,5 мили за 2 часа по хорошим дорогам.

А. Менцель. Король Фридрих на смотре гусарского полка.

Однако король Фридрих старался усилить свою армию не только усовершенствованием тактических приёмов. Постепенно, на всём протяжении этих двух мирных лет, осуществлялось увеличение численности прусской армии. Всего за 1742-44 годы было сформировано 9 полевых батальонов, 7 гарнизонных батальонов и 20 гусарских эскадронов. 1 августа 1742 года был сформирован постоянный гренадерский батальон Би́ла (Byla). В 1743 году из полевых батальонов Бофора (Beaufort) и Крөхера (Kröcher) был сформирован фузилерный полк Юнг-Шверина (Jung-Schwerin), а 1 августа 1744 года гарнизонный полк Брандиса (Brandis) был передан в полевую армию под новым именем фузилерного полка Циммернова (Zimmernow). В Везеле генерал фон Доссов (Dossow) на основе 120 человек своего прежнего полка сформировал новый фузилерный полк Доссова, пополненный в основном рекрутами из имперских земель. Сформированные осенью 1743 года фузилерные полки Вюртембергского (Württemberg) и Гессен-Дармштадтского (Hessen-Darmstadt) также почти полностью состояли из иностранцев, причём для первого полка новый шеф привёл солдат из Вюртемберга, а основу второго полка образовали два батальона, стоявшие ранее имперским гарнизоном в Мекленбурге.

Из 10 эскадронов драгунского полка Платена (Platen) 1 декабря 1743 года были сформированы полки Голштинского (Holstein) и Юнг-Мёллендорфа (Jung-Möllendorf) по 5 эскадронов каждый, а из 10 эскадронов драгунского полка Роеля (Roehl) – полки Роеля и Штоша (Stosch). 16 мая 1743 года был подписан приказ об образовании двух новых гусарских полков 10-эскадронного состава, командиры которых перешли из австрийской службы, и которые получили название красных (Галласа (Hallasz)) и жёлтых (Дьёри (Gyögy)) гусар. Основой для этих полков послужили эскадрон чёрных гусар и команды из полка Брониковского (Bronikowsky). В 1744 году они были пополнены до штатной численности иностранцами, в основном австрийцами и венграми. Набранный во второй половине 1745 года отряд «босняков» был придан полку чёрных гусар. Гарнизонные батальоны Лопиталья (L'Hôpital) и Рёдера (Röder) 1 февраля 1744 года были преобразованы в гарнизонные полки двухбатальонного состава. Из части команд бывших полевых батальонов Крөхера и Бофора в 1743 году были сформированы одноимённые гарнизонные батальоны в Гельдерне и Миндене. В Глац был отправлен новый гарнизонный полк Риттберга (Rittberg), набранный в имперских землях, а в Ангербурге (Angerburg) сформирован гарнизонный полк Путткамера (Puttkamer), получивший своих рекрутов из Пруссии, Польши и имперских земель. Последним в 1744 году был сформирован в Эмдене (Emden) гарнизонный батальон Калькрёта (Kalkreuth)⁷¹.

Увеличение армии довело число полевых батальонов до 98, к которым, в военное время, могли быть добавлены сводные гренадерские батальоны, сформированные каждый из гренадерских рот двух пехотных полков. При этом численность гренадерской роты была доведена до 120 гренадер и 10 человек сверхштатных резервистов (Überkomplette). Кавалерия, с учётом новосформированных частей, состояла из 211 эскадронов (61 кирасирский, 70 драгунских и 80 гусарских). На основе опыта прошедшей войны главное внимание было уделено лёгким войскам. Поэтому кавалерия получила пополнение в числе двух новых гусарских полков, для службы в которых стремились переманить опытных офицеров из австрийской армии. Штаты гусарских полков были увеличены до 1 200 человек. Король собирался было ещё более увеличить численность лёгкой кавалерии за счёт вербовки в России казаков, калмыков и татар, но в этом ему было отказано. Наряду с конными фельдъегерями, 15 июня 1744 года был сформиро-

⁷¹ Грен. бат. Би́ла, 2 бат. фуз. полка Циммернова, 6 бат. пех. полков Доссова, Вюртембергского и принца Георга Гессен-Дармштадтского, всего 9 бат.; 2 бат. гарн. полков Лопиталья и Рёдера, 4 бат. двух новых гарн. полков Риттберга и Путткамера, 3 гарн. бат. Крөхера, Бофора и Калькрёта, всего 9 бат., но гарн. полк Брандиса из 2 бат. был переименован в фуз. Циммернова, так что общее увеличение гарнизонных войск составило 7 бат.

ван отряд пеших егерей. Численность каждого из них планировалось довести до 200 человек в двух эскадронах или ротах, но начало войны нарушило эти планы. Гарнизонные войска теперь состояли из 21 гарнизонного батальона с 16 гренадерскими ротами, 23 рот новых гарнизонов и 8 новых гарнизонных полков (из 6 гренадерских рот которых был сформирован гренадерский батальон Била). В 1744 году два батальона полевой артиллерии были объединены в один артиллерийский полк, а в 1742 году была сформирована Силезская гарнизонная артиллерийская рота из 155 человек. Всего армия должна была увеличиться на 18 000 человек (около 15 %) и основные военные приготовления были предприняты в 1743–1744 годах, когда поражения французов в Баварии и при Дёттингене вынудили короля Фридриха начать активную подготовку к новой войне. Поставка в армию такого большого числа рекрутов столкнулась в малонаселённых старых прусских провинциях со значительными сложностями, так что принц Фердинанд Брауншвейгский был вынужден обратиться за помощью к своему брату, герцогу Брауншвейг-Вольфенбюттельскому.

Общая численность прусской армии на июль 1744 года по оценке того же принца Фердинанда составила 142 714 человек, из которых 96 000 пехоты, 28 850 кавалерии и 13 570 сверхштатного резерва без учёта ландмилиции, корпуса егерей и войск, размещённых в Восточной Фрисландии. Но не всё шло гладко. На пути укрепления обороноспособности своего королевства прусского монарха также встречали трудности и неудачи. Введение в Силезии кантонной системы столкнулось со значительными сложностями, так как население новой прусской провинции было совершенно чуждо военным повинностям. Сословно-представительская система управления Силезией при Габсбургах предусматривала совещательный порядок назначения налогов и повинностей и введение обязательных и директивных повинностей, обычных для прочих прусских провинций, требовало определённого времени. Шесть силезских кантонов, в которых была особенно развита текстильная промышленность, освобождались от рекрутского набора, вместо которого обязаны были создать отряды ландмилиции для защиты границы. Ландмилиция должна была состоять из 20 рот по 100 человек в каждой и собираться для учений весной и осенью. Несмотря на то, что в 1744 году было собрано несколько отрядов, попытка образования ландмилиции закончилась неудачей и, так как финансовых средств на униформу, вооружение и снабжение изыскать не удалось, уже после начала войны они были расформированы.

Наряду с увеличением армии, главного инструмента своей внешней политики, король также обращал пристальное внимание на модернизацию крепостей, призванных сдерживать продвижение неприятеля на тех участках, которые король не успеет или не сможет прикрыть войсками. При этом главной его заботой была оборона новой провинции, тогда как фортификационные работы в старых землях были отложены. Крепости Глац, Нейссе, Козель должны были прикрывать основные дороги, ведущие в Силезию из Богемии и Моравии, а Глогау, Бриг и Бреслау – контролировать течение Одера. Основное внимание уделялось восстановлению и модернизации укреплений крепости Нейссе (Neisse, совр. Ныса), стратегическое значение которой король на собственном опыте понял во время кампании 1741 года. Тогда оставшаяся в руках австрийцев крепость позволила фельдмаршалу Найппергу беспрепятственно войти в Силезию, быстрым ударом достичь Одера и угрожать Бреслау. Предполагая, что наступления противника следует ожидать с нескольких направлений, а сам он с армией может быть занят в другом месте и не иметь возможности своевременно прийти на помощь, король Фридрих решил как можно лучше укрепить эту крепость. Как позже напишет король, «австрийский гарнизон не успел ещё выйти, как прусские инженеры уже чертили новые укрепления, которые впоследствии сделают Нейссе одной из мощнейших крепостей». Уже 30 марта 1743 года король Фридрих самолично заложил первый камень нового форта «Пруссия» на том самом месте, откуда в январе 1741 года прусские орудия обстреливали город. Несколько тысяч рабочих неустанно трудились над возведением укреплений Нейссе, строительство которых должно было быть закончено к июлю

1744 года, но, несмотря на выделение значительных денежных сумм, не было завершено в срок. В Нейссе, где предполагалось соорудить большой магазин, в значительных объёмах свозились свинец, порох, лес и военные материалы. Для защиты Верхней Силезии король избрал Козель. В ноябре 1743 года он одобрил план расширения укреплений этой крепости, работа над которыми, однако, будет закончена лишь в 1745 году. Новые укрепления Нейссе вызывали восхищение современников. В частности, Валори, осмотрев работы по строительству бастионов, сказал королю, что для взятия крепости будет недостаточно всех австрийских и саксонских войск вместе взятых. «И французских» – удовлетворённо добавил король. По его расчётам, теперь только для блокады Глаца и Нейссе понадобится 40 000 человек.

Большое значение приобрела крепость Бриг, расположенная рядом с местом впадения реки Нейссе в Одер. Король помнил, с какими трудностями была связана осада Брига в кампанию 1740-41 годов. Крепость контролировала течение Одера – эту жизненно важную для ведения военных действий водную дорогу Силезии, которую сам король называл «приёмной матерью прусской армии». Первоначально рядом с Бригом планировалось возвести новую крепость Шургаст (Schurgast), но в 1744 году от этого намерения окончательно отказались в пользу усиления Брига. В силезские крепости свозились орудия и военные материалы из других провинций королевства, и после завершения фортификационных работ Силезия была защищена несравнимо лучше, чем во время австрийского правления. Крепости Глац, Нейссе и Козель запирали входы в провинцию со стороны Богемии, Моравии и Венгрии, а Глогау, Бреслау и Бриг служили тыловыми опорными пунктами, державшими под контролем течение Одера. Король Фридрих лично осматривал работы по укреплению крепостей и даже делал наброски и чертежи, которые затем передавал своему активному помощнику в деле фортификации известному военному инженеру фон Вальраву (Walrave), в 1741 году вместе с чином генерал-майора получившему командование над корпусом инженеров.

Подобные широкие военные приготовления требовали больших затрат. Доходы Прусского королевства с приобретением Силезии и графства Глац значительно выросли и в 1744 году составляли около 10,6 миллионов талеров (7,4 миллиона со старых провинций и 3,2 миллиона с Силезии и Глаца). По уровню доходов Пруссия приблизилась к ведущим державам континента (доходы Австрии на 1740 год составляли около 14 миллионов талеров) и оставила далеко позади своих германских соседей (Бавария с 4,2 и Саксония с 6 миллионами талеров). Однако затраты на содержание вооружённых сил были огромны. В 1743 году только для силезских крепостей была составлена смета в 460 000 талеров. Увеличение армии на 18 000 человек также потребовало колоссальных сумм. Из 3,2 миллионов талеров доходов с Силезии и Глаца на армию тратилось 2,14 миллиона талеров. Помимо этих затрат королю приходилось оплачивать долги императора Карла VI, взятые им под залог доходов с Силезии и принятые затем королём Фридрихом по условиям мира в Бреслау. Одни только эти выплаты составляли 500 000 талеров в год. В такую же сумму прусской казне обошлись мобилизационные мероприятия летом 1744 года. Даже в мирное время военный бюджет составлял 80 % от государственных доходов, тогда как во время войны затраты на вооружённые силы ещё более возрастали. Несмотря на большие траты перед войной (увеличение армии, укрепление крепостей, заготовка магазинов и прочее), оцениваемые в 3,5 миллиона талеров, на конец 1744 года в прусской казне находилось около 6,4 миллиона талеров, которые, вместе с регулярными доходами, по расчётам короля, должны были покрыть издержки двух военных кампаний⁷². Важным условием при этом было снабжение армии за счёт неприятельских территорий. Это позволяло сбросить собранные в прусских магазинах припасы, и существенно сэкономить средства короля.

⁷² В «Политическом завещании» от 1768 года король Фридрих оценивал стоимость одной военной кампании в 12 млн. талеров. Кроме того, кантонная система позволяла экономить средства на пополнении армии, так как, в случае необходимости, король мог рассчитывать на призыв обученного резерва. Это также повлияло на расчёты короля относительно длительности войны.

Спустя полстолетия об этом, как об одной из аксиом полководческого искусства, напишет оркул военной науки Клаузевиц. Две блестящие кампании и общий мир – в этом состоял план прусского короля на предстоящую войну, затягивание которой грозило обернуться для Пруссии финансовой катастрофой.

Таким образом, основной предпосылкой осуществления данного амбициозного и рискованного плана была скорость его исполнения. Как уже говорилось выше, силезская граница была единственной, соединяющей Пруссию с Австрией, но было очевидно, что австрийцы, узнав о сборе прусской армии в Силезии, будут ожидать атаки оттуда и смогут хорошо подготовиться к обороне. Кроме того, переброска значительных сил в Силезию должна была отнять большое количество времени, а любое промедление, учитывая скорое наступление холодного сезона, было крайне нежелательно. Король Фридрих решил эту задачу в свойственной ему манере. Прусские войска должны были развернуться не в Силезии, а в Марке, быстрым маршем пройти через территорию нейтральной Саксонии и вторгнуться в Богемию с неожиданного для австрийского командования направления. Правовая сторона вопроса не слишком беспокоила прусского короля, но и на этот счёт у него имелись определённые аргументы. Предполагалось, что прусская армия будет объявлена вспомогательной для императора Карла VII, от имени которого 12 июня было составлено реквизиционное письмо о проходе войск короля через Саксонское герцогство, как территорию Священной Римской империи. Кроме того, в Берлине вспомнили, что в ходе Северной войны саксонские войска, по меньшей мере, дважды, в 1711 и в 1713, пересекали прусские земли, не получив на это согласие из Берлина. Ещё раз подчеркнём, что и здесь прусские войска названы вспомогательными. Прусский король, как ранее Франция и Англия, отправившие свои войска на помощь Карлу-Альбрехту Баварскому и Марии-Терезии Австрийской, также постарался убедить Европу в том, что действует исключительно в рамках правового поля и ради блага законной императорской власти. Главным адресатом этого посыла была Россия.

Подготовка армии к новой войне началась ещё весной 1744 года. 4 марта было отдано распоряжение о приведении в порядок обозов и закупке лошадей. Войска должны были подготовиться к походу в 14-дневный срок. 1 июля было объявлено о сборе войск на учения и возвращении отпускников, а 23 июля в полки был отправлен приказ перейти на штаты военного времени и привести войска в 24-часовую боевую готовность. Спустя сутки, 24 июля, шефы и командиры полков доложили о готовности своих частей к маршу⁷³. Артиллерия в Берлине и Бреслау также была подготовлена к выступлению, хотя и находилась далеко не в лучшем состоянии. Главная забота короля посвящалась двум другим родам войск, пехоте и кавалерии, тогда как артиллерия оснащалась по остаточному принципу. Поэтому, по свидетельству очевидцев, состояние прусской артиллерии было жалким – у лошадей зачастую отсутствовали поводья, не было кормушек, кнехты не были обмундированы и не имели палаток. Все военные приготовления были исполнены точно в назначенный срок, причём цель данных мероприятий держалась в строгой тайне. Наконец, 29 июля полкам был отдан приказ к выступлению. При этом высшие офицеры получили новые инструкции по управлению и снабжению войск, составленные на основе приобретённого в Первой Силезской войне опыта. 30 июля король распорядился о формировании 16-ти сводных гренадерских батальонов, но позже это решение было отложено до сбора корпусов, назначенных к выдвигению к богемской границе⁷⁴.

⁷³ Ежедневный рацион прусского солдата состоял из 1 фунта (берлинский фунт = 0,468 кг.) мяса, 2 фунтов хлеба и 1,5 литров пива. На каждую лошадь выдавалось 6 кг. овса или ржи, 0,5 кг. насечённой соломы и 8-10 фунтов сена. На каждых двух человек или лошадей полагалась одна связка соломы, весом 18–20 фунтов. На каждые две роты или два эскадрона имелась одна санитарная повозка, на каждую роту или эскадрон – походная кухня с тремя бочками муки, использование которой разрешалось лишь по приказу короля.

⁷⁴ См. Приложение № 1.

Войска, назначенные для кампании в Богемии, были разделены на три группы. Первый корпус, численностью около 40 000 человек, который возглавил сам король Фридрих, был сформирован из войск, расквартированных в Берлине и западнее от столицы. Он должен был двигаться через Саксонию к Петерсвальду (Peterswald, совр. Петровице) и затем наступать вдоль левого берега Эльбы на Прагу. Второй корпус, состоявший из войск, стоявших в Померании, восточной части Марки и северной Силезии, получил приказ собраться у Циттау (Zittau) и быстро выдвинуться к Брандайзу (Brandeis, совр. Брандыс). Несколько батальонов из этого корпуса должны были занять стратегически важный Лейтмериц, обеспечивавший контроль над течением Эльбы, и организовать там большой магазин. Командование над вторым корпусом (16 батальонов, 20 эскадронов, всего около 16 000 человек) было доверено герою Хотузица фельдмаршалу Леопольду наследному принцу Ангальт-Дессаускому. В армии принца называли Молодым Дессаусцем (Der Junge Dessauer), во избежание путаницы с его знаменитым отцом, князем Леопольдом Ангальт-Дессауским (Старый Дессауец (Der Alte Dessauer)). Наследный принц был одним из лучших военачальников прусской армии. Он не обладал харизмой и подавляющим авторитетом своего отца, чей менторский тон часто раздражал короля. Зато принц перенял от великого родителя такие необходимые для полководца качества, как методичность и хладнокровие, точный расчёт и прекрасное понимание поля боя. Ему действительно недоставало духа авантюризма и азарта, этих спутников гениальности, но он был в высшей степени надёжным генералом, которому король мог спокойно доверить самостоятельное командование. Он хорошо показал себя в Мольвицком сражении, но в тот день Шверин затмил всех своей славой. Уже через год, в сражении при Хотузице, принц в полной мере проявил свой талант полководца и получил фельдмаршальский жезл на поле боя из рук короля. Для ускорения марша к Эльбе войска короля и принца Леопольда должны были реквизировать все найденные упряжки для нужд прусской армии.

Леопольд II Максимилиан Ангальт-Дессауский (1700–1751), прусский фельдмаршал и один из лучших прусских полководцев в период первых двух Силезских войн (1740–1745).

Третьим корпусом, численностью около 16 000 человек, состоявшим из силезских полков, командовал старый и опытный солдат Его Прусского Величества фельдмаршал Шверин (Schwerin). По полководческому опыту и умению Шверин в прусской армии уступал разве только князю Дессаускому. В молодости будущий фельдмаршал учился в Лейдене, имел галантные манеры и предпочитал общество образованных людей грубым лагерным компаниям. Шверин был прямой противоположностью простому до грубости старому князю Дессаускому, так что неудивительно, что он состоял в открытой вражде с Ангальтским кланом. Импульсивный и отважный до безрассудства, Шверин не страшился рискованных решений, которые на советах он отстаивал со всей горячностью. Иногда это приводило к ссорам с королём, который

после Мольвицкого сражения очень чувствительно относился к советам фельдмаршала. За эти качества, а также за свои тщеславность и обидчивость Шверин получил прозвище «маленький Мальборо». Фельдмаршал сохранил этот безудержный темперамент до последних дней, когда, несмотря на свои 72 года, в сражении при Праге со знаменем в руках бросился навстречу своей смерти. В королевской инструкции значилось, что фельдмаршал должен вторгнуться из Силезии в Богемию через Браунау, занять Кёниггрец и Пардубиц и заложить в последнем городе магазин. Его войска должны были прикрывать первые два корпуса от возможных атак неприятеля, для чего Шверину была придана сильная кавалерия. Особенно подчёркивалось, что фельдмаршал должен был рассчитать марш таким образом, чтобы прибыть к Праге одновременно с королём. День встречи под Прагой был назначен на 30 августа.

Прусский фельдмаршал Курт Кристоф, граф Шверин (1684–1757). В несколько необычном виде.

Из-за своих размеров Прага в то время была крайне неудобным для обороны городом, для занятия протяжённых стен и бастионов которого требовалось около 20 000 человек. Укрепления города находились в таком же плохом состоянии, какими они были в начале 1743 года, когда Прагу покидали французы. Поэтому, если гарнизон богемской столицы оказался бы недостаточно сильным, король планировал немедленно штурмовать город и взять его «эскаладой», то есть, штурмом без предварительной артиллерийской подготовки. При этом пример удачного штурма Праги войсками антиавстрийской коалиции осенью 1741 года давал основания рассчитывать на успех. Но если крепость оказалась бы снабжена достаточным для обороны гарнизоном, возникала необходимость в регулярной осаде. На этот случай генерал-майор Бонин (Bonin) должен был переправить осадный парк по Эльбе из Магдебурга через территорию Саксонии в Лейтмериц. Так как выше Лейтмерица глубина Эльбы не позволяла конвою двигаться дальше водным путём, осадный парк планировалось выгрузить в этом порту и отправить к стенам Праги по суше. Также Бонин должен был привезти запасы фуража и муки для армии на три месяца и большое количество упряжек для организации снабжения армии на богемской территории. В конвой столь ценного груза были выделены пехотный полк и сводный отряд из гренадер четырёх полков⁷⁵, а во избежание возможных посягательств с саксонской стороны Бонину предписывалось проделать весь путь быстро и без ночных остановок. Если бы в Виттенберге и Дрездене попытались остановить транспорт, Бонин должен был предъявить императорское письмо, предоставлявшее прусским войскам право прохода через имперскую территорию. При попытках наложить арест на груз, конвой должен был применить силу, для чего солдатам был отдан приказ всегда держать оружие наготове и заряженным.

Четвёртый корпус под командованием генерала от инфантерии фон дер Марвица в количестве около 18 500 человек должен был собраться в Верхней Силезии. Марвиц был опытным генералом старой школы. Он отличился в сражении при Мольвице, где в кризисный момент был рядом со Швериним, помогая ему перестроить пехоту и двинуть её на неприятеля. В этом сражении он был тяжело ранен и обнаружен среди убитых лишь на следующий день. Назначение его во многом было обусловлено тем, что генерал со времён Первой Силезской войны хорошо знал местность, где ему надлежало действовать. В 1741-42 годах он был губернатором Нижней Силезии и оказал королю важные услуги при подписании Кляйн-Шнеллендорфского соглашения. Из Верхней Силезии его корпус должен был двинуться в Моравию, осадить и взять Ольмюц (Olmütz, совр. Оломоуц) и там занять оборонительные позиции. По 5 эскадронов из этого корпуса должны были быть оставлены для охраны границ в районе Тешена и Глаца (Glatz, совр. Клодзко). Марвиц должен был распространить среди местного населения королевский патент, в котором жителям обещалась полная безопасность, если они не будут препятствовать действиям прусских войск. Грабежи и насилия были строжайшим образом запрещены, но в занятой части Моравии предполагалось провести набор рекрутов, которые должны были быть отправлены в Нейссе. После этого Марвицу предписывалось встать на зимние квартиры в окрестностях Ольмюца, чтобы снабжать войска за счёт территории неприятеля. Всего в походе, с учётом войск Марвица, участвовали около 90 000 человек⁷⁶.

В домашних провинциях королевства оставалось около 33 000 человек под командованием Старого Дессаусца или попросту Князя, как называли его в войсках. Последний в нашем перечне лучших прусских генералов, но первый среди них по рангу и заслугам, князь Ангальт-Дессауский был знаменитым полководцем и военным реформатором. Пожалуй, самой известной его новацией было введение железного шомпола для прусской пехоты. Свою военную карьеру князь начал ещё в войну за Пфальцское наследство, после чего его боевой путь был

⁷⁵ Пех. полк Бонина и гренадеры пех. полков Бонина, Принца Леопольда (Prinz Leopold), Принца Фердинанда (Prinz Ferdinand) и Герцберга (Herzberg).

⁷⁶ См. Приложение № 2.

отмечен многими славными деяниями. На начало войны за Австрийское наследство это был самый опытный генерал Европы. Король ревниво относился к его славе и не взял князя с собой в Силезию в 1740 году, опасаясь оказаться в его тени. Также и сейчас, Его Прусское Величество оставил своего лучшего генерала в Пруссии, доверив ему ответственную, но неблагоприятную задачу по защите границ Марки на случай осложнений с соседними Саксонией или Ганновером. Как и в 1740 году князь был задет таким пренебрежением, но уже через несколько месяцев у него вновь появится возможность употребить свой опыт и полководческий талант во славу Пруссии⁷⁷.

Леопольд I, князь Ангальт-Дессауский (1676–1747), «Старый Дессауец».

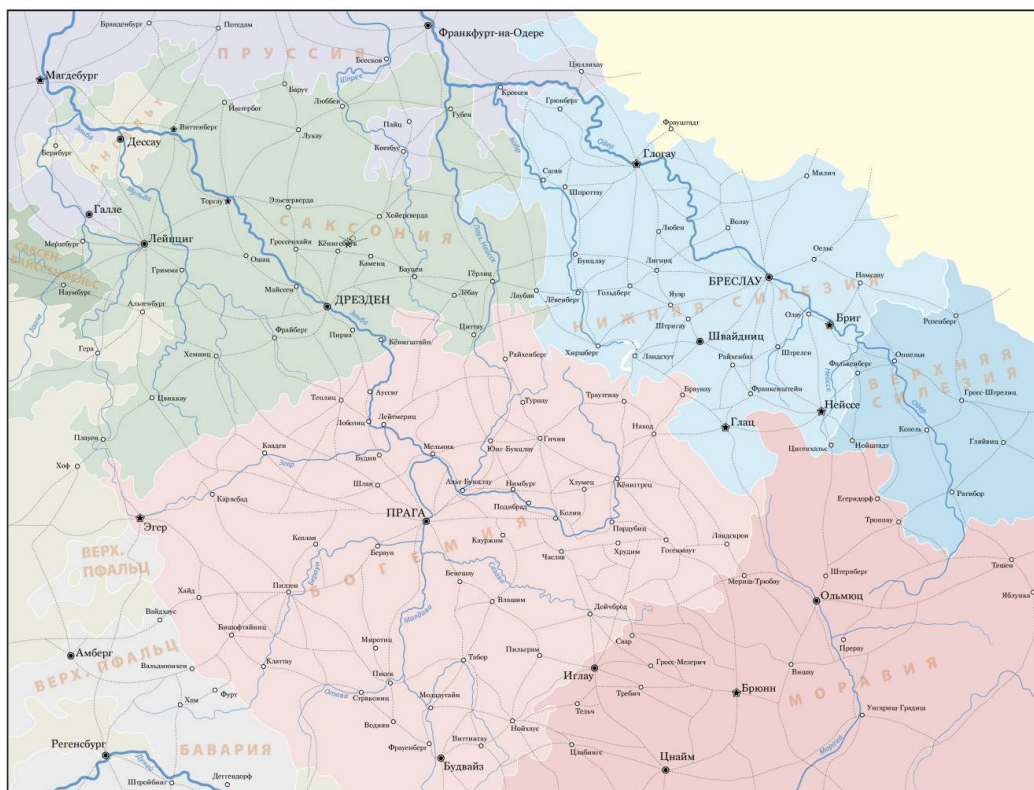
После того, как мы познакомили читателя с составом и численностью войск короля Пруссии, уделим немного времени театру военных действий, где предстояло оперировать армиям противников. Провинция Богемия, самая богатая из наследных габсбургских земель, отделена от Саксонского курфюршества и Силезии горами Эрца (Рудными) и Судет. Большие массы войск, разумеется, могли преодолеть эти горы лишь по дорогам. Интенсивная торговля между Богемией и Саксонией способствовала развитию дорожной сети. Войска в основном использовали почтовые дороги, имевшие ширину до десяти метров. Через горы Эрца между Карлсбадом (Karlsbad, Карловы Вары) и Ауссигом (Aussig, Усти-над-Лабем) вело шесть таких дорог. Однако, как часто бывало в те времена, все они находились в очень плохом состоянии, так что для преодоления гор Эрца приходилось затратить немало усилий. Зимой эти дороги были часто завалены снегом и непроходимы вплоть до поздней весны. Для нашего повествования особенно важна северная дорога, ведущая от Пирны и Кёнигштайна через Пашкополе (Paschkopole) к Эльбе у Лобозица (Lobositz, совр. Ловосице). Вдоль Эльбы дороги на этом участке в те времена ещё не было. Также оживлённое сообщение происходило тогда между Богемией и Саксонским Лаузицем, куда вели несколько дорог, главная из которых шла через Циттау и Брандайз на Прагу.

---

⁷⁷ Более подробная информация о прусских генералах также содержится в Биографическом указателе.

Через разделяющие Богемию и Силезию Судетские горы движение было менее интенсивным и, соответственно, дорожная сеть была более редкая. К западу от Лаузица поднимались огромные Ризенгебирге, где вообще не было больших дорог. Но к востоку от них, в седловине Вальденбургских гор, силезскую границу пересекали сразу две такие дороги. Одна вела через Яромирж (Jaromiersch) и Траутенау (Trautenau, совр. Трутнов) к Ландсхуту (Landshut, совр. Каменна-Гура), а другая через Наход (Nachod) и Браунау (Braunau, совр. Броумов) на Фридланд (Friedland, совр. Мерошув). Из Моравии в Силезию слева от Одера вели три дороги – прямая на Нейссе через Цукмантель (Zuckmantel, совр. Злате Горы), по которой наступал весной 1741 года фельдмаршал Найпперг, через Егерндорф (Jägerndorf, совр. Крнов) и Нойштадт и через Троппау (Troppau, совр. Опава) на Ратибор (Ratibor). По правому берегу Одера через Моравские ворота вела дорога через Тешен (Teschen, совр. Чески Тешин или Цешин) к Ратибору. Области Верхней Силезии были слабо заселены и покрыты многочисленными болотами и лесами. Это затрудняло перемещения войск и снабжение их фуражом и продовольствием, но облегчало ведение малой войны. Население Верхней Силезии было в основном католическим и, в отличие от протестантского населения Нижней Силезии, сохранило симпатии к Австрии. Главными опорными пунктами и дорожными узлами с австрийской стороны здесь были Кёниггрец и Ольмюц, с прусской – Швайдниц (Schweidnitz, совр. Свидница) и Нейссе. Так как Ризенгебирге представляли собой непреодолимую преграду для перемещений больших масс войск, значимые операции могли проводиться лишь к востоку от этой горной гряды. При этом графство Глац вдавалось на богемскую территорию, что препятствовало координации австрийских войск, действующих из Богемии и Моравии. Также и пруссакам, из опасения за сохранность коммуникаций, было затруднительно проводить наступление из Глаца. Таким образом, Глацкий котёл делил приграничный театр военных действий на два самостоятельных участка, один из которых относился к Нижней Силезии и Богемии, другой к Верхней Силезии и Моравии.

Река Эльба делила Богемию на две неравные части. К северу до Судетских гор расстилалась плодородная равнина. Это были земли тех самых северобогемских округов, которыми хотел завладеть король Фридрих. К югу от Эльбы местность холмистая и часто пересечённая, но в целом богемские земли были очень плодородны и богаты, так что здесь долго могли снабжаться даже большие армии. Самым крупным и населённым городом провинции была её столица Прага, в которой на 1740 год насчитывалось около 70 000 жителей. Крупными городами были Кёниггрец, Пардубиц, Эгер, Будвайз, Пилзен. В последних двух городах проживало по 5 000 жителей. Из крепостей в Богемии, пожалуй, можно выделить лишь Эгер. Города часто были окружены стенами и рвом, но эти укрепления, в большинстве своём, совершенно устарели и не представляли препятствий для артиллерии. Хорошими укреплениями обладали разве что Будвайз и Пардубиц. Зато Прага и Кёниггрец, из-за их размеров и обветшалости укреплений, были очень неудобны для обороны. Кроме того, в Богемии находилось большое количество замков, которые, конечно, не могли остановить наступление большой армии, но были вполне способны его осложнить. В качестве примера можно вспомнить об обороне замка Фрауенберг баварским гарнизоном в прошлую войну. Из Вены в Богемию и Моравию вели три больших дороги, через Будвайз в Прагу, через Иглау в Кёниггрец и через Брюнн в Ольмюц. Эти дороги распорядился проложить ещё император Карл IV и с тех пор они назывались «императорскими» (Kaiserstrasse). Они были шириной шесть метров, имели искусственное покрытие и были очень удобны для перемещения войск. По одной из них прусский король намеревался наступать через Будвайз на Вену.

Карта театра военных действий Второй Силезской войны.

В конце войны военные действия были перенесены в Саксонию, и будет уместным сказать несколько слов об этом театре. Саксонские земли были очень плодородны, в курфюршестве была разветвлённая дорожная сеть, а качество дорог было гораздо лучше, чем в Богемии или Силезии. Однако так как война пришла на территорию Саксонии поздней осенью и зимой, войска не могли покрывать свои потребности подножным кормом или реквизициями и во многом зависели от своих магазинов. Течение Эльбы представляло значительное препятствие, так как через реку на участке между Торгау и Дрезденом имелся лишь единственный мост в Майссене. Старый мост у Виттенберга был уничтожен в 1637 году и восстановлен лишь в 1784 году. В Саксонии было несколько крепостей, из которых самыми значительными были Виттенберг и Торгау. Два самых крупных города, Дрезден с его 40 000 и торговый центр Лейпциг с 30 000 жителей, были непригодны для обороны по тем же причинам, что и Прага. Размеры и невозможность постоянно поддерживать и расширять укрепления быстрорастущих городов делала их почти беззащитными и всецело зависящими от действий саксонской армии. К примеру, от Лейпцига до прусского Галле было всего несколько километров, и прусские войска могли захватить саксонский «кошелёк» буквально в считанные дни. Это позволяло шантажировать саксонское руководство, и в прошлую войну король Фридрих уже опробовал это средство, занеся «дамклов меч» в виде корпуса князя Дессауского над Лейпцигом. Но это правило работало в обе стороны. Берлин – столица главного саксонского соперника и потенциального врага – находился всего в шести днях марша от Виттенберга. Постоянная угроза сердцу прусских земель, Бранденбургской Марке, вынуждала прусского короля даже при нейтралитете Саксонии держать там сильный наблюдательный корпус, что отвлекало большую часть войск от других направлений. Удачное выступление Саксонии на стороне противников короля могло полностью изменить положение. После этого уже сами пруссаки должны были подумать о безопасности Берлина. Поэтому при разработке своих внешнеполитических планов король Фридрих всегда придавал большое значение угрозе со стороны Саксонии и пытался её устранить.

С этим связаны настоятельные попытки заключить союз с дрезденским двором, и даже планы аннексии Саксонии, содержащиеся в политических завещаниях прусского короля.

Глава II. Король поднимает щит

Время для вторжения было выбрано в высшей степени удачно. Саксонский двор и сам король Август со своим доверенным министром Брюлем пребывали в это время в Варшаве. Там, накануне созыва Сейма, они пытались склонить поляков к увеличению армии и возобновлению Священной Лиги с Австрией и Россией, но, в первую очередь, обеспечить польский трон сыну короля Августа. Проект субсидного договора с Англией был отвергнут английским Тайным советом, следствием чего неизбежно стало ухудшение англо-саксонских отношений. Это позволяло королю Фридриху рассчитывать, что после занятия прусскими войсками Богемии король Август вновь, как в 1741 году, выступит против Австрии, либо, по меньшей мере, сохранит нейтралитет. 24 июля министр Валленрод (Wallenrodt) получил задание ехать в Варшаву и на основании императорского реквизиционного письма потребовать от короля Польши прохода через территорию Саксонии 50–60 000 прусских вспомогательных войск. Также Валленрод должен был выяснить позицию саксонского двора в отношении совместных действий против Австрии. 5 августа прусский министр получил аудиенцию у короля Августа, на которой потребовал прохода для войск. Также министр объявил, что эти действия не направлены против Саксонии, и что, напротив, если Саксония захочет возобновить союз с Пруссией, то «найдёт хороший приём». Однако добиться ясного ответа Валленроду не удалось. Король Август ограничился сожалением о судьбе императора Карла VII, в чём некоторые усмотрели намёк, что подобная участь может постичь каждого, кто выступит против Габсбургского дома. Беседа Валленрода с министром Брюлем 8 августа также закончилась безрезультатно. На запрос прусского министра граф сообщил, что ответ смогут дать лишь после консультации с Тайным советом в Дрездене.

Требование прохода для войск стало полной неожиданностью для саксонского двора. В первые месяцы 1744 года из Берлина в Дрезден не приходило никаких тревожных новостей. Там знали о мерах короля Фридриха по укреплению крепостей, но они были признаны оборонительными и не внушали беспокойства. Некоторые подозрения возникли после известия о поездке графа Ротенбурга в Париж, но они успокоились после заявления посланника Бюлова (Bülow) из Берлина, что прусский король не планирует атаку летом 1744 года. Лишь в апреле стали поступать известия о военных приготовлениях, но в Саксонии предполагали, что, так как основные прусские силы собирались в Марке, войска короля двинутся на запад, на помощь Франции и императору Карлу. Только 1 августа граф Брюль в письме впервые высказал предположение о намерении короля Фридриха атаковать Богемию и только в день аудиенции Валленрода у короля Августа, Бюлов сообщил своему королю, что прусская армия идёт в Саксонию. Время для саксонского руководства было безнадежно упущено. Саксония была совершенно не готова к войне, и её королю и министрам необходимо было время, чтобы собрать армию и попытаться заручиться помощью союзников. 6 августа граф Брюль написал саксонскому посланнику при венском дворе графу Бюнау, что теперь «всё зависит от того, удастся ли выиграть время».

Из Варшавы был отправлен срочный курьер к петербургскому двору, на помощь которого особенно рассчитывали король Август и граф Брюль. Кроме того, в Дрездене велись консультации с русским и австрийским посланниками, Кейзерлингом (Keyserlingk) и Эстерхази (Esterházy), а в Берлине саксонский и русский министры, Бюлов и Бестужев, потребовали от графа Подевиляса отложить марш прусских войск до получения королевского ответа из Варшавы. Граф Бестужев добавил к этому, что, как министр дружественной обеим сторонам державы, он может требовать остановки марша без дополнительных консультаций с Петербургом. Не имея возможности сопротивляться и опасаясь, что в случае отказа пруссаки разграбят Саксонию, король Август не спешил с ответом на реквизицию, переданную Валленродом. Одно-

временно в Дрезден были отправлены приказы о приведении армии в боевую готовность и проведении прочих мобилизационных мероприятий. Перед дрезденским двором стояла сложная задача. С одной стороны, необходимо было всеми силами избежать вторжения прусских войск в Саксонию и разграбления курфюршества. С другой стороны, логика противостояния с опасным прусским соседом диктовала необходимость использовать любую возможность для его сдерживания. Дрезденский двор так и не сможет найти решения этой задачи, и в конце 1745 года Саксония падёт под ударами прусских войск короля Фридриха и князя Дессауского.

В отсутствие короля и его первого министра управление Саксонией было доверено Тайному Совету во главе с герцогом Саксен-Вайссенфельским (Sachsen-Weissenfels). По курьёзному стечению обстоятельств, в этот решающий момент герцога также не было в столице, так что саксонское руководство было полностью парализовано. 7 августа адъютант и друг короля Фридриха полковник фон Винтерфельд (Winterfeldt), мастер по ведению переговоров и будущий соавтор смелого плана по оккупации Саксонии в 1756 году, предстал перед членами Тайного Совета. Он сообщил обескураженным министрам о предстоящем проходе прусских войск через саксонскую территорию и в качестве основания предъявил императорское реквизиционное письмо. Первой реакцией министров было возмущение столь вызывающим попранием суверенных прав своего короля. Они заявили, что до поступления распоряжений из Варшавы отказывают прусским войскам в праве прохода и предоставлении продовольствия и фуража. Но прусский эмиссар невозмутимо ответил, что войска короля уже получили приказ к выступлению, и остановить их невозможно. Либо саксонские министры давали согласие на проход войск, либо король Фридрих вынужден будет обойтись без их согласия. Решение нужно было принять незамедлительно⁷⁸.

К герцогу Саксен-Вайссенфельскому один за другим было отправлено пять курьеров с призывом скорейшим образом вернуться в Дрезден. Ответа из Варшавы тоже пока не поступало. Отговариваясь невозможностью принять решение без приказа от короля или герцога Вайссенфельского, министры пытались использовать имеющееся время для подготовки Дрездена к обороне. В городе возводили баррикады, приводились в порядок укрепления и батареи, формировались отряды милиции. Однако сами члены Совета пребывали в полнейшей растерянности. Одно за другим проходили совещания, но, в отсутствие короля и главы Совета, министры не решились оказать сопротивление и подвергнуть свою страну опасности разорения. Наконец, признав неизбежность вторжения, министры, пока можно было рассчитывать на относительно мягкие условия, уступили силе, и утром 11 августа дали согласие на проход войск. От имени своего короля Винтерфельд гарантировал, что во время марша в войсках будет соблюдаться строжайшая дисциплина, а всё поставляемое продовольствие и фураж будут оплачены из прусской казны. Прусские войска должны были двигаться в обход Дрездена, а через саксонскую столицу вверх по Эльбе должен был проследовать лишь большой транспортный конвой под командованием генерал-майора Бонина. Спешно прибывший в Дрезден герцог Вайссенфельский попытался не допустить следования этого конвоя через саксонскую столицу, предложив лучшие дороги, но вынужден был уступить перед непреклонностью Винтерфельда. Для согласования деталей марша и снабжения прусских войск в штаб армии короля были направлены саксонские комиссары, а в Дрезден прибыл генерал—квартирмейстер армии Его Прусского Величества граф Шметтау, родной брат фельдмаршала. В личном письме Его Польскому Величеству от 20 августа, то есть, уже находясь на территории Саксонии, король Фридрих обещал, что 25 августа последний прусский солдат покинет территорию курфюршества.

⁷⁸ В 1756 году генерал Винтерфельд исполнил подобное деликатное поручение, когда сообщил членам семьи короля Августа о захвате Дрездена пруссаками. Эту сцену изобразил на одной из своих гравюр известный художник Менцель.

12 августа спешный курьер принёс в Дрезден известие о том, что прусский король поднял щит, а его войска перешли границу в районе Торгау и двигаются в южном направлении⁷⁹. Это были солдаты колонны генерала Калькштайна (Kalkstein) из корпуса короля, первыми вступившие на саксонскую землю. Через Гроссенхайн (Grossenhain) колонна проследовала в обход Дрездена по правому берегу Эльбы до Пирны. Там Калькштайн 22 августа переправился через реку, и двинулся к месту сбора войск корпуса короля у Петерсвальда. На расстоянии одного дневного марша за ним двигалась колонна маркграфа Карла, прибывшая 25 августа в Берггисхюбель (Berggiesshübel). Колонна генерала Врееха (Wreech), выступившая из районов Галле и Магдебурга, должна была двигаться через Лейпциг и Фрайберг (Freiberg) и через Готтлойбу (Gottleuba) и Либштадт (Liebstadt) 25-го войти в лагерь у Петерсвальда. 14 августа король Фридрих, в сопровождении братьев, принца Прусского и принца Генриха, покинул Потсдам и в Виттенберге присоединился к своим войскам. По пути его встретил саксонский штаб-офицер, отправленный герцогом Вайссенфельским приветствовать прусского короля, а в Пирне короля ожидал сам герцог. С ним у прусского монарха состоялась получасовая беседа у пирнского моста, в ходе которой герцог обещал сделать всё, чтобы облегчить марш прусских войск⁸⁰. Решение герцога было разумным. Если нельзя было предотвратить марш прусских войск через Саксонию, нужно было сделать, чтобы они скорее покинули её границы. Как напишет позже король: «Пока в Дрездене ворчали, в Варшаве неистовствовали, в Лондоне выжидали, а в Вене дрожали от страха, Король шёл к Пирне...».

Однако, наряду с радостными, в штаб-квартиру прусской армии поступали и тревожные новости. Король получил известие из Франкфурта о том, что принц Карл Лотарингский готовится к отступлению из Франции на защиту Богемии. Это сильно обеспокоило короля, который 13 августа написал принцу Леопольду: «Медлить с Прагой нельзя; если Лотарингский сегодня перешёл Рейн, 20 сентября он может уже находиться перед нами; необходимо любой ценой взять город; мы возьмём в плен гарнизон и обезопасим свои тылы». Несколько позже король получил известие о болезни Людовика XV в Меце, которая грозила парализовать операции французской армии, после чего ещё более ускорил марш, стремясь как можно скорее достичь Праги. Колонна Врееха получила приказ двигаться быстрее и прибыть к месту сбора двумя днями ранее намеченного срока вместе с колонной Калькштайна. Генерал выполнил приказ и обе колонны вечером 23-го прибыли к месту сбора между Петерсвальдом и Шёнвальдом (Schönwald, совр. Красный Лес). Лишь пехотный полк Герцберга, при котором находились 12-фунтовые орудия, и кирасирский полк Штилле (Stille) отстали от своих товарищей и вошли в лагерь только 25 августа. Во время марша в Берггисхюбеле король сформировал 4 гренадерских батальона, поступившими вместе с батальоном Била под командование генерал-майора фон Боссе (Bosse). К 25 августа войска корпуса короля, за исключением колонны маркграфа Карла, собрались у Петерсвальда уже на богемской территории. Северо-восточнее от них двигалась колонна принца Леопольда, который 16 августа собрал генералов и полковых командиров и зачитал им приказ короля о марше через Саксонию. Местом сбора был назначен саксонский город Циттау на границе с Богемией, куда войска, выступив из Пайца (Peitz) прибыли 22 августа.

Войска сильно устали после напряжённого марша. Некоторым полкам из отдалённых областей королевства за короткий срок пришлось проделать большое расстояние. Батальоны, выступившие 3 августа из Штеттина, прошли за 19 дней 48 миль (356 километров), а батальоны

⁷⁹ Термин «поднятие щита» (levée de bouclier (фр.) или Schilderhebung (нем.)) имеет несколько значений, одно из которых «начало войны».

⁸⁰ В ожидании войск короля, Шметтау и Винтерфельд подготовили четыре моста у Пирны, три из которых взялся возвести за 1 000 талеров один местный торговец. Недостающие 200 талеров были переданы герцогом Саксен-Вайссенфельским. За строительством наблюдал адъютант короля капитан фон Ольсниц. Также саксонская сторона помогла с транспортировкой осадной артиллерии, во время обмеления реки у Пирны предоставив суда с более высокой посадкой.

из Хамма (Hamm) – за 16 дней 42 мили (311 километров). Большой конвой из 500 судов под командованием Бонина ещё 10 августа покинул Магдебург и, не встречая препятствий с саксонской стороны, миновал Дрезден и Пирну и проследовал вверх по Эльбе к Лейтмерицу. Всё шло так, как задумал король. Прусские войска во время марша соблюдали порядок, за нарушение дисциплины было предписано строгое наказание. В случае выявления насильственных действий по отношению к местному населению солдат ожидала смерть, а офицеров – позор разжалования. В кабинет-приказе, изданном королём в Потсдаме 13 августа, значится, что ни в Саксонии, ни в Богемии не должно быть ни малейшего грабежа. В войсках поддерживался высокий моральный дух, а местное лютеранское население встречало пруссаков без всякой враждебности и даже доброжелательно. Для сбережения собственных припасов и экономя на их подвозе, прусские солдаты в Саксонии покупали продовольствие у местного населения, расплачиваясь наличными деньгами, для чего каждому были выданы, так называемые, «хлебные грóши». При закупках фуража и подвод выдавались расписки, которые потом были погашены из прусской казны, а сельских старост обязали докладывать о порядке в проходящих через их земли полках.

А. Менцель. Пехота на марше.

В то благословенное время война для жителей нейтральных территорий, через которые двигались войска, часто была хорошей возможностью заработать. Помимо централизованных закупок по полкам, у мест расквартирования частей организовывались рынки, где солдаты могли купить всё необходимое для походной жизни. Французская армия в южной Германии в 1741 году и русская армия в Польше в годы Семилетней войны представляют собой примеры подобного делового общения иностранного солдата с местными общинами. Но закупкой продовольствия у населения можно было обеспечить потребности армии лишь наполовину. Тогда герцог Вайссенфельский, исполняя обещание, данное им королю Фридриху у пирнского моста, распорядился открыть для нужд прусской армии саксонский магазин в Пирне и разрешил организовать в этом городе пекарню для снабжения войск корпуса короля. Теперь прусские войска в Богемии были обеспечены шестидневным запасом хлеба, которого должно было хватить до обустройства магазина в Лейтмерице.

Вообще, с саксонской стороны были приняты все меры, чтобы избежать неприятных случайностей. Любой выстрел, любая стычка патрулей могли спровоцировать конфликт. Поэтому в Дрездене предпочитали идти навстречу пожеланиям пруссаков и делать всё, чтобы они поско-

рее ушли. Со своей стороны, прусское командование поддерживало в армии образцовую дисциплину. Она удостоилась похвалы даже самого хозяина этих мест, курфюрста и польского короля Августа, который поблагодарил короля Фридриха за поддержание порядка в войсках. Прусский король был не менее любезен, отправив герцогу Вайссенфельскому письмо с извинениями, что колонна маркграфа Карла увезла саксонские упряжки дальше, чем было оговорено. Порядок, поддерживаемый в прусской армии, настолько поразил посланника императора Карла VII в Дрездене, что тот сравнил прусских солдат с монахами-капуцинами, с той лишь разницей, что монахи получали свой хлеб даром, а солдаты за него платили.

Однако эти комплименты и любезности не могли обмануть ни одну из сторон. Позже, в «Истории моего времени», король Фридрих напишет, что, стоило ему только захотеть, он мог бы захватить Саксонию за восемь дней. В окружении короля даже звучали советы не останавливаться на полпути и полностью разоружить саксонскую армию. Однако король не рискнул прибегнуть к насилию. В то время он не рассматривал Саксонию в качестве противника, надеясь, что успешная война против Австрии привлечёт короля Августа в лагерь союзников Франции. «Брюль ворчит, – как писал король герцогу Ноайлю из лагеря у Петерсвальда, – но я уверен, что если император ему кое-что предложит, он будет у него в кармане». Время показало, что король ошибался, и через десять лет, при планировании войны против Австрии, он учтёт этот печальный опыт. Как только последний прусский солдат пересёк границу, в Саксонии началась мобилизация. После получения приказа от короля Августа из Варшавы армия была переведена на военные штаты, а войска начали собираться в четырёх лагерях – у Пирны, Фрайберга, Хемница (Chemnitz) и Цвиккау (Zwickau). Впрочем, мобилизационные мероприятия (организация магазинов, пополнение частей, закупка лошадей, подготовка артиллерии и многое другое) должны были занять несколько месяцев, так что пока саксонские войска не оказывали никакого сопротивления и не мешали маршу прусской армии. Предупредительность герцога Вайссенфельского также не должна вводить в заблуждение, так как саксонское руководство, не имея возможности препятствовать проходу прусских войск, было крайне заинтересовано в том, чтобы они как можно быстрее покинули территорию курфюршества. Король Август и его министры более всего боялись, что Саксония попадёт между молотом и наковальней и станет ареной борьбы, в результате чего будет разорена и опустошена.

Операция прусских войск в Саксонии с юридической точки зрения не являлась нарушением имперских законов. С разрешения императора или имперских округов и при соблюдении порядка, войска могли входить на земли нейтральных имперских князей и сословий. Однако, при соблюдении буквы закона, дух его в данном случае оказался совершенно выхолощен, что вызвало в Империи волну возмущения демаршем прусского короля. Германский князь, вероломно нарушивший заключённый ранее договор, выступил на стороне Франции – этого заклятого врага всех добрых немцев – и дискредитировавшего себя императора, которого многие в Империи расценивали как французского клиента, чем помешал возвращению в состав Империи исконных германских провинций Эльзаса и Лотарингии. Если прибавить, что выступление прусского короля сопровождалось оскорбительным посягательством на суверенитет одного из родовитейших Домов Империи, саксонских Веттинов, то возмущение германских патриотов выглядит вполне обоснованным.

Но с военной точки зрения операция полностью оправдалась. Король вновь нанёс удар в то время и в том месте, где этого никто не ожидал. Кампания близилась к концу и быстрая мобилизация с последующим выступлением прусских войск стали совершенной неожиданностью для дрезденского двора. Даже если бы приказы были отданы немедленно, первые части саксонской армии могли быть готовы к боевым действиям лишь спустя несколько недель. Кроме того, для успокоения горячих голов при дрезденском дворе, король оставил в старых провинциях прусского королевства наблюдательный корпус во главе со старым князем Дессауским. Таким образом, вместе с пряником в виде заманчивых предложений, король Фри-

дрых использовал корпус князя Дессауского в качестве кнута, занесённого над самым дорогим сокровищем курсаксонской короны – городом Лейпцигом. Эта угроза призвана была удержать саксонский двор от опрометчивых шагов.

Особое внимание следует уделить скорости проведения операции. Марш прусской армии был исполнен с неукоснительной точностью. В краткие сроки и в превосходном порядке около 60 000 пруссаков прошли через Саксонию и заняли лагеря на богемской территории. 26 августа, в точности как обещал король Фридрих Егo Польскому Величеству, на территории Саксонии не осталось ни одного прусского солдата. При этом важнейшее значение имело использование реки для перевозки грузов. Сила ветра и течения с успехом заменяла труд десятков и сотен тягловых животных и не требовала огромных расходов на закупку скота и фуража. Примеры использования рек – этих железных дорог прошлого – для перемещения больших грузов и даже целых армейских корпусов часто встречаются в описаниях кампаний того времени. В 1741 году французы по Дунаю перевезли значительные силы и большие запасы непосредственно в Линц, а затем активно использовали в тех же целях каналы во время фландрских кампаний, да и сам король Фридрих умело воспользовался Одером при занятии Силезии в 1740 году. На этот раз река Эльба оказалась незаменимой при проведении данной операции. Следующие по реке 500 судов Бонина избавили армию от необходимости везти с собой огромный обоз, что существенно увеличило скорость марша. Принимая во внимание соревнование во времени с принцем Карлом Лотарингским, это обстоятельство стало решающим.

Одновременно с Валленродом и Винтерфельдом граф Дона должен был объявить в Вене о предстоящем вторжении прусских войск в Богемию. 3 августа Дона получил приказ из Берлина объявить венскому двору об отправке прусских вспомогательных войск для императора Карла VII и передать декларацию. Однако сделать это он должен был не ранее 6 августа, чтобы австрийское министерство не успело принять соответствующие меры. 7 августа Дона получил прощальную аудиенцию у Марии-Терезии, а утром 8-го на конференции зачитал новому австрийскому канцлеру Ульфелдту текст декларации. В ней король Фридрих объявлял, что, так как все его прежние усилия по достижению мира в Империи и поддержке императорского достоинства оказались напрасными, он заключил Унию с влиятельнейшими из имперских князей, а также, что долг перед Империей и императором велит ему передать императору Карлу VII часть прусских войск. При этом прусский король не был намерен вмешиваться в распри австрийского двора с другими державами, которые не касаются Империи. Почти одновременно, 10 августа, в Берлине иностранным министрам было вручено «Экспозе мотивов...», в котором подчёркивалось, что король Фридрих не имеет в этом собственного интереса, а движим лишь желанием восстановить спокойствие в Империи⁸¹. Покончив со своим заданием, граф Дона испросил отпуск для поездки в Штуттгарт. Австрийский посланник в Берлине граф Розенберг ещё в начале июля взял отпуск и отбыл в Москву, но окончательно дипломатические отношения между Австрией и Пруссией прервались лишь в сентябре с отъездом из Берлина австрийского поверенного в делах, после чего из Вены был также отозван прусский легационный секретарь.

Несмотря на почти ежедневные известия о военных приготовлениях со стороны Пруссии, многие высокопоставленные лица в Вене не верили, что король Фридрих нарушит Бреславльский договор. О начале военных приготовлений Пруссии стало известно очень скоро, но в Европе терялись в догадках относительно целей задуманного предприятия. Если отбросить самые экзотические предположения, среди которых поход в Польшу⁸² или в Голштинию, то наиболее вероятным казалось намерение короля двинуть армию в область Миндена или Маг-

---

⁸¹ «Экспозе мотивов...», как и все манифесты короля Фридриха, был анонимным, а король упоминался в третьем лице. Этот метод составления манифестов был позаимствован королём из Франции.

⁸² Слухи о намерении короля Фридриха атаковать Польшу распространились из Дрездена с целью представить Пруссию агрессором и возбудить по отношению к ней опасения со стороны России.

дебурга и, угрожая оттуда Ганноверу и даже Голландии, с позиции силы потребовать уважения прав императора Карла VII. Заключение Франкфуртской Унии ещё более упрочило европейские дворы в этом мнении. Однако сразу после заключения Франкфуртской Унии и договора короля Фридриха с императором Карлом VII к принцу Карлу Лотарингскому прибыл генерал Дегенфельд (Degenfeld) и сообщил ему о согласии императора передать королю Фридриху три богемских округа, за что тот обязался до середины июля вторгнуться в Богемию. Также прусский посланник в Гааге молодой граф Подевилль сообщил в Берлин об услышанном 1 июля разговоре между иностранными дипломатами, в котором австрийский посланник высказал сомнение, что военные приготовления прусского короля направлены против Австрии. Но далее посланник заявлял, что «если это произойдёт, то сначала Королеве будет нанесён тяжелейший удар, но затем у неё появится возможность вернуть прекраснейшую провинцию».

Подтверждения о подготовке прусской армии к наступлению в Богемии поступали с разных сторон, но при венском дворе не были склонны им доверять. Некоторые даже предполагали, что эти слухи намеренно распускались прусской стороной, чтобы угрозой нападения склонить Марию-Терезию к уступкам в Баварии. Сама Мария-Терезия ещё в июне заявляла, что не хочет и не может верить в возможность нападения Пруссии, а её главный советник и министр барон Бартенштейн до последней минуты считал, что «пока дела Королевы идут хорошо, король Пруссии не осмелится ничего предпринять; и напротив, если они пойдут плохо и на Рейне потерпят поражение, то неминуемо придётся иметь с ним дело» (из письма Великому герцогу Тосканскому Францу-Стефану от 30 июля). Впрочем, Бартенштейн считал, что с таким соседом, как король прусский, надо всегда быть настороже, и предполагал, что целью нападения будет Венгрия, на что указывали наличие там многочисленных прусских агентов, связи Пруссии с Османской империей, а также испытанного в Силезии ресурса в виде лояльного к Пруссии протестантского населения.

Такая уверенность австрийского двора в безопасности своих владений основывалась на предположении, что война может прийти только из Силезии, так как только там имелась общая граница с владениями прусской короны. Но находившихся в этой провинции прусских войск было явно недостаточно для успешного наступления. Кроме того, приближалась осень, а с ней и закрытие горных перевалов на границе, что значительно усложняло проведение не только широкого наступления, но даже небольшой операции. Главные прусские силы собирались в старых провинциях, которые были отделены от Богемии нейтральной Саксонией. Даже если в Вене кому-нибудь пришла бы в голову мысль, что король Фридрих собирается нарушить нейтралитет одного из влиятельнейших князей Империи, это опасение было бы успокоено уверенностью, что сопротивление саксонских войск сможет задержать прусского короля до наступления холодов. «Из его донесений, – писала Мария-Терезия о фельдмаршале графе фон Трауне (Traun), ставшему после смерти Кевенхюллера правой рукой принца Лотарингского, – я вижу, что Он очень опасается Пруссии. Это действительно очень опасный враг; однако Господь будет помогать нам и дальше, как помогал прежде». Поэтому, узнав, что пруссаки беспрепятственно прошли через Саксонию, венский двор пришёл в большое замешательство, обвинив Его Польское Величество в малодушии. Эти настроения быстро передались народу.

Известие о предстоящем нападении пруссаков вызвало настолько бурную реакцию среди жителей Вены, что прусский посол вынужден был всерьёз опасаться за свою жизнь, а к его дому была выставлена охрана, чтобы защитить графа Дона от расправы толпы. Поразительно, как изменились настроения населения за последние три года. Если осенью 1741 года жители Австрии приветствовали Карла-Альбрехта Баварского как своего законного сюзерена, а молодая наследница вызывала лишь сожаление, то после неожиданных и решительных побед австрийского оружия имя Марии-Терезии стало девизом, с помощью одной чудесной силы которого, казалось, можно было добиваться успехов там, где недавно виделись лишь горести и неудачи. Несчастливая принцесса, покинутая своими генералами (Шметтау, Секендорф) и союз-

никами (Великобритания, Саксония, Россия), она была обречена быть погребённой под обломками некогда могущественного дома Габсбургов, но неожиданно для всех её враги разом были повержены, а сама она предстала перед своими подданными и друзьями в образе хранимой Богом защитницы земель своих предков. Настоящий символ монархии!

И теперь, получив известие о новой опасности, Мария-Терезия сохраняла спокойствие. Положение её было несравнимо лучше, чем четыре года назад, когда король Фридрих пересёк границу Силезии. Тогда её казна была пуста, войска состояли из рекрутов, генералы были ненадёжны, а министры немощны и безвольны. Тогда, выступая на венгерском сейме с младенцем Иосифом на руках, она была подобна Деве Марии, молящей о защите от окружавших её врагов. И тогда она получила эту помощь. Сейчас всё было иначе. Три года испытаний закалили молодую королеву, придали мужества её солдатам и генералам. Теперь она была окружена опытными советниками и, видя возрождение прежнего величия Габсбургского дома, к ней вернулись союзники и друзья. Австрийский дипломат в Гааге был прав. Если бы Австрия смогла выдержать первый страшный удар, результаты войны не казались настолько очевидными, и при удачном ходе военных действий можно было бы рассчитывать на возвращение того, что прежде казалось безвозвратно потерянным – богатой Силезии. Выслушав выступление графа Дона, Мария-Терезия после совещания с министрами распорядилась составить ответ. В нём было заявлено, что прусский король уже в третий раз нарушает договор, а его заявление о бескорыстности данного предприятия, нацеленного лишь на оказание помощи обездоленному императору, насквозь фальшиво, так как он должен был получить богемские округа и оставшуюся у австрийцев часть Силезии. В доказательство, к этому документу была приложена сепаратная статья договора об Унии, касавшаяся уступки этих территорий. Адресатом данной публикации было германское общественное мнение, а цель – ещё более дискредитировать прусского короля и императора Карла VII.

Наряду с обращением к общественному мнению, австрийское министерство также обратилось к союзникам. После того, как субсидии, выплаченные морскими державами в предыдущем году, иссякли, Васнер в Лондоне весной 1744 года обратился за финансовой помощью к королю Георгу, заявив, что Австрия ради общего дела содержит в Германии, Нидерландах и Италии 170 000 солдат и не может одна нести связанные с этим издержки. Переговоры эти, вследствие затруднений союзников после неудачной кампании в Нидерландах, долгое время не приносили результата. Но когда в самый разгар наступления принца Карла Лотарингского через Рейн Васнер представил лорду Картерету меморандум, в котором были затребованы значительные средства для продолжения этого наступления, английский министр был вынужден дать согласие на выплату 150 000 фунтов стерлингов. После подписания субсидной конвенции, но перед её ратификацией, в Лондоне стало известно о вторжении короля Фридриха в Богемию и условия конвенции были изменены. Не имея возможности помочь войсками, Англия попыталась решить проблему помощи союзнику привычными финансовыми инструментами. Теперь из обещанных 150 000 фунтов Австрия должна была передать 50 000 фунтов Саксонии, а на остальные средства провести набор 40 000 солдат, из которых 20 000 выставить против Франции. Саксония обязалась выставить корпус в 20 000 человек и присоединить его к австрийской армии в Богемии⁸³. Это вполне соответствовало австро-саксонскому договору, по расширенным условиям которого (13 мая 1744 года) король Август, в случае атаки на наследные земли, обязан был предоставить Марии-Терезии помощь в 20 000 человек⁸⁴. Кроме того,

⁸³ Хотя на субсидной конвенции значится дата 11 августа, она была подписана только в ноябре 1744 года. Это связано с тем, что во время поступления известия о вторжении короля Фридриха конвенция была уже готова к подписанию. После этого в неё были внесены соответствующие изменения, но дату было решено оставить прежней.

⁸⁴ Английские министры также не предполагали, что король Фридрих решится нарушить нейтралитет Саксонии, и рассчитывали, что австро-саксонские войска смогут отразить прусское вторжение из Силезии без помощи армии принца Карла, которая была необходима Лондону для действий против Франции. Узнав о движении прусских войск через Саксонию, пре-

граф Розенберг в Петербурге получил приказ просить императрицу Елизавету о поставке вспомогательного корпуса на основании договора 1726 года, впрочем, безрезультатно. В России ещё не забыли о «деле Ботты», а императрица Елизавета заявила, что не считает себя связанной обязательствами по этому договору с Австрией.

Вместе с поисками внешней поддержки, венский двор использовал и внутренние ресурсы. Собственные финансовые возможности были близки к исчерпанию и теперь помощь должны были предоставить те, кто уже один раз доказал свою преданность короне. Венгрия опять, как и в 1741 году, должна была дать солдат, тем более что боевые качества венгерских войск постоянно улучшались. Принц Карл Лотарингский в последнее время расточал похвалы в адрес венгров. 30 марта 1744 года из Вены в Пресбург уже был отправлен рескрипт о проведении рекрутского набора в венгерских землях, но эта попытка была неудачной. Комитаты либо соглашались поставить солдат лишь для службы на территории венгерского королевства, либо же вообще обошли этот запрос молчанием. После того, как стало понятно, что только исключительные меры способны побудить венгров дать войска, Мария-Терезия приняла решение вновь выступить на сейме с призывом о помощи. 10 августа она отправилась в Пресбург, где предстала перед спешно собранным дворянским собранием. В результате переговоров с магнатами помощь была обещана, пусть и в обмен на налоговые послабления. В порыве энтузиазма венгерские комитаты обещали выставить вдвое больше войск, чем при наборе 1741 года, но это было лишь последствием всеобщей эйфории. Уже в день отъезда Марии-Терезии из Пресбурга 22 августа венецианский посланник Контарини (Contarini) писал, что её поездка оказалась не столь успешной, как того ожидали в Вене. Несмотря на то, что венгры обещали выставить 30 000 человек за три недели, в действительности нужно было ожидать не более 20 000 человек. Хотя войска были плохо вооружены и обучены, но это уже была значительная помощь. Однако венгерское ополчение, саксонский вспомогательный корпус и английские гиней пока существовали лишь на бумаге. До появления этих войск на богемских полях, а денег – в австрийской казне, должно было пройти время, а пока провинции Богемия и Моравия были почти беззащитны перед прусским вторжением.

мьер-министр Генри Пелэм (Pelham) 26 августа писал своему брату герцогу Ньюкаслскому: «Дали 150 000 фунтов, чтобы удержать принца в Эльзасе, а он ушёл прежде, чем венский двор смог получить эти деньги, но уже после того, как мы их заплатили».

А. Менцель. Мария-Терезия с маленьким сыном Иосифом на руках перед венгерскими дворянами на сейме в Пресбурге.

Полевых регулярных войск в этих провинциях не было. Из регулярных войск в гарнизоне Праги находилось 9 рот, в гарнизонах Эгера и Кёниггреца – по 1 батальону. В Моравии гарнизон Ольмюца насчитывал около 5 000 человек, гарнизон Брюнна – около 4 000 человек⁸⁵. Кроме того, в Венгрии и Австрии находилось ещё 10 батальонов и 6 эскадронов. Помимо регулярных войск, в Богемии и Моравии находилось значительное количество ландмилиции (в Богемии около 10 000 человек), приказ к образованию которой был издан в январе 1744 года. За крайним недостатком регулярных войск, ландмилиция была использована для усиления гарнизонов, а также для несения службы на границе, в особенности, на горных её участках, где на дорогах были образованы завалы и засеки и поставлены посты. Из полевых войск на всём протяжении от Рейна до Вены имелось лишь около 25 000 человек в Верхнем Пфальце под командованием генерала от кавалерии графа Баттяни (Batthyányi). Однако этих войск было совершенно недостаточно для отражения прусского наступления.

Главные и лучшие силы австрийской армии, около 70 000 человек во главе с принцем Карлом, находились в это время за Рейном, готовясь к боям за Лотарингию. Австрийское командование до последней возможности противилось возвращению армии принца от Рейна. Понимая невозможность одновременно вести боевые действия в Лотарингии и Богемии, в Вене были готовы примириться с Францией, и армия на Рейне могла быть веским аргументом на этих переговорах⁸⁶. Наступающие войска прусского короля хотели сдержать одними лишь вой-

⁸⁵ Гарнизоны: Праги (ген-фельдвахм. граф Гарш (Harsch)): 1 грен. и 8 фузил. рот пех. полка Огилви (O'Gilvy), неск. рот ландмилиции; Эгера (полк. граф Коловрат): 1 бат. пех. полка Шуленбурга; Кёниггреца: 1 бат. пех. полка Шуленбурга; Ольмюца (ген-майор барон фон Кейль (Kheul)): 1 бат. пех. полка Огилви (589 чел.), 1 бат. пех. полка Тюнгена (Thüngen) (503 чел.), 2 бат. пех. полка Баден-Баденского (Baden-Baden) (1 164 чел.), 25 рот ландмилиции (3 021 чел.), всего 5 277 чел.; Брюнна (ген-майор барон фон Терци (Terzy)): 11 рот пех. полка Тюнгена (969 чел.), 5 рот пех. полка Баден-Баденского (464 чел.), 2 фрайроты (193 чел.), 16 рот ландмилиции (1 967 чел.), 2 роты воор. горожан (589 чел.), итого: 4 182 чел.

⁸⁶ 12 августа саксонский посланник в Вене граф Бюнау сообщил министру Брюлю, что австрийская сторона через Франкфурт уже сделала первые мирные предложения Франции и даже выразила готовность вернуть Баварию императору Карлу.

сками Баттjани и саксонским вспомогательным корпусом. Однако надеждам на мир с Францией не суждено было сбыться. В Лондоне были решительно настроены к продолжению войны против истонного врага, и сепаратный выход из войны с Францией означал бы для Австрии прекращение выплат английских субсидий, без которых венский двор не смог бы выдержать новую войну с прусским королём. Готовность Франции к миру теперь также вызывала сомнения, так как уже распространились слухи о некоторых обязательствах, принятых Версалем по отношению к Берлину. Кроме того, саксонские войска, о чём заявил в Дрездене герцог Вайссенфельский, могли прийти на помощь королеве Марии-Терезии не раньше, чем через 3–4 недели. Принимая во внимание все эти обстоятельства, в Вене прекратили колебания и решили немедленно вернуть армию принца Карла Лотарингского в Богемию. Мария-Терезия ещё раньше сообщила принцу о возможности нападения со стороны прусского короля, считая, впрочем, это маловероятным. Но если это произойдёт, продолжала королева, необходимо было сосредоточить против него все силы и ограничиться на всех прочих направлениях лишь обороной. О ревизии статей Бреславльского мира в случае нарушения его королём Фридрихом открыто пока не говорилось, но, во всяком случае, это уже подразумевалось. Поэтому, когда известие о движении прусских войск через Саксонию положило конец всяким сомнениям, принцу Карлу был отправлен приказ быстрым маршем вернуться в Богемию.

Для австрийской монархии наступил момент истины. Из всех противников король Фридрих, несомненно, был наиболее опасным, но победа над ним открывала новые возможности. После нарушения Бреславльского мира закреплённый в нём отказ австрийской короны от Силезии и Глаца также становился недействительным. Восстановление герцогства Лотарингии или возвращение под скипетр Габсбургов Неаполитанского королевства всё больше становилось несбыточной иллюзией. Поиск компенсации был вынужденным решением, осложнённым необходимостью учитывать интересы внешних игроков. Короля Сардинии, который всеми силами противился возвращению Неаполя Австрийскому дому или Августа Польского, который приходился тестем неаполитанскому королю и принимал живое участие в его судьбе. Кроме того, при всех внутренних проблемах, Франция обладала гигантским запасом прочности, а стены «железного пояса» Вобана по-прежнему надёжно защищали внутренние пределы королевства. Но теперь, после возвращения в войну короля Фридриха, в Вене не скрывали, что постараются не только изгнать неприятеля из Богемии и вернуть Силезию и Глац, но даже лишить зарвавшегося прусского монарха части его старых владений. 22 августа 1744 года Франц-Стефан написал брату, что «было бы великолепно, если бы удалось раздавить этого дьявола одним ударом и навсегда обезопасить нас от него... Сам Бог, кажется, устраивает всё таким образом, чтобы хорошенько наказать того, кто стал причиной стольких несчастий».

На следующий день Мария-Терезия отдала принцу Карлу приказ начать отступление из Франции. Но австрийский полководец, будучи извещён графом Баттjани о наступлении прусской армии, ещё 20 августа собрал военный совет, на котором было принято единодушное решение о возвращении за Рейн. Подводя итог этого совещания, фельдмаршал Траун рассудительно отметил, что сейчас главной задачей является сохранение армии, от которой зависит судьба австрийской монархии, и отступление без потерь в сложившихся условиях будет лучше выигранного сражения. Однако исполнить это решение было непросто. На помощь французской армии маршала Куаньи двигались большие силы во главе с маршалом Ноайлем и самим королём Людовиком, отправленные из Фландрии на защиту Лотарингии. Австрийская армия должна была отступать через реку на виду у противника, что грозило обернуться тяжёлым поражением. Необходимо было действовать очень быстро. И здесь принцу Карлу помогло событие, столь же счастливое для австрийцев, сколь печальное для французов. По прибытии в Мец король Людовик был сражён тяжёлой болезнью, которая едва не свела его в могилу⁸⁷.

⁸⁷ Тяжёлая болезнь короля Людовика вызвала сильные переживания и тревогу в народе, и после выздоровления француз-

Это обстоятельство сильно замедлило французское наступление и позволило принцу Карлу почти беспрепятственно осуществить переправу на глазах у французов. К утру 24 августа вся австрийская армия находилась на правом берегу Рейна, и готовилась быстрым маршем двинуться на помощь Праге.

Король Франции Людовик XV (1710–1774). После выздоровления от этой тяжёлой болезни получил прозвище «Возлюбленный».

ский монарх стал именоваться «Возлюбленный» (Le Bien Aimé).

Известие о болезни французского короля и медлительность французских войск, как уже упоминалось выше, вызвали сильное беспокойство короля Фридриха, войска которого в это время двигались маршем через Саксонию. Но ещё большее опасение вызвало у прусского монарха известие о беспрепятственном возвращении австрийской армии за Рейн, полученное им из Меца от графа Шметтау. После того, как прусские войска покинули территорию Саксонии, корреспонденция направлялась обходными путями, что занимало больше времени. Поэтому письмо с неприятным известием король получил лишь 30 августа, когда колонны армии принца Лотарингского уже маршировали по швабским дорогам. Король понимал, что если пруссаки не успеют взять город до подхода австрийской армии, кампания будет безвозвратно потеряна. Даже проиграв сражение, австрийцы смогли бы снабдить Прагу всем необходимым для длительной обороны. План кампании и, быть может, всей войны был под угрозой. 31 августа король написал ряд писем, в которых дал волю своему раздражению. В ответном письме графу Шметтау он потребовал подать жалобу королю Людовику на маршала Ноайля, который, по мнению короля, позволил австрийцам выскользнуть из ловушки. В письме к французскому королю он призывал вспомнить о союзническом долге и выполнять взятые на себя обещания. Французский посол Валори также получил очередную порцию горьких насмешек. «Мой большой Валори⁸⁸, – писал король, – мы берём Прагу, а ваши французы занимаются глупостями».

В это время Шметтау в Меце извергал огонь и молнии, требуя сместить Ноайля и поставить на его место другого генерала, к примеру, герцога Бель-Иля. Разумеется, эти обвинения быстро стали известны Ноайлю, который ответил прусскому королю, что французская армия честно выполняет все обязательства и не потеряла напрасно ни единого дня. Оскорблённый Ноайль даже позволил себе колкость по отношению к Его Прусскому Величеству. Он заявил, что неосторожно рассуждать о деталях военных операций, находясь на таком большом расстоянии, тогда как сам он имеет за плечами 52-летний опыт службы, который позволяет отличить полезные военные планы от пустых фантазий. Однако одно было неоспоримо – армия принца Карла, освободившись от французов, быстрыми маршами шла к Праге. Утром 24 августа, сжигая за собой мосты, последние австрийские солдаты перешли Рейн, а уже 10 сентября армия была в Донаувёрте (Donauwörth), откуда принц Карл отправился в Вену, передав командование фельдмаршалу Трауну. Покидая Переднюю Австрию, принц Карл укрепил Фрайбург, оставив там сильный гарнизон и достаточное количество припасов. Фрайбург был важной крепостью, которая служила опорным пунктом для операций на французской границе, и с его потерей линия снабжения действующей на Рейне австрийской армии значительно удлинялась. В Баварии Траун оставил около 20 000 человек под командованием фельдмаршал-лейтенанта Бернклау (Bärnklaus), и через Вальдмюнхен (Waldmünchen) 2 октября привёл армию в богемский Миротиц (Mírotitz), где его ожидал граф Баттани⁸⁹. За 40 дней марша австрийские солдаты прошли около 650 километров, в среднем, более 16 километров в день. С учётом дней отдыха, скорость марша армии принца Карла составляла более 20 километров в день на протяжении более месяца, что является выдающимся достижением, особенно, если принять во внимание, что марш сильно затрудняли большой обоз и непрекращающиеся дожди. Стоит ли говорить, что после такого тяжёлого перехода армия была сильно ослаблена и нуждалась в отдыхе и пополнении, тем более что положение в Богемии уже сильно изменилось.

⁸⁸ Король Фридрих часто позволял себе иронически-грубое обращение с французским посланником в Берлине Валори, награждая его, среди прочего, такими сомнительными эпитетами, как «большой» или «толстый». Вместе с тем, посмеиваясь над маркизом, король искренне испытывал к Валори тёплые чувства и никогда не забывал, что перед ним боевой офицер.

⁸⁹ См. Приложение № 4.

Фельдмаршал Траун (1667–1748). Один из лучших полководцев Марии-Терезии.

В то время, когда принц Карл привёл всю Европу в восхищение своей переправой через Рейн, прусские войска уже покидали пределы Саксонии. Не встретив ни малейшего препятствия, войска колонн Калькштайна и Врееха из корпуса короля пересекли территорию курфюршества и 25 августа заняли лагерь у Петерсвальда, где король разместил свою штаб-квартиру. Оттуда он распорядился издать «Патент к жителям Богемии» (Patent an die Einwohner von Böhmen) на немецком и чешском языках. В патенте сообщалось, что прусский король, как курфюрст Бранденбургский, передал часть своих войск императору Карлу VII в качестве вспомогательных для восстановления авторитета и достоинства императора, а также всеобщего мира и спокойствия в Германии. Жителям была обещана безопасность и уважение их прав, но и грозило строгое наказание в случае оказания сопротивления. Не теряя времени, на следующее утро войска двинулись дальше и после дневного марша встали лагерем в 8 километрах от Ауссига, тогда как авангард продвинулся до Лобозица⁹⁰. Квартирмейстер Шметтау получил приказ, двигаясь впереди на расстоянии одного перехода, подготовить места для лагерей и собрать продовольствие для войск корпуса короля. Двигаясь на той же дистанции позади войск короля, маркграф Карл в тот же день прибыл в Шёнвальд. Под непрерывным проливным дождём прусские солдаты двигались по старой военной дороге на Пашкополе через Лобозиц к Будину (Budin, совр. Будыне над Огржи), который был первой целью марша. Здесь 29 августа король Фридрих разбил лагерь, куда 30 августа вошли войска из колонны маркграфа Карла. Таким образом, в лагере у Будина собрался весь корпус короля. Прусский авангард продвинулся до Вельварна (Welwarn, совр. Вельвары). Именно из лагеря у Будина король Фридрих написал резкие письма во Францию, призывая к исполнению союзнического долга.

---

⁹⁰ Грен. бат. Веделя (Wedell) и Будденброка (Buddenbrock) под командованием ген-майора графа фон Шметтау, младшего брата фельдмаршала, и гус. полки Цитена, Рюша (Ruesch) и Брониковского (Bronikowski) под командованием ген-майора фон Дьёри.

В эти дни произошло первое значительное полевое столкновение между прусскими и австрийскими войсками. Один из командиров прусского авангарда, генерал-майор Дьёри, получив донесение об обустройстве противником пекарни в Шлане (Schlan, совр. Слани) и закладке мучного магазина в Берауне (Beraun, совр. Бероун), отправил полковника Цитена с 1 300 гусар с приказом выбить противника из Шлана. Цитен блестящим образом выполнил задание. На рассвете 29 августа он напал на отряд австрийских гусар, рассеял его и взял в плен 40–50 человек и столько же лошадей, потеряв при этом лишь 1 человека убитым и 13 ранеными. Пленные были отправлены к королю в Будин, в качестве первых военных трофеев этой войны. В лагере у Будина король оставался два дня, ожидая подхода конвоя Бонина, который задержался у замка Течен (Tetschen, совр. Дечин). 1 сентября войска корпуса короля в четырёх маршевых колоннах выступили из лагеря у Будина и, через Минковиц (Minkowitz, совр. Миковице), 2 сентября прибыли к Праге, где встали лагерем западнее города у Белой Горы. Несмотря на трудности марша, прусские войска сохраняли превосходную дисциплину, а случаев дезертирства почти не было.

Пока король Фридрих двигался к Праге южнее Эльбы, наследный принц Ангальт-Дессауский направлялся к богемской столице по северному берегу этой реки. 24 августа войска корпуса принца Леопольда выступили из Циттау и 26-го прибыли в Бёмиш-Айха (Böhmisch-Aicha, совр. Чески Дуб). В тот же день авангард под командованием младшего брата принца, генерал-майора Морица Ангальт-Дессауского, вошёл в Либенау (Liebenau, совр. Годковице над Могелкой)⁹¹. С войсками двигался внушительный обоз с припасами для организации магазина в Брандайзе, а также большое количество лошадей для упряжек Бонина, которые должны были доставить по суше из Лейтмерица к Праге осадный парк. Однако Бонин, благополучно пройдя Дрезден, вынужден был остановиться, едва миновав богемскую границу. Неожиданная задержка была вызвана известием, что небольшой гарнизон приграничного замка Течен, контролировавшего этот участок Эльбы, при помощи брёвен, камней и затопленных лодок преградил течение реки, сделав невозможным дальнейшее следование конвоя Бонина. Узнав об этом ещё 22 августа, король направил принцу Леопольду приказ срочно разблокировать реку⁹². Время было дорогое, а тяжёлая артиллерия была необходима для осады Праги.

---

⁹¹ 5 грен. бат. и 3 эск. драг. полка Нассау (Nassau). Грен. бат. Кальбуца (Kahlbutz), Сент-Сурина (St-Surin), Грумбкова (Grumbkow), Лепеля (Lepel) и Зюдова (Sydow).

⁹² В это время войска короля находились ближе к Течену, но замок располагается на правом берегу Эльбы, поэтому захватить его и освободить течение реки можно было только со стороны принца Леопольда.

Теченский замок сегодня. На этом участке Эльбы была устроена запруда (фото автора, 2022 год).

Получив приказ, принц вынужден был вернуть к Течену подполковника Кальбуца с его гренадерским батальоном, который прибыл к замку утром 27 августа и потребовал сдачи гарнизона. Не имея артиллерии, Кальбуц пошёл на хитрость и распорядился соорудить из брёвен подобия артиллерийских орудий, которые выглядели настолько убедительно, что австрийский комендант согласился на капитуляцию. Вместе с комендантом в плен было взято более 90 человек гарнизона, после чего, при помощи около 600 рабочих из числа местных жителей, запруда на реке была разобрана. На следующий день судоходство по Эльбе было восстановлено и Бонин смог продолжить путь к Лейтмерицу. В Течене был оставлен гарнизон из 120 человек из полка Бонина, а подполковник Кальбуц двинулся к Лейтмерицу вдоль Эльбы, на случай, если противник попытается перекрыть течение реки в других местах. Но неприятных сюрпризов более не произошло, и 1 сентября конвой Бонина прибыл в Лейтмериц, где осадный парк был выгружен и на собранных к тому времени упряжках направлен к Праге. В городе был заложен магазин и размещён гарнизон в составе гренадерского батальона Штангена (Stangen)⁹³ из колонны Бонина. Тем временем, войска наследного принца через Мюнхенгретц (Münchengrätz, совр. Мнихово Градиште) и Юнг-Бунцлау (Jung-Bunzlau, совр. Млада Болеслав) 1 сентября вошли в Брандайз, откуда принц сообщил королю Фридриху о своём прибытии под Прагу. Для защиты линии снабжения по пути следования своего корпуса принц оставил два батальона и пять эскадронов этапных войск⁹⁴. Из Юнг-Бунцлау наследный принц выехал на встречу со Швериним, войска которого уже находились на другом берегу Эльбы, в Брандайзе.

⁹³ Грен. бат. Штангена был образован из грен. рот полков Принца Леопольда и Принца Фердинанда.

⁹⁴ В Бёмиш-Айха – 2-й бат. полка Брауншвейгского, в Мюнхенгретце и Бенатеке – по 2 эск. драг. полка Альт-Вюртембергского, в Юнг-Бунцлау – 1 эск. драг. полка Альт-Вюртембергского и 1-й бат. полка Брауншвейгского.

Фельдмаршал Шверин первым прибыл к Праге. После того, как основные силы его корпуса 15 августа пересекли богемскую границу, они, через Браунау, Наход и Яромирж, 20 августа заняли незащищённый Кёниггрец. Здесь войска вынуждены были задержаться до 24 августа, ожидая прибытия обоза, медленно продвигавшегося вперёд по размытым ливнями дорогам. 23 августа фельдмаршал с частью войск двинулся к Пардубиц, где, вместе с генерал-майором Вальравом, осмотрел укрепления замка, состояние которых он нашёл неудовлетворительным. Фельдмаршал распорядился оставить часть пионеров для восстановления укреплений замка, а также разместить в Пардубиц и Кёниггреце гарнизоны⁹⁵. Кроме того, главы Хрудимского, Кёниггрецкого и Чаславского богемских округов были оповещены о необходимости поставок фуража и продовольствия для прусских магазинов в Пардубиц, Кёниггреце и Брандайзе. 24 августа войска корпуса Шверина стояли в Пардубиц и Эльбе-Тайниц (Elbe-Teinitz, совр. Тынец над Лабем). 25 августа авангард корпуса⁹⁶ продвинулся до Подибрад (Podiebrad), переправился через Эльбу и отбросил австрийский гусарский отряд до самого Брандайза.

В тот же день главные силы корпуса стояли лагерем в Колине, 27-го – в Нимбурге (Nimburg, совр. Нимбурк), а 29-го войска Шверина вошли в Брандайз, куда прибыли два фельдгеря от принца Леопольда с известием, что принц вошёл в Юнг-Бунцлау. 31 августа фельдмаршал Шверин расположил свои войска лагерем под Прагой у Либена (Lieben, совр. район Праги Либень) и Высочан (Wisotschan, совр. район Праги Высочаны). Здесь, во время рекогносцировки у Цискаберга (или Жижкаберг; Ziskaberg, совр. Виткова гора в Праге), фельдмаршал едва избежал пленения или смерти, неожиданно столкнувшись с отрядом вараждинцев. Но Шверин не потерял присутствия духа и, увидев опасность, громко крикнул: «Гренадеры, вперёд!». Несмотря на то, что рядом не было прусских солдат, а фельдмаршала сопровождала лишь небольшая свита, эта простая хитрость удалась, и противник спешно отступил. 1 сентября фельдмаршал приказал блокировать крепость на правом берегу Молдавы (Moldau, совр. Влтава) между Браником (Branik, совр. район Праги Браник) и Либеном.

Таким образом, к 2 сентября 1744 года Прага была блокирована прусскими войсками по обеим сторонам Молдавы. Позиции корпуса короля располагались между Голешовиц (Holleschowitz, совр. район Праги Голешовице) и Шлиховым (Schlichow, совр. район Праги Шмихов), а связь с войсками Шверина и принца Леопольда осуществлялась через мосты, навешенные у Гросс-Голешовиц и Браника. Австрийские войска почти не оказывали противодействия. Отряды милиции, встреченные прусскими войсками неподалёку от Праги, в спешке отступали в крепость или же разбежались. Генерал Баттяни принимал все меры, пытаясь задержать неприятеля, но его сил было явно недостаточно, чтобы остановить наступающие прусские колонны. Ещё в апреле Баттяни со своим корпусом, чтобы быть ближе к Саксонии и Богемии, перешёл из Баварии в Верхний Пфальц. Венгерский граф был крайне подозрителен в отношении военных приготовлений короля Фридриха и в июле, несмотря на приказ Гофкригсрата, распорядился задержать часть подкреплений, направлявшихся к Рейну в армию принца Карла. Вместо наказания граф Баттяни удостоился благодарности из Вены и одобрения своих действий со стороны принца Карла.

Узнав о концентрации прусских войск на саксонской границе, Баттяни собрал свой корпус у Амберга (Amberg) и выступил к Вайдхаузу (Weidhaus), куда прибыл 14 августа и где получил донесение о вторжении армии Его Прусского Величества в Саксонию и Богемию. Там же 19 августа он получил приказ двигаться на соединение с саксонской армией, так как в Вене не теряли надежды, что в Дрездене всё-таки решатся оказать сопротивление прусскому

⁹⁵ В Пардубиц – 1-й бат. полка Циммернова, в Кёниггреце – 2-й бат. того же полка.

⁹⁶ Драгунский полк Вюртембергского и гусарский полк Натцмера (Natzmer).

королю. Оставив часть войск в Баварии, граф Баттяни с главными силами своего корпуса⁹⁷ двинулся в Богемию, рассчитывая занять фланговую позицию у подножия гор Эрца, чтобы затруднить противнику выход на равнину. Там же генерал рассчитывал соединиться с саксонскими войсками, которые, как ему было известно, собирались в лагерях у Цвиккау и Хемница. Но пока прусские войска находились на территории курфюршества, саксонский двор не решался заявить о своей позиции, как в отношении прохода войск короля Фридриха через его территорию, так и насчёт запроса австрийской стороны о помощи на основании конвенции от мая 1744 года⁹⁸. Поэтому, пройдя около 20 километров, граф Баттяни принял решение остановиться в Хайде (Heid, совр. Бор) и там ожидать подкреплений. Эта позиция позволяла ему сохранять надёжную связь с Австрией, а также находилась на достаточном удалении от прусских войск, чтобы избежать столкновения. Отсюда он мог одновременно наблюдать за действиями пруссаков и держать горные перевалы у Фурта (Furth) и Вайдхауза открытыми для войск принца Карла. Если бы пруссакам удалось их запереть, главной австрийской армии, чтобы войти в Богемию, пришлось бы двигаться по большой дуге через Линц, потеряв при этом полторы-две недели. Такая задержка во времени грозила потерей не только Праги, но и всей Богемии.

---

⁹⁷ См. Приложение № 3.

⁹⁸ 8 сентября граф Брюль писал Бюнау в Вену: «Мы не можем пока заявить о нашей позиции и двинуть наши войска, мы только этим утром получили новости из Саксонии ..., что обоз Прусской артиллерии ещё находится у Пирны, так что иностранные Войска ещё не полностью покинули наши Земли».

Карл Иосиф, граф Баттяни (1697–1772). Австрийский полководец, позже воспитатель молодого эрцгерцога и будущего императора Иосифа. До прибытия принца Карла и фельдмаршала Трауна в Богемию со своим корпусом пытался задержать наступление прусской армии короля Фридриха.

Из Хайда граф отправил отряд из 400 человек лёгкой пехоты⁹⁹ к Ауссигу, чтобы перекрыть там течение Эльбы, а также соорудить завалы и засеки на главных дорогах, что должно было затруднить движение прусских обозов и артиллерии. Получив приказ двигаться к Праге, Баттяни продолжил марш и 26 августа вошёл в Плас (Plass, совр. Пласы), где оставался восемь

---

⁹⁹ 200 вараждинцев и 200 банальских кроатов под командованием полковника барона фон Буккова (Buccow), блестящего командира лёгких войск и будущего покорителя Козеля.

дней, наблюдая за маршем прусских войск, но не в силах его остановить. Однако австрийский генерал не бездействовал. Отправив обоз в тыл, чтобы тот не сковывал движения войск, граф Баттяни отправил около 2 000 человек на усиление гарнизона Праги¹⁰⁰ и разослал отряды по пути следования неприятеля для наблюдения и создания всевозможных препятствий его продвижению. Авангард барона Фештетича расположился между Ракониц (Rakonitz, совр. Раковник) и Збечно (Zbečno). Для его поддержки граф Баттяни разместил у Козлан (Kozlan, совр. Кожланы) кавалерийский отряд из 1 000 лошадей под командованием генерел-фельдвахмистра Луччези (Luccesi). Вдоль дороги Пилзен (Pilsen, совр. Пльзень) – Теплиц (Teplitz, совр. Теплице) патрулировали гусарские разъезды. По просьбе герцога Саксен-Вайссенфельского к саксонской границе в район Эгера были направлены гусары Бараньяи, чтобы ожидать там подхода саксонцев. На крайнем правом фланге, у Берауна, с высот которого можно было наблюдать за действиями противника у Праги, стояли отряды лёгкой и регулярной пехоты. Там же, на предполагаемом пути следования главной австрийской армии, Баттяни распорядился заложить магазин. Этот город, находясь в 30 километрах от Праги, имел важное стратегическое значение, так как с этого направления было легче всего деблокировать богемскую столицу, если, конечно, Его Прусское Величество будет настолько нерасторопным, что позволит принцу Карлу прибыть к стенам крепости раньше, чем генерал Гарш прикажет бить «шамад».

Но как раз в это время король Фридрих вынужден был вновь изменить свои планы. Прибыв под Прагу и осмотрев укрепления крепости, король понял, что попытка взятия крепости «эскаладой», как это удалось французам осенью 1741 года, слишком рискована и может быть сопряжена с большими потерями. Теперь в крепости находился значительный гарнизон, а укрепления Праги были улучшены как самими французами, державшими в них оборону в течение нескольких месяцев, так и усилиями руководившего обороной крепости генерала Гарша. Чтобы овладеть городом, нужно было открыть осаду по всем правилам, для чего требовалась тяжёлая артиллерия. Но генерал Бонин с осадным парком ещё только медленно двигался из Лейтмерица по пражской дороге и мог прибыть к крепости лишь 9 сентября. Усилия Баттяни и остановка в Течене задержали короля почти на неделю. В то же время король Фридрих получил известие о марше принца Карла, из которого узнал, что главная австрийская армия будет у Праги в конце сентября. Кроме того, данные, содержащиеся в перехваченной корреспонденции герцога Саксен-Вайссенфельского с генералом Баттяни, давали основания для серьёзного беспокойства насчёт будущих действий саксонской армии. Таким образом, на взятие богемской столицы у короля было три недели.

---

¹⁰⁰ По 1 бат. от пех. полков Платца (Platz) и Уйвари и 2 бат. вараждинцев, а также по отряду немецкой кавалерии и гусар. Баттяни намеревался направить в Прагу 3 бат. вараждинцев, но солдаты одного батальона отказались повиноваться приказам и хотели вернуться домой. Командирам с трудом удалось уговорить их остаться. Вараждинцы были обязаны служить лишь полгода в году, а эта часть находилась при армии уже с октября 1743 года, что давало им право оставить службу. Никаких мер воздействия за этот акт ослушания к ним применено не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.